

63.3(0)3(2кз)я78

С 89

Турсун Султанов

Тогтамбе На белолі кошде

Халы казахскы сменелі

АСТАНА - 2006

ББК 63.3
С 89

Султанов Т. И.

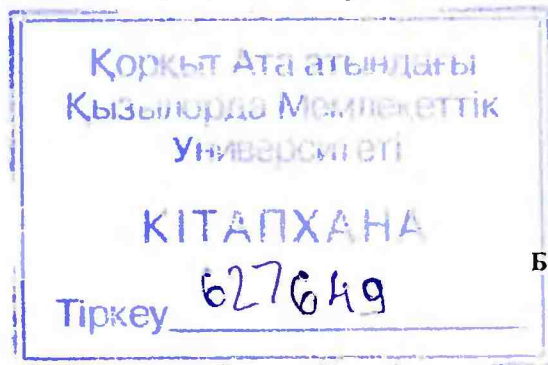
С 89 Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. –
ТОО «Астана Даму-21», Астана: 2006. 256 с.

ISBN 9965-9522-8-0

Новая книга известного историка профессора Турсуна Икрамовича Султанова посвящена исследованию политической системы и властных отношений внутри государств - наследников Монгольской империи, рождению новых этнополитических сообществ с новыми элитными группами, новой структуры власти. Одним из таких этнополитических сообществ стали казахи, образовавшие первое Казахское государство.

Серьезная научная работа основана на сотнях первоисточников, вместе с тем читается легко и увлекательно.

Книга адресована специалистам-историкам, студентам, школьникам, всем, кто интересуется историей Казахстана.

С 0503000000
66/05/06

ББК 63.3

ISBN 9965-9522-8-0

© Султанов Т. И., 1997

© Астана Даму-21, оформление., 2006.

От издателя

Уважаемый читатель!

Разрешите приветствовать Вас от имени молодого отечественного издательства «Астана Даму-21». Мы намерены публиковать несколько серий книг: современные труды по истории отечества, философские исследования, а также переиздать малоизвестные широкому читателю работы по истории, философии, политологии казахов, книги для детей и подростков казахстанских авторов.

Нам особенно лестно стать издателями работы известного историка-востоковеда профессора Т. И. Султанова, посвященной исследованию истории казахского народа. Настоящая книга написана Турсуном Икрамовичем десять лет назад, и все это время разные препятствия не давали ей встретиться со своим читателем в полном авторском варианте.

В период, когда идут дискуссии о «возрасте» казахов и формировании казахстанской нации, о противоречивой роли Чингисхана в истории народов мы, издавая настоящий труд, вносим свою лепту в процесс исторического познания.

На наш взгляд, казахстанская нация может окончательно сложиться через культурно-историческое единство, прежде всего, через глубокое постижение всеми живущими в стране народами культуры титульной национальной группы. А сегодня мы очень мало и отрывочно знаем историю народа, на земле которого живем, не знаем, какой ценой завоевана территория, ставшая атамекеном для 130 национальностей. Мы мало знаем, на каких принципах складывалась политическая и нравственная культура казахов, которая, по большому счету, позволила уже к концу девятнадцатого века создать интернациональную общность, сплотившуюся и окрепшую в испытаниях века двадцатого. Свидетельством сплоченности

и чувства единства народа является реакция казахстанцев всех национальностей на периодические инсинуации сторонних писателей или политиков, задевающих вопросы территориальной, политической, духовной целостности нашего общества.

Предвосхищая упреки некоторых «горячих» политиков, должна отметить, что автор, профессор Султанов является продуктом своей исторической эпохи. Так сложилось, что для коренного казаха рабочим языком жизнедеятельности стал русский и поэтому книга выходит в свет на языке оригинала. Но одновременно ведется работа по переводу на казахский, узбекский, киргизский, английский языки.

Серьезное научное исследование, основанное на сотнях первоисточников, читается легко и увлекательно. При первом прочтении рукописи я была поражена своеобразием культуры изложения, ритмикой слога, образностью, захватывающей читателя как подлинный бестселлер.

Мы надеемся, что книгу «Поднятые на белой кошме» с интересом будут читать и перечитывать люди разных возрастов, профессий, национальностей, она оставит глубокий след в умах и душах читателей, наполнит уважением к гордому и независимому народу, создающему свою неповторимую историю.

Евгения Бережная

Первым правителям казахского государства
Гирею и Джанибеку
посвящается

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
Чем не рай тебе — эта лужайка земная?
После смерти едва ли в другой попадешь...

Омар Хайям

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. Правовые воззрения и практика престолонаследия в восточно-мусульманских кочевнических государствах XIII-XIX вв. 9

1. О начале династии Чингизидов 11
2. Право и сила в жизни государства 27
3. Источники права на власть 53
4. Прерогативы и оковы власти 62
5. Закон и насилие в практике престолонаследия.. 80

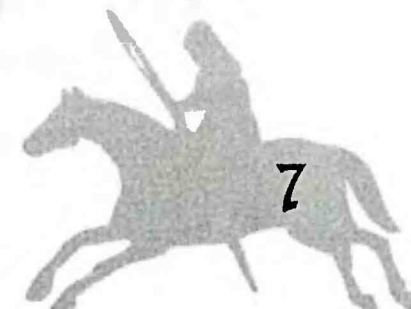
ГЛАВА II. Правители первого Казахского государства (1470-1718) 115

1. О начале казахской государственности 117
2. Основатели Казахского ханства 131
3. Властители периода упрочения Казахского государства 153
4. Политические лидеры смутного времени 170
5. Вожди дружин и покорители Туркестана 183
6. Хань-узурпаторы, хань-воители и хань-реформаторы 210

ЭПИЛОГ 234

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 235

ПОСЛЕСЛОВИЕ 252

ГЛАВА I

ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРАКТИКА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В ВОСТОЧНО-МУСУЛЬМАНСКИХ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XII-XIX ВВ.

1. О начале династии Чингизидов

Явление Чингизхана в мир.

«Великое Монгольское государство».

Статус цариц и наложниц.

«Четыре столпа» Чингизхана.

«Золотой род» и привилегии Чингизидов.

Судьба монголов в покоренных ими странах.

*Сотня бойцов у тебя, тысяч пять у врага:
В битву не лезь, коль тебе голова дорога.
Если с врагом ты не справишься, мир не загорен.
Лучше мирись, а не то обламают рога.*

Саади

В один из дней одна тысяча сто пятьдесят пятого года в урочище Делиун-Балдах, на правом берегу реки Онона, в юрте супружеской четы Есугей-бахадур из монгольского племени кият-борджигин и Оэлун-фуджин (хатун) из рода олкунут (ветвь племени конграт) родился мальчик, сжимая в ладони правой руки своей сгусток запекшейся крови, похожей на кусок ссохшейся печени. Молодые родители нарекли своему младенцу-первенцу имя Темучин. От Оэлун-хатун родилось у Есугей-бахадур еще три сына – Хасар, Хачи-ун, Темуге-Отчигин (Отчигин) – и одна дочь по имени Темулун. От другой жены Есугей-бахадур имел двух сыновей по имени Бектер и Бельгутаи.

Когда Темучину исполнилось лет девять-десять, его еще молодой отец скончался, отравленный своими врагами, буир-норскими татарами. Большинство родичей и подчиненных Есугей-бахадур предательски отвернулось от его семьи, и Темучин, его мать Оэлун и братья вынуждены были жить охотой и рыбной ловлей. В обстановке постоянных измен, насилий и убийств Темучин проникся жестокостью даже к близким. Однажды из-за детской пустячной ссоры он вместе со своим младшим братом Хасаром в упор пронзил стрелами Бектера. Когда они, бросив бездыханное и окровавленное тело своего сводного брата на холме, вернулись домой, их мудрая мать Оэлун все поняла и так порицала старших

своих сыновей. “Душегубцы, - гневно закричала она. - Недаром этот вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови” [Сокровенное сказание, с. 90].

Но именно ему, запачканному кровью “душегубу” Темучину, было суждено прославить не только свою семью, свой род, но и весь монгольский народ.

Время течет стремительно. Пронеслась, промчалась вереница лет, унося в безвозвратную даль отрочество и юность, и вот возмужалый Темучин уже предводитель кочевников и водит многотысячную рать по степям Центральной Азии, нанося одно поражение за другим своим врагам. За военные доблести и выдающийся ум монгольские роды и племена дважды, около 1189 г. и в 1206 г., избирали Темучина ханом и положили ему титул *Чингизхан*, совершенно вытеснивший его личное имя.

Значение титула Чингиз (Чингис, Хингис) – хан до сих пор точно не установлено. По мнению ряда востоковедов, титул *чингиз* является палатализованной формой тюрко-монгольского слова *тенгиз* – море, океан, и композит “чингиз-хан”, соответственно, означает “хан-океан”, т.е. “Владыка вселенной”, “Всемирный хан” [Кычанов, 1991, с. 88-92; Хара-Даван, 1992, с. 51-52; Мункуев, 1975, с. 109-111, прим. 66; Панкратов, 1989, с. 180-189].

Чингиз-хан отличался не только личной отвагой и острым умом, но также сильным характером и исключительной целеустремленностью: достигнув поставленной какой-нибудь одной цели, он всегда стремился к другой, более высокой. Сделавшись в 1206 г. ханом объединенной Монголии, свои военные таланты он использовал против внешних врагов. Судьба и тут благоволила ему во всем. Оканчивая каждую войну доблестно и удачно, к 1224 году Чингизхан распространил свою власть от Северного Китая до нынешней Средней Азии и Казахстана включительно.

Чингизхан умер в августе 1227 г., но мир не успокоился. Дела полководческого гения Чингизхана, создавшего *Еке Монгол улус* (“Великое Монгольское государство” - так стало называться государство Чингизхана с 1211 года), успешно продолжили его наследники. В результате завоевательных войн и череды военных побед Чингизидов (мужских потомков основателя монгольской династии Чингиз-хана) к 1260 году образовалась самая обширная и могущественная империя из всех мировых империй, простиравшаяся от Желтого моря – на востоке до Дуная и Евфрата – на западе. Естественно, что Монгольская империя, объединявшая под своей властью многие разные племена и народы, страны и государства Дальнего Востока, Передней Азии и Восточной Европы, не могла просуществовать долго. Уже к концу 60-х годов XIII века Монгольская империя распалась на четыре улуса-государства, каждое из которых возглавляли ханы – потомки Чингизхана. Но прежде чем перейдем к изложению обстоятельств этих четырех улусов-государств и судьбы монголов в покоренных ими странах, слово о женах Чингизхана и о “золотом роде”, составивших правящую династию.

Рашид ад-Дин (ум. в 1318 г.), автор знаменитого “Сборника летописей”, главного труда по истории Монгольской империи, утверждает, что Чингизхан имел до пятисот жен и наложниц. Но только пятеро из них были главными женами: 1) Борте из племени конграт; 2) Кулан из племени меркит; 3) Есукат из племени татар; 4) Гунджу, дочь Алтан-хана, государя Хитая; 5) Есулун, сестра упомянутой выше Есукат, также из племени татар. Из их числа только одна, а именно Борте, “была самой почтенной и старшей” [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 68-71].

В мусульманских источниках, составленных в XIII-XIV вв., жены Чингизхана и Чингизидов называ-

ются почетными женскими титулами *хатун* (“ханша”, “госпожа”) и *биги* (или *биге*), главные жены – *хатун-и бузург* (“старшая госпожа”), а старшая жена – *хатун-и бузургтар (ин)* (“Великая госпожа”). В сочинениях более поздних мусульманских авторов, писавших о чингизских улусах, к царице и принцессам крови наряду с титулами хатун и биге (биким) прилагаются также слова *ханум (ханым)* и *султан*.

По словам великого путешественника XIII века Марко Поло, всякий монгол “берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли сможет их содержать.... Первую жену они, знайте, почитают за старшую и самую милую” [Марко Поло, с. 88]. Это утверждение без комментариев повторено у Б.Я. Владимирцова и у ряда других исследователей. Действительно, многоженство было обычным явлением у монголов; в частности, у Чингизидов общее число жен достигало нескольких десятков; из них в среднем 2-8 жен были главными, и лишь одна из главных жен была старшая. При определении ранга жен фактор времени брака, конечно, играл преимущественную роль, но часто, как показывают исторические примеры, старшинство давалось жене по ее знатности или по тому, что муж “ее крайне любил” [см. Рашид ад-Дин, т. 3, с.18, 65; Муизз ал-ансаб, л.176 и др.].

Заключение Чингизханом большого количества браков не может рассматриваться, по справедливому замечанию проф. Е.И. Кычанова, признаком сексуальной мощи. В большинстве своем эти браки носили чисто политический характер, укрепляя связи Чингизхана с различными монгольскими родоплеменными группами и покоренными народами [Кычанов, 1991, с. 231-232]. Но все же среди тюрко-монгольских племен было несколько племен, которые имели преимущественное право поставлять девушек для рода Чингизхана. Одним

из таких брачных партнеров рода Чингизхана с давних времен было племя конграт. Согласно монгольской эпической хронике 1240 г., у конгратов была даже своя песня:

*Мы унгиратское племя
С давних времен знамениты
Красою и статностью дев...*

[Сокровенное сказание, с. 33]

Когда Темучин сделался всемонгольским ханом, традиция, по которой род, к которому принадлежал Чингизхан, обменивался невестами с конгратами, была официально узаконена. Был издан императорский указ Чингиз-хана, где, согласно Юань ши, говорилось: “Когда в роде хун-цзи-ла (кунгирад) рождаются девочки, они из поколения в поколение становятся императрицами; когда рождаются мальчики, они из поколения в поколение женятся на принцессах. Пусть непрерывно из поколения в поколение объявляют этот жалуемый указ в первую луну четырех времен каждого года” [Мункуев, 1975, с. 152, прим. 212].

Как показывает обзор генеалогической истории, конграты сохранили за собой роль брачных партнеров мужских потомков Чингиз-хана на всем протяжении существования династии Чингизидов, и именно из этого племени были главные жены подавляющего большинства монгольских ханов и принцев крови. Известный казахстанский востоковед Ю.А. Зуев предлагает называть конгратов *хатунским племенем* в составе династийной коалиции монголов. Это предложение представляется удачным, и оно может быть принято в соображение.

Для обозначения наложниц Чингизидов и других знатных лиц монгольских улусов в мусульманских ис-

точниках обычно употребляется слово *кумма* (мн. ч. - *куммайан*) и очень редко слово *суррий* (мн. ч. - *суррий-ат*). Наложницами были обычно девицы-красавицы двух категорий: собственно монгольские девушки и юные пленницы из покоренных монголами народностей. Так, согласно предписанию Чингизхана, которое соблюдалось и его наследниками, по всей Монголии в начале каждого года (а иногда каждые два или три года) по племенам производили набор наиболее красивых девушек для самого государя и для принцев крови. После каждой победы в походах военачальники, выбрав луноликих девушек, которых захватили в плен и которых признавали подходящими, приводили к государю. Девушки, которых государь не оставлял для сожителства с собою, раздавались его женам (*хатунам*) или раздавались его родственникам и придворным [Джувайни, изд., т. 1, с. 24; Рашид ад-Дин, т. 3, с. 209-210; Д'Оссон, с. 231-232].

Статус наложниц не был, однако, перманентным. По истечении какого-то времени наложницы хана, как водится, выдавались замуж, например, за эмира или другого сановника, а отдельные наложницы становились женами самого государя. Этот акт перехода *кумма* в ранг *хатун* в средневековых мусульманских источниках описывается обычно так: такой-то наложнице "возложили на голову *бугтак* (головное украшение замужних женщин; оно подробно описано Плано Карпини и Рубруком. - Т.С.), и она стала *хатун*".

В "Тарих-и Джахан-гушай-и Джувайни" (закончена в 1260 г.), в разделе "Сыновья Чингизхана", говорится, что старшей женой (*хатун-и бузургтар*) Чингизхана была Йусунджин-беки [в тексте источника ошибка: в действительности старшей женой Чингизхана была Борте-хатун; см. выше] и утверждается, что, "по монгольскому обычаю, ранг детей от одного отца

определяется в соответствии со степенью их матерей, так что детям старшей жены предоставляется определенное преимущество и первенство" [Джувайни, изд., т. 1, с. 29].

Действительно, четыре сына Чингизхана, которые родились от его старшей жены Борте-хатун, пользовались большим почетом, чем остальные его дети; внук Чингизхана Хубилай (правил в 1260-1294 гг.) имел двенадцать сыновей, но из них влиятельнее были те четверо, матерью которых была Чабун-хатун, старшая жена Хубилай-хана. Очевидно, есть и другие примеры, подобные приведенным.

Тем не менее, не следует, видимо, генерализировать цитированное утверждение Джувайни: каждый такой случай различия ранга детей от одного отца имеет, как показывает исторический материал, свое объяснение (в частности, вопрос о рангах детей Чингизхана будет рассмотрен дальше). Степень матерей, конечно, оказывала определенное влияние на положение их детей. Но такое обстоятельство сохранялось лишь до той поры, пока были живы их матери, да и степень матерей подчас резко менялась за супружескую жизнь. В целом же в обществе древних монголов, соответственно, в жизни Чингизидов, действовало правило, согласно которому дети наследовали положение отца и отец определял степень своих детей. Эта особенность замечательно метко подмечена Плано Карпини. "Между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, - разъясняет он, - но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги" [Плано Карпини, с. 36].

Это правило в целом сохранялось на всем протяжении существования царского дома Чингизидов в Азии, и сыны Чингизидов, рожденные от наложниц, и их

мужские потомки с полным правом ввязывались в борьбу за власть, вступали на престол. Примеров тому в источниках много, ограничусь здесь только двумя рассказами.

Первый рассказ. У Джучи, старшего сына Чингизхана, было много жен (*хаватин*), пишет автор генеалогического сочинения “Муизз ал-ансаб”. Наложниц (куммаيان) же у него было бесчисленное множество, но из всех их поименно известны только двое: “одна – Карачин-хатун, мать Бувала, а другая – Кагрихатун из племени меркит, мать Тука-Тимура” [Муизз ал-ансаб, л. 18 а]. Примечательно здесь то, что сын *кумма* (наложницы) Тука-Тимур, вкупе со своими сводными братьями Орда-Иченом, Бату, Берке, Шибаном и другими, рожденными от главных восьми жен Джучихана, не только принимал активное участие в создании государства Джучидов в Дешт-и Кипчаке, Золотой Орды, и в решении других общеимперских дел своего времени, но впоследствии его потомки стали правителями в Золотой Орде, а затем в Крыму и Средней Азии; и эта ветвь династии Чингизидов получила в мусульманских источниках наименование *хане-дан-и Тукайтимуридан* – “династия Тукайтимуридов” [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 1226].

Второй рассказ. Согласно “Тарих-и Рашиди” Мирзы Хайдара Дуглата и “Шаджара-йи турк” Абул-Гази, у правителя Средней Азии Есен-Буга-хана, потомка Чагатая, второго сына Чингизхана, была любимая жена по имени Сатылмыш-хатун, но от нее не было у него детей. Поэтому он обратил взор на одну красивую служанку по имени Менгли, и держал ее при своем дворе. Со временем Менгли забеременела от хана. Однажды, когда Есен-Буга-хан отправился в поход, Сатылмыш-хатун выдала Менгли замуж за эмира по имени Широгул из племени дохтуй и переселила их в один

из дальних уголков страны. Но между тем весь народ знал, что та невольница была беременна от хана. В доме эмира Менгли родила мальчика, которого нарекли Тутлук-Тимуром. По прошествии некоторого времени Есен-Буга-хан умер; в Чагатайском государстве начались беспорядки. Эмир племени дуглат Пуладчи в 746/1345-46 гг. привез из Кульджинского края, долины р. Или, в город Аксу (Восточный Туркестан) Тутлук-Тимура и в 748/1347-48 гг., возвел его на престол [Тарих-и Рашиди, В 648, л. 66-76; Абул-Гази, изд. т. 1, с. 155-157]. Государство, основанное Тутлук-Тимурханом (правил в 1347-1363 гг.) и эмиром Пуладчи в Восточном Туркестане и Семиречье, именуется в средневековых мусульманских источниках Моголистаном. Потомки Тутлук-Тимура, сына хана от невольницы-служанки, правили в Восточном Туркестане до конца XVII века [Акимушкин, 1984, с. 156-164].

Итак, все дети Чингизидов как рожденные от супруги (*хатун*), так и прижитые от наложницы (*кумма*), считались законными и получали соответствующую по порядку их рождения (старший сын, младший сын) долю наследства. Это положение важно для нашей темы, и мы еще вернемся к нему при рассмотрении вопросов о престолонаследии. Что же касается приведенных выше слов Джувайни об особом ранге сыновей Чингизхана от его старшей жены Борте, то это объясняется как особой ролью Борте-хатун в жизни Темучина - Чингизхана, так и самой деятельностью ее четырех славных сыновей.

Согласно официальной истории древних монголов, монгольской хронике 1240 г., Есугей-бахадур посватал Борте, дочь Дай-Сечена из племени конграт, за своего старшего сына Темучина, когда ему было всего девять лет. По старинному монгольскому обычаю Темучин в качестве жениха прожил в семье своей десятилетней

невесты Борте какое-то время. Вскоре Есугей-бахадур погиб; но, несмотря на происшедшую в положении семьи жениха трагическую перемену, Дай-Сечен выдал за Темучина свою дочь.

Испытывал ли Темучин любовь к Борте, мы не знаем. Но в течение всей долгой супружеской жизни встреченная еще в детстве Борте оставалась не просто первой женой, но и неизменно старшей женой Чингизхана, и он всегда относился к ней с чувством глубокого уважения и особой привязанности. В источниках Борте изображена как мудрая ханша и воспитательница; она, по словам самого Чингизхана, всегда “говорила дело”.

Борте была, так сказать, матерью-героиней: она родила от Темучина – Чингизхана четырех сыновей и пять дочерей. Имена ее сыновей: Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй. Согласно Рашид ад-Дину, от других жен у Чингиз-хана было еще четыре сына, а именно: Кулкан, Джаур, Джурчитай и Орчакан; последние три сына скончались в детстве и у них не было детей, а вот у Кулкана было четыре сына, и сам он погиб от боевых ран осенью 1237 г. (по другим данным в январе 1238 г.) во время похода монголов на русские княжества при осаде Коломны. Чингизхан установил Кулкану “степень (мартабэ) четырех упомянутых старших сыновей”; однако судьба детей Чингиз-хана сложилась так, что “людьми особо авторитетными” и наиболее известными стали именно четверо сыновей от конгратки Борте [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 68-72; т. 2, с. 38-39].

Правда, ни один из них не унаследовал высоких дарований отца, но все четверо были людьми небездарными, дельными, энергичными. “Эти четыре сына Чингизхана, – сообщает автор “Джами ат-таварих”, – были умны, исполнены достоинств и совершенны, отважны и мужественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чингизхана они служили как че-

тыре основных столпа. Каждому из них он уготовил государство и их называл “четырьмя кулу-ками”, а “кулуками” называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди” [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 69-70].

После покорения нынешней Средней Азии и Казахстана (1219-1224 гг.) Чингизхан выделил каждому из “Четырех кулуков” особые земли, “называемые *йуртом*”. В исторической литературе розданные Чингизханом земельные владения с населением принято именовать уделами или *улусами*. Степень отдаленности улусов соответствовала при этом возрасту влиятельных сыновей; оттого Тулую, младшему из “Четырех кулуков”, который носил почетное прозвание “Отчигин”, т.е. “Владыка домашнего огня”, был назначен коренной йурт Чингизхана – Центральная Монголия, а также 101 тысяча из 129 тысяч человек монгольской регулярной армии; свою долю наследства Тулуй получил лишь после смерти отца. Территории, завоеванные к западу от Монголии, были поделены между тремя старшими сыновьями. Угедю, третьему сыну Чингизхана от его старшей жены Борте, были назначены Западная Монголия с Тарбагатаем. Владения Чагатая, второго сына Чингизхана, включали Восточный Туркестан, большую часть Семиречья и Мавераннахр (междуречье Амударьи и Сырдарьи). Улус старшего сына Чингизхана, Джучи, занимал земли к западу от Иртыша и от границ Каялыка (в Семиречье) и Северного Хорезма до Нижнего Поволжья, т.е. все нынешние казахские степи [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 59-60, 147; т. 5, с. 133].

Как передают достойные доверия повествования, пишет Рашид ад-Дин, у Джучи-хана (ум. в 1227 г.) “было около сорока сыновей и от них народилось несчетное количество внуков, но из-за дальности расстояния (Ирана от Улуса Джучи) и из-за того, что не нашлось ни

одного знающего человека, все их потомки не выявлены и не установлены в точности". После этих слов в "Сборнике летописей" (т. 2, с. 65 и сл.) приводится "памятка" о 13 сыновьях Джучи и их известных потомках. В "Муизз ал-аснаб" (л. 186), генеалогическом сочинении, составленном при дворе Тимуридов в 1426 г., приведены имена 18 сыновей Джучи-хана. У Чагатая (ум. в 1242 г.) было восемь сыновей. Угедей (ум. в 1241 г.) имел семерых сыновей. У Тулуя (ум. в 1233 г.), четвертого сына Чингизхана от его старшей жены Борте, было десять сыновей. У пятого сына Чингизхана по имени Кулкан (ум. в 1237 г.), который родился от Кулан-хатун, дочери предводителя племени меркит, было четыре сына.

Таким образом, общее число всех наличных мужских потомков Чингизхана достигало к концу его жизни, т.е. к 1227 г., примерно сто человек – это его пятеро сыновей, не менее 40-45 взрослых внуков и много дюжин подрастающих правнуков. История Монгольской империи после смерти ее основателя сложилась однако так, что только первые четыре сына Чингизхана от его старшей жены Борте, его "Четыре кулука", стали родоначальниками царевичей и государей чингизидских улусов, т.е. прародителями членов *алтан уруга* ("золотого рода"). Из потомства братьев Чингизхана только потомки Хасара (Джочи-Касара) получили права царевичей; остальные вошли в состав аристократии [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 51; Бартольд, т. 1, с. 451]. Известен случай, когда в 1336 г. на престол Табаристана (область вдоль южного побережья Каспийского моря) был возведен потомок Хасара, по имени Тога – Тимур [Муджамал-и-Фасихи, с. 62]. Однако в действительности даже в самой Монголии на потомков Хасара смотрели косо, «как бы не совсем признавая, порой, их равноправными настоящими *тайджи* (царевичами)» [Владимирцов, 1934, с.146].

Словом, с позиции политического сознания той эпохи, настоящими членами *алтан уруга* были только Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй и их мужские потомки, рожденные как от законной жены, так и от наложницы или служанки. По мере естественного роста численности царевичей, дробления *алтын уруга* и распада *Еке Монгол улуса* образовалось несколько параллельных династий Чингизидов – династия Джучидов (правила в Золотой Орде), Чагатаидов (правила в Средней Азии и Восточном Туркестане), Хулагуидов (правила в Иране) и династия Юань (правила в Монголии и Китае).

В самой Монголии и в восточных областях Монгольской империи царевичей дома Чингизхана именовали *кобегун*, со времени монгольской династии Юань (1260-1368) – *тайджи*, словом, взятым из китайского языка [Владимирцов, 1934, с. 99, 104, 142, 144; Мункуев, 1975, с.142-143, прим.161].

В западных улусах Чингизидов для обозначения принцев крови употреблялись совсем иные слова и титулы. В сочинениях мусульманских авторов XIII-начала XIV вв. первые Чингизиды обычно именуется *шахзаде*, *падишахзаде* ("царский сын") или просто персидским словом *песар* (букв. "сын"), а для обозначения представителей династии Джучидов, Чагатаидов и Хулагуидов третьего-четвертого и последующих поколений употребляется уже тюркское слово *огул* или *оглан* (букв. "сын, "ребенок"), которое обычно ставится только после собственных имен принцев. С XIV века наиболее употребительным титулом каждого члена этих династий становится слово *султан*. Для нашей темы важно отметить, что в государствах Джучидов и Чагатаидов султаном называли и принцев крови, и принцесс; причем титул султан ставился как перед собственным именем его обладателя, так и после него.

Чингизиды составляли замкнутое высшее аристократическое сословие и своим юридическим положением резко выделялись среди остального населения страны, где они представляли правящую династию. Право быть провозглашенным ханом сохранялось только за членами “золотого рода”, для которых право на правление в силу установившейся его наследственности превратилось как бы в естественно присущий им атрибут. Только “золотой род” давал инвеституру новому хану и принимал от него присягу. Только членам “золотого рода” и немногим вельможам был открыт доступ к *Великой Ясе* Чингизхана (собрание законов и приказов) и к *Алтан-дафтару* – “Золотому свитку” (официальная история ханского рода Чингизидов), которые хранились в ханской сокровищнице; (ни Великая Яса, ни Алтан-дафтар не сохранились до наших дней в полном объеме и известны лишь в пересказах и по упоминаниям). Члена ханского рода можно было предать наказанию только с общего решения царевичей, и творить суд над Чингизидом мог только сам хан или старший в роде. Свои права и привилегии Чингизиды приобретали по праву рождения независимо от экономических обстоятельств, а также нравственных, умственных и физических качеств того или иного лица. Словом, Чингизидом надо было только родиться. Родство по женской линии с “золотым родом» не делегировало зятю никаких прав и привилегий Чингизидов, кроме почетного титула *гурган* – “зять ханского рода”.

Чингизиды сохранили за собой свои особые права и сословные привилегии на всем протяжении существования их царского дома в Азии. Например, в XVIII-XIX вв. в Казахских ханствах, где продолжали жить еще традиции и принципы политической идеологии степной государственности, султаны, продолжая представлять политическую элиту, не несли в то же вре-

мя никаких (кроме военных) повинностей. Все Чингизиды казахских улусов имели единую *тамгу* и один особенный *уран* (пароль), выражаемый словом “*аркар*”, которого уже простой народ – *кара-суйек* – не мог употреблять. Привилегии султанов перед другими членами общества состояли также в том, что они были избавлены от телесного наказания и не подлежали суду биев (родоначальников). Простые люди в разговорах не могли называть их по имени, но вместо имени должны были употреблять слово *таксыр* (господин). При встрече с султаном всякий простолюдин сходил с лошади и, становясь на одно колено, приветствовал его. Султан в ответ на приветствие клал ему на плечо свою руку и отвечал “*аманба*”. Таким же образом поступали и в юртах. Одним из внешних признаков султанского достоинства считалась белая кошма. В общих собраниях и во всех остальных торжественных случаях все представители белой кости – султаны и ходжи – садились только на белые кошмы. Если простолюдин присваивал себе из тщеславия титул султана, то подвергался наказанию от 15 до 30 ударов нагайкою. Если же человек черной кости, выдавая себя за носителя султанской крови, женился на султанской дочери или его родственнице, его подвергали наказанию, выражавшемуся в выплате полного *куна*, т.е. оплаты за убийство мужчины [Зиманов, 1958, с. 187-188; Султанов, 1981, с. 143-145].

Важно отметить здесь то, что при этом султаны казахских улусов не относили себя ни к одному из тюрко-монгольских племен, не разделялись на колена. Они были только представителями правящей династии и продолжали составлять замкнуто сословную организацию еще в начале XX века.

Совсем по-другому сложилась этническая и политическая судьба кочевых родов и племен Монголии, кото-

рые в полном составе или отдельной частью переселились в эпоху великих завоеваний в западные улусы Монгольской империи. Точных статистических данных о численности монголов, поселившихся в Улусе Джучи, Чагатайском улусе и в государстве Хулагуидов нет: разные исследователи приводят разные цифры [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 150, 258; Петрушевский, 1960, с. 42,43; Мункуев, 1970, с. 370-372]. Уверенно можно утверждать лишь одно, а именно: в каждом из названных выше трех западных улусов Чингизидов поселилось на постоянное жительство по несколько десятков тысяч монголов. С течением времени они приняли язык и веру народов покоренных ими стран и ассимилировались; насколько известно, из потомков монголов, пришедших на запад при Чингизхане и его преемниках, только две небольшие группы сберегли свой язык до новейшего времени – это афганские монголы в составе хазарейцев и толмукунцы в Кукунорской области. Данные источников позволяют исследователю сделать вывод о том, что особенно интенсивно процесс слияния монголов с местным населением и образования новых этнических структур шел в Кипчакских степях.

Тут не место исследовать влияние монголов на строй местной жизни покоренных ими стран; этот вопрос с той или иной степенью полноты рассмотрен в трудах академика В.В. Бартольда и других авторов. Для нашей темы достаточно отметить, что в политической жизни покоренных монголами стран довольно скоро и прочно укрепилась государственная идея, согласно которой хан – только Чингизид, т.е. право Чингизидов править, о котором говорилось выше, вошло в состав политического обычая, получило народное признание. В этом отношении весьма показательны, что даже в XIX веке в Средней Азии и Казахстане происхождению от Чингиз-хана и титулу султан придава-

лось такое же значение, как происхождению от пророка Мухаммада и званию *сайид*.

Изучению властных отношений внутри *Еке Монгол улуса*, Золотой Орды, Чагатайского государства и их политических наследников – Моголистана, государства Тимура, Узбекских ханств и Казахского ханства – и посвящены нижеследующие строки настоящего исследования.

2. Право и сила в жизни государства

Наследник Чингизхана.

Судьба политического завещания Угедея.

Обстоятельства восшествия на престол Гуюк-хана.

Мунке-хан - избранник Бату и войска.

Раскол династии и распад империи.

Август 1227 года. Стан монгольских воинов на территории Си Ся - государства тангутов в самой глубинке Внутренней Азии. Ханский походный шатер, строго охраняемый особой гвардией - *кешиктенами*. Там, внутри шатра, окруженный группой приближенных, возлежит на ложе необычайно высокого для монгола роста, величественный человек с широким лбом и узкими глазами на скуластом лице. Это Чингизхан – повелитель мира, властелин вселенной, судья человеческих судеб. Несколько дней тому назад он почувствовал себя плохо и слег.

Ему за семьдесят. Но время, кажется, в тайном заговоре с ним. Правда, годы взяли свое: редкие волосы на голове и длинная борода хана – седые, обветренное широкое лицо – в морщинах. Но давно замечено, что человека старят не морщины, не седина; человека ста-

рят глаза, в которых погас огонек. У Чингизхана, даже смертельно больного, лукавый взгляд, то и дело в его "кошачьих глазах" (выражение мусульманского историка XIII в. Джузджани, который передает здесь слова лиц, видевших хана при его вторжении в Хора-сан в 617/1220-21гг.) мелькают искринки. Но все же близок конец. Он чувствует это. Но как всегда сохраняет необыкновенное самообладание. Тут же, на смертном одре, он приказывает созвать совет и, перед своим отходом в подземное царство Эрклика, делает свое последнее духовное завещание. Вот последний вздох, и жизнь Темучина - Чингизхана завершилась.

Это скорбное событие, согласно "Тарих-и Джахангушай-и Джувайни", случилось 18 августа 1227 года (в других источниках как мусульманских, так и китайских, приводятся другие даты: 24 августа, 25 августа и т.д.). Останки Чингизхана были доставлены в Монголию и погребены по древнемонгольскому обычаю точное место погребения сохранялось втайне. Одни говорят, писал ученый лама XVII в. Луб-сан Данзан, что Чингизхан "был похоронен на Бурхан-Халдуне. Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнгэй-хана, или в местности, называемой Йэлэ-Утэк" [Алтан тобчи, с. 242]. Тогда же, в XVII веке, местом погребения Чингизхана признали Ихэ-Эджен-Хоро, в Ордосе, где стояли юрты, якобы с останками Чингизхана. В 1956 г. на месте комплекса Ихэ-Эджен-Хоро был построен роскошный храм; ныне это доходный туристический комплекс и место поклонения [Кычанов, 1991, с. 228].

Чингиз-хан еще при жизни выбрал себе наследника. Насколько можно судить по источниками, он по меньшей мере дважды обсуждал это важное в политической жизни государства дело. Согласно рассказу ано-

нимного автора "Сокровенного сказания", первой вопрос о наследнике престола поставила ханша Есуй (Есукат-хатун) перед походом Чингиз-хана на запад, т.е. летом 1219 года. В присутствии главных жен и сыновей, младших братьев и видных военачальников Чингизхана Есуй так обратилась к государю: "Каган! Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому доверишь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Чье имя назовешь ты из четырех твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоём для всех нас: и сыновей твоих, и младших братьев, да и нас недостойных."

Чингизхан одобрил слова Есуй и сказал: "А я то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть! Итак, старший мой сью Чжочи, что скажешь ты? Отвечай!"

И тут произошла пренеприятная семейная сцена, заставившая Чингизхана мыслями вернуться в далекое прошлое, в дни молодости, к обстоятельствам рождения своего первенца, Джучи.

В те бурные годы XII в. Монгольские степи были объаты жестокой междоусобной войной. Вот воины враждебного племени меркит совершили внезапный налет на Бурхан, предали разграблению жилище Темучина и увели в полон его молодую жену Борте, которая будто бы была беременна. Впоследствии, когда ее освободили из плена, она родила сына, которого назвали Джучи и который был признан старшим сыном Темучина - Чингизхана. Тем не менее однако, толки о происхождении Джучи не прекращались; по этой причине между ним и его младшими братьями всегда были препирательства, ссоры и несогласие [Сокровенное сказание, с. 95-104; Рашид ад-Дин, т. 1 дсн. 2, с. 68-69; т. 2, с. 64-65].

Теперь, когда речь шла о таком серьезном и трудном деле, как дело престола и царства и Чингизхан первым предоставил слово Джучи, Чагатай, второй его сын, заявил: "Отец! Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?". При этих словах Чжочи вскочил и, вцепившись в воротник Чагатаю, воскликнул: "Родитель государь пока еще не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя".

Джучи с Чагатаем ухватились за ворота, изготовясь к борьбе. Тут сподвижники Чингизхана, Боорчинойон и Мухали, насилу растащили разгорячившихся братьев. Чингизхан молчал. Тогда заговорил Коко-Цос. Объявив Чагатаю, что нехорошо оскорблять подозрениями свою мать, он произнес страстную речь в защиту Борте-хатун и закончил ее так:

"Священная государыня наша светла душой – словно солнце, широка мыслию – словно озеро".

Затем обратился к сыновьям Чингизхан: "Как смаете вы, - гневно воскликнул он, - подобным образом отзывать о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!"

Чагатай признал свою неправоту, а после оба старшие сыновья высказались за то, чтобы объявить наследником престола Угедея и дали присутствующим твердое слово, что они оба, Джучи и Чагатай, будут парой служить младшему брату. Тогда Чингизхан обратился к Угедею, третьему своему сыну: "А ты, Огодай,

что скажешь? Говори-ка". Угедей отвечал, что он "постарается осилить" трудное искусство править государством, а вот за своих потомков не ручается.

И, наконец, слово было предоставлено Тулуу. "А я, - заговорил самый младший из "Четырех кулуков", - я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!".

Чингизхан одобрил слова Тулуя. Затем, обращаясь ко всем присутствующим на высоком собрании, он так закончил дискуссию о наследнике престола:

"Мое наследие я поручаю одному" из своих сыновей; и назвал имя Угедея [Сокровенное сказание, с.182-186].

Итак, на совете 1219 года, перед началом похода Чингизхана на земли современного Казахстана и Средней Азии, было названо имя наследника престола и царства. Но то было еще не окончательное решение. Насколько можно судить по материалам мусульманских источников, впоследствии в уединении Чингизхан не однажды возвращался мыслями к вопросу о своем преемнике. Джучи, старший сын, был "горяч, чрезвычайно храбр, отважен, мужествен и воинствен" [Джузджани, т. 2, с. 1096; История дома Чингисова, с.143]; но он находился во враждебных отношениях со своими братьями и не мог обеспечить единство потомков Чингизхана. Чагатай, второй сын, был "умен и способен", но "крут и скрытен характером", никогда не допускал на своем лице улыбки и внушал подчиненным только ужас [Сокровенное сказание, с. 176; История дома Чингисова, с. 143; Джузджани, т. 2, с. 1104; Джувайни, изд., т. 1, с. 226-232; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 93-94].

Словом, кандидатура двух старших сыновей в мыслях отвергалась; и Чингизхан должен был сделать окончательный выбор между двумя младшими сыновьями. Но и здесь, по словам источника, “он колебался относительно передачи престола и ханства: временами он помышлял об Угедей-каане, а иногда подумывал о младшем сыне Тулуй-хане”. Был даже период, когда Чингизхан “имел в мыслях передать Тулюю канство и царский престол и сделать его наследником престола”. Но в конце концов Чингизхан решил так: “Дело престола и царства – дело трудное, пусть им ведает Угедей, а всем, что составляет йурт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, – пусть ведает Тулуй” [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 8, 107].

Об окончательном выборе своего преемника Чингизхан объявил незадолго до своей кончины. Вот краткое изложение обстоятельства этого дела, которое подробнее всего рассказывается в сочинении Джувайни (закончено в 1260 г.) и во всеобщей истории Рашид ад-Дина (написана в 1300-1307 гг.).

По приведенному у Рашид ад-Дина рассказу, в начале весны года Собаки, соответствующего 623/1226 г., когда ханская ставка находилась в местности Онгон-Даланкудук, Чингизхан видел сон, предвещавший его близкую кончину. Он вызвал к себе своих сыновей; прибыли Угедей и Тулуй. На следующий день, после завтрака, Чингизхан сказал своим военачальникам и сановникам, заполнившим его палатку, чтобы они на некоторое время удалились и, оставшись с царевичами наедине, дал им много советов и наставлений, которые закончил следующими словами: “О, дети, остающиеся после меня, знайте, что приблизилось время моего путешествия в загробный мир и кончины! Я для вас, сыновей, силою господнею и вспоможением небесным завоевал и приготовил обширное и пространное государство, от центра

которого в каждую сторону один год пути. Теперь мое вам завещание следующее: будьте единого мнения и единодушны в отражении врагов и возвышении друзей, дабы вы проводили жизнь в неге и довольстве и обрели наслаждение властью!” Затем он сделал Угедей-каана наследником и, покончив с завещанием и наставлениями, повелел: “Идите во главе государства и улуса, являющихся владением покинутым и оставленным. Я не хочу, чтобы моя кончина случилась дома, и я уйду за именем и славой. Отныне вы не должны переиначивать моего веления. Чагатая здесь нет; не дай Бог, чтобы после моей смерти он, переиначив мои слова, учинил раздор в государстве. Теперь вам следует идти!”. Так он закончил эту речь на этом тайном совещании, затем, попрощавшись с ними обоими, отправил их назад, послав в государство и улус начальствовать, сам же с войском направился в сторону Нангяс [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 231-232, 258; т. 2, с. 109].

Согласно Джувайни, во время похода в страну тангутов Чингизхана постигла серьезная болезнь. Он вызвал к себе своих сыновей – Чагатая, Угедея, Тулюя, Кулкана, а также Джурчитая, Орчана (по другим источникам, оба последние из перечисленных сыновей умерли еще до 1226 года; см. выше) – и объявил им, что назначает своим преемником Угедея. Угедей отличается твердой волей и здравым рассудком, продолжал Чингизхан и он надеется, что эти его качества обеспечат подготовленному государству территориальную целостность и процветание. Затем Чингизхан потребовал от своих детей, чтобы они дали письменное обязательство, что после смерти отца согласны признать ханом Угедея, будут выполнять все его распоряжения и что не переиначат это завещание отца. Все братья Угедея сделали такое письменное заявление. Тем временем болезнь владыки стала усиливаться, продолжает Джу-

вайни, и четвертого рамазана 624 года хиджры (18 августа 1227г.) Чингиз-хан скончался [Джувайни, изд., т.1, с. 142-144; пер., т. 1. с. 180-183].

Нет надобности выделять здесь особо пункты расхождения в сообщениях Джувайни и рассказах Рашид ад-Дина: для внимательного читателя они очевидны сами собой. Важно то, что Чингизхан, согласно обоим историкам, подтвердил политическое завещание о назначении своим преемником царевича Угедея незадолго до своей кончины. Однако то, что имело место после смерти Чингизхана – междуцарствие – требует разъяснения, ибо, как будет показано дальше, междуцарствие наступало и после смерти первых преемников Чингизхана и продолжалось по несколько лет.

Дело в том, что власть нового суверена могла быть признана законной, только если она освящена авторитетным мнением *курултая* - общего собрания членов дома Чингизхана и военачальников. Именно на *курултае* политической и военной элиты страны совершался акт торжественного провозглашения хана, принятия присяги и т.п. На подготовку же всемонгольского *курултая* царевичей уходило немалое время. Наступало междуцарствие. На время между смертью хана и *курултаем* назначался временный правитель государства – регент.

Согласно известиям как мусульманских, так и китайских источников, доля исполнять роль первого по времени регента в государстве монголов выпала на царевича Тулуя [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 109; История дома Чингисова, с.143]. Оно, конечно, и понятно. Тулуй был самым младшим из “Четырех кулуков” Чингиз-хана, “*отчигином*” (“владыкой домашнего огня”), и после смерти отца, согласно его распоряжению, получил в наследство 101 тысячу из 129 тысяч человек монгольской регулярной армии, “коренной йурт, который

состоял из престольного города и великих станом Чингизхана”, а также все его имущество и казну [The Successors of Genghis Khan, p.18, 163]. Именно по приглашению Тулуя, как главы коренного йурта и ставок Чингизхана, со всех концов обширной империи стекались в Монголию принцы и принцессы, гражданские управители и военачальники, чтобы отдать последний долг основателю империи.

После похоронных церемоний, когда были исполнены обряды оплакивания и останки Чингиз-хана преданы земле, когда другие братья и царевичи все уехали каждый в свой йурт, Тулуй занялся заботами правления государством. Подробности его деятельности в качестве временного правителя *Еке Монгол улуса* в источниках не освещаются. Однако известно, что Тулуй так вошел в роль регента, что неохотно, под давлением китайского министра Елюй Чу-цая (о нем см. Мункуев, 1965), согласился на созыв *курултая*. По монгольской хронике 1240 г. и “Юань ши”, *курултай* царевичей, на котором они подняли на ханство царевича Угедея, произошел в год Мыши (1228 г.) в Керуленском Кодеу-арале. По словам Рашид ад-Дина, после смерти Чингизхана около двух лет престол пустовал и государству не доставало государя – лишь затем занялись подготовкой великого *курултая*, который состоялся наконец-то в 1229 году. Эта дата принята многими исследователями.

Таким образом, период первого междуцарствия, когда регентовал царевич Тулуй, длился не менее полутора лет; и все это время в государстве соблюдался порядок, что имеет для нашей темы большое значение.

Итак, после некоторого промедления воля основателя монгольской династии Чингизхана все же была исполнена: согласно его завещанию, наследный принц Угедей при всеобщем одобрении царевичей, других

ближайших своих родичей и военачальников взошел-таки на престол. Первый преемник Чингиз-хана правил лет двенадцать-тринадцать. Как отметил еще академик В.В. Бартольд (1869-1930), "разницу между царствованием Чингиза и Угэдэя и характер намерений последнего понимали даже сами монголы; в монгольском сказании Угэдэю приписываются слова:

"Наш царь Чингис с большими трудами создал царский дом. Теперь пора доставить народам мир и довольство и не отягощать их". Это стремление умиротворить страну и защитить мирных жителей от притеснений и поборов было причиной главных мер Угэдэя – учреждения должности *таньмачи*, установления нормы податей и учреждения почты" [Бартольд, т. 1, с. 534].

При Угедее были сделаны обширные завоевания на Дальнем Востоке (Северный Китай, Корея) и в Восточной Европе, так что в год смерти великого хана (1241) западная территория Монгольской империи включала всю местность в устье Дуная.

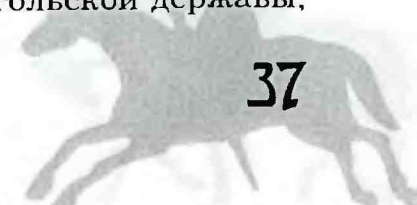
Все исторические источники прославляют нравственные качества первого преемника Чингизхана и с восторгом говорят о его великодушии, кротости, справедливости и щедрости. Но тот же великий хан Угедей имел, однако, весьма существенный недостаток: он был горьким пьяницей и страдал запоем, особенно в последние годы жизни. Угедэя неоднократно увещевали, но хан не слушал; тогда, однажды: китайский министр Елюй Чу-цай, показывая Угедей-хану железный ободок весь изоржавевший от вина, сказал:

"Это железо, будучи вином съедено, приняло такой вид. Что же сказать о пяти черевах человека?" [История дома Чингисова, с. 286]. После этого монгольский государь несколько уменьшил меру употребления вина. Но ненадолго. Кстати, вино и положило конец жизни Угедей-хана: он умер пьяным после очередно-

го кутежа. Это случилось в ночь с десятого на одиннадцатое декабря 1241 года [Джувайни, изд., т. 1, с. 158; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 43; The Successors of Genghis Khan, p. 66].

В Монгольской империи вновь наступило междуцарствие. На этот раз временной правительницей государства сделалась Туракина-хатун, одна из главных жен великого хана Угедэя. По словам Джувайни, Туракина приняла регенство над царством с согласия Чагатая и других царевичей, которые будто бы объявили, что правительницей на период междуцарствия должна быть назначена мать старших сыновей покойного хана [Джувайни, изд., т. 1, с. 196; пер., т. 1, с. 240]. Рашид ад-Дин приводит иную версию ее прихода к власти. "Когда Угедей-каан скончался, – пишет он. – его старший сын Гуюк-хан еще не воротился из походов в Дешт-и Кипчак, вскоре умерла и Мука-хатун (старшая жена Угедэя. – Т.С.). И Туракина-хатун, которая была матерью старших сыновей, ловкостью и хитростью, без совещания с родичами, по собственной воле захватила власть в государстве, она пленила различными дарами и подношениями сердца родных и эмиров, все склонились на ее сторону и вошли в ее подчинение" [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 114-115].

По одной версии, Туракина-хатун сама происходила из племени меркит; по другой – она была только женой главы племени меркит и была взята в плен во время покорения меркитов Чингизханом, который отдал ее в жены своему сыну Угедэю. Туракина была некрасивой властолюбивой и мстительной женщиной. Еще во времена Угедей-хана она была сердита на некоторых из государственных мужей и придворных и в душе ненавидела их. Теперь, когда порфирородная вдова хитростью и ловкостью сделалась полновластной правительницей монгольской державы,

она захотела воздать каждому по заслугам. В результате в резиденции регентши пышным цветом расцвели интриги и произвол.

В начальные годы регенства Туракина все дела при ней вязали и разрешали пленная персиянка Фатима, наперсница ханши, и мусульманский министр Абд ар-Рахман. Главным из выдающихся государственных деятелей прошлого царствования, мусульманину Махмуду Ялавачу, управителю Китая, и уйгуру-христианину Чинкаю (по "Юань ши", он был из монгольского племени керейт), главе гражданского управления империи удалось спасти свою жизнь только благодаря великодушию монгольского царевича Кутана; на требование Туракина-хатун выдать беглецов Кутан, по словам Джувайни, ответил так: "Птичка, ищущая убежища от когтей сокола, в траве находит спасение; они прибегли ко мне, выдать их было бы противно чести и великодушию" [Бартольд, т. 1, с. 553]. Китайский министр Елюй Чу-цай – главный советник, инициатор и проводник административных, финансовых и прочих реформ Угедей-хана, был лишен власти и умер в 1243 г. под Каракорумом, столицей Монгольской империи, находившейся в долине р. Орхон [Мункуев, 1965, с. 22-23, 86]. А эмир Масуд-бек, который был наместником великого хана в Восточном Туркестане и Мавераннахре, увидев такие дела, не счел за благо оставаться в своей области и отправился в Кипчакские степи, к Бату, ища у него убежища. Постепенно Туракина сместила всех вельмож прошлого царствования [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 116-117]. По свидетельству Плано Карпини, во время его пребывания в Каракоруме в 1246 г., Туракина-хатун отравила великого князя Ярослава. Его смерть была такая. Ярослав Всеволодович был приглашен к Туракина-хатун, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; он вернулся в свое

помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело удивительным образом посинело [Плано Карпини, с. 77].

Вопрос о престолонаследии, вследствие этого и междуцарствие, затянулись на этот раз на целых пять долгих лет. Угедей-хан имел семь сыновей, двое из которых родились от наложницы по имени Эркинэ. Вот их имена: Гуюк, Кутан, Кучу, Корачар, Каши, Кадан, Мелик. Угедей-хан, по примеру своего отца, еще при жизни выбрал в качестве наследника престола третьего своего сына Кучу, который был "очень умным и явился на свет баловнем судьбы". Но в 633/1235-36 г. царевич Кучу умер во время похода в Южный Китай. Тогда выбор хана остановился на старшем сыне умершего Кучу, Ширамуне, который "был очень одарен и умен", воспитывал его в своей ставке [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 9, 11, 36, 118; История дома Чингисова, с. 287].

Однако, когда великий хан Угедей скончался, объявились сразу несколько претендентов на престол; причем каждый из них обосновывал свои права на власть как единственно законный и имел в том своих приверженцев. Так, в частности, какая-то часть царевичей и военачальников поддерживала Ширамуна, наследника по завещанию покойного хана. Какая-то часть Чингизидов была за второго сына Угедей-хана, Кутана, который заявил свои права на верховую власть на том основании, что сам Чингизхан будто завещал, чтобы после Угедея престол перешел к нему, к Кутану [Джувайни, изд., т. 1, с. 206; пер., т. 1, с. 251; The Successors of Genghis Khan, p. 181]. Туракина-хатун и ее придворная камарилья выставила кандидатуру Гуюка, потому что он – старший сын умершего Угедей-хана. Когда, таким образом, в дела престола и царства проникла смута, младший брат Чингизхана Отчигин-нойон в 1242 году "захотел военной силой и смелостью захва-

тить престол". Но попытка оказалась неудачной и по-прежнему "ханский престол находился под властью и охраной Туракина-хатун" [Рашид ад-Дин, т 2, с. 116-117].

По Рашид ад-Дину, Туракина-хатун была матерью пяти старших сыновей Угедей-хана, то есть Гуюка, Кутана, Кучу, Корачара, Каши и, таким образом, приходилась Ширамуну, сыну Кучу, бабушкой. Однако такая именно родственная связь между тремя претендентами на престол с временной правительницей в свете их взаимоотношений представляется сомнительной. Судите сами. В смутное время второго междуцарствия претендент на престол великодушный царевич Кутан вдруг, в расцвете лет и сил, занемог и умер, "околдованный" Фатимой, наперсницей Туракина-хатун; впоследствии, когда был провозглашен новый хан, Фатиму судили за это и другие ее злодеяния, признали виновной и, завернув ее в кошму, бросили в воду. Показательно и другое. В начавшейся борьбе за престол, в ходе которой одного из трех претендентов (Кутана) постигла смерть, Туракина-хатун с самого начала столь же рьяно выступала против умного и доброго наследного принца Ширамуна, сколь ревностно поддерживала и продвигала кандидатуру Гуюка, который отличался свирепым характером.

В свете приведенных данных кажется правдоподобным допущение китайского исследователя Гэ Шаомина, согласно которому Туракина была матерью только Гуюка, а остальные сыновья Угедея были от других женщин [см. Мункуев, 1965, с. 123-124, прим. 202]. Во всяком случае, допущение, что Гуюк – единственный родной сын Туракина-хатун логично объясняет поведение временной правительницы, которая, поступая наперекор последней воле покойного супруга и сея смуту в "семье Чингизхана", в конце концов посадила на ханство именно Гуюка, который в течение всей жизни страдал хронической болезнью.

Вот заключительные формулы отказа престола Ширамуну и возведения на престол Гуюка: Ширамун, наследник по завещанию Угедея, – еще "не достиг зрелого возраста"; царевич Гуюк – старший сын покойного хана [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 80, 119; *The Successors of Genghis Khan*, p. 120, 181].

Гуюк был избран великим ханом на курултае в августе 1246 г. Туракина-хатун сумела так организовать дела Гуюка, что большинство народа было согласно на передачу ханского достоинства ее старшему сыну и на августовский курултай прибыли царевичи всех ветвей рода Чингизхана. Правда, глава Улуса Джучи Бату (Батый), личный враг Гуюка, сам не приехал на курултай, ссылаясь на телесный недуг, но зато прислал пять человек из своих братьев, в их числе Орда-Ичена, который после смерти Чагатая в 1242 г., был по возрасту самым старшим членом царствующего рода.

Спустя два-три месяца после августовского курултая 1246 г. Туракина-хатун скончалась.

По словам Джувайни, у Гуюка были "грубые манеры и вид, внушающий ужас и оцепенение"; Рашид ад-Дин говорит, что приближенные Гуюк-хана боялись сделать шаг в его присутствии и никто не смел доложить ему о каком-нибудь деле, не будучи спрошен [Джувайни, изд., т. 1, с. 213; Бартольд, т. 1, с. 554]. Наиболее подробные сведения о характере Гуюка дает Плано Карпини: "А этот император, – сообщает он, – может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше; он небольшого роста; очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершал какой-нибудь легкомысленный поступок, как нам говорили христиане, неотлучно с ним пребывавшие" [Плано Карпини, с. 79].

Раз мы начали говорить о природных качествах и нравах нового великого хана, то к сказанному выше сле-

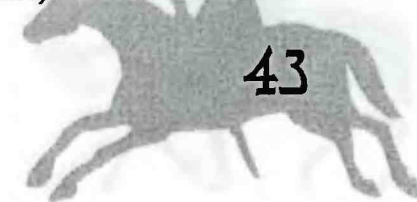
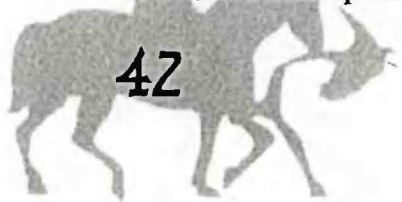
дует добавить, что Гуюк, как и его отец Угедей, был алкоголиком, тратил дни и ночи на пьянство и разврат и скончался 43-х лет от роду весной 1248 г. Гроб с телом Гуюка перенесли в долину Эмиля (река на Тарбагатае, в северо-восточной части нынешнего Казахстана), где была его коренная ставка, и предали земле.

Чингизхан завещал своим детям, как было сказано выше, согласие и единодушие. Но уже вскоре после смерти основателя монгольской династии в его роде появились распри и возникли враждующие между собой группы. Еще В.В. Бартольд отметил со ссылкой на монгольское сказание, законченное в 1240 г., что против Гуюка и всего потомства Угедея была сильная партия среди монгольской аристократии, склонявшейся на сторону первого регента Монгольской империи Тулуя (ум. в 1233 г.) и его сыновей. В конце 30-х годов XIII в., во время похода монголов в глубь Европы, в "золотом роде" произошел новый раскол: Бату, глава Улуса Джута, смертельно поссорился с Гуюком, старшим сыном великого хана Угедея (правил в 1229-1241 г.), и царевичем Бури, внуком Чагатая, сыном Мутугена от служанки. В "Сокровенном сказании" эта ссора Чингизидов описана так (приводим отрывок из источника в переводе Н.П. Шастиной): "Когда войско возвратилось, то был устроен пир, на котором присутствовали все князья. Будучи старшим, я (рассказывает Бату) одну или две чаши вина выпил раньше других. Бури и Гуюк рассердились, покинули пир и, садясь верхом на своих лошадей, бранили меня в то же время. Бури сказал: "Бату не выше меня, почему он пьет раньше меня? Эта старая баба с бородой. Одним ударом я могу опрокинуть его наземь". Гуюк сказал: "Он старая баба с луком и стрелами. Я прикажу избить его палкой!" Другой предложил привязать мне деревянный хвост" [Шастина, 1957, с. 232, прим. 152].

Эта пьянная ссора обошлась недругам Бату очень дорого: потомству Гуюка она стоила царства, а царевичу Бури – жизни: впоследствии, при Менгу-хане (правил в 1251-1259 г.), Бури был выдан оскорбленному им Бату и по его приказу казнен. Но все по-порядку.

Согласно рассказу Джувайни и Рашид ад-Дина, когда наступил новый (1248) год, великий хан Гуюк заявил о своем желании отправиться в свой родовой удел на Эмиле, где климат будто бы был более благоприятен его слабому здоровью. Весной, когда погода склонилась к теплу, он со своим войском выступил в те пределы. Соркуктани-бики, вдова Тулуя, отправила нарочного и предупредила Бату, главу Улуса Джута, что великий хан имеет против него враждебные намерения. Бату выступил во главе большого войска против Гуюка. Однако встреча двух враждующих Чингизидов на поле боя не состоялась: через несколько переходов, еще в пределах самой Монголии, Гуюк-хан умер. Это известие застало Бату в Алакамаке, в семи днях пути от города Каялыка (т.е. в южной части Семиречья, около гор Ала-Тау). Когда, после исполнения обрядов оплакивания, останки Гуюк-хана были преданы земле, Бату созвал к себе, в Алакамак, царевичей для совещания о престолонаследии [Джувайни, изд., т. 1, с. 215-218; пер., т. 1, с. 260-263; т. 2, с. 557; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 121-122.]

Почему именно Бату? Дело в том, что Бату (ум. в 1255 г.) в то время пользовался наибольшим авторитетом и занимал главенствующее положение в роде Чингизидов. Хотя его старший брат Орда-Ичен был еще жив, тем не менее считалось, что "Бату всем царевичам старшой (ака)" [Джувайни, пер., т. 2, с. 557]. Именно поэтому сообщает, в частности, Джузджани в своем "Табакат-и Насири", после кончины великого хана Гуюка все съехавшиеся для решения вопроса о престолонаследии царевичи (кроме сыновей Чагатая, которые потребовали царство себе) согласились воз-

вести на престол Бату и обратились к нему с таким предложением: "Тебе следует быть царем нашим, так как из рода Чингизхана нет никого главнее тебя; престол и корона и владычество прежде всего твои". Бату ответил: "Мне и брату моему Берке принадлежит уже в этом крае (т.е. в Дешт-и Кипчаке) столько государств и владений, что распоряжаться им, краем, да вместе с тем управлять областями Китая, Туркестана и Ирана невозможно. Лучше всего вот что: дядя наш Тупи, младший сын Чингизхана, умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол царский старшего сына его, Менгу-хана. Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкою буду я" [Джусджани, т. 2, с. 1177-1181].

А вот как описывается ход сходки царевичей и военачальников после смерти Гуюка в "Юань ши". Бату первый подал голос о возведении Мунке, старшего сына Тулуя от его старшей жены Соркуктани, на ханский престол. Но тут встал эмир Бала, посланник вдовы Гуюка, ханши Огул-Каймыш, и сказал:

"Некогда Угедей завещал, чтобы после него внук его Шилмынь (Ширамун) наследовал престол, что всем князьям и чинам известно, Ныне Шилмынь находится еще в живых, но выбор обращен на других: каким же останется Шилмынь?" Тогда выступил Мугэ, младший брат Мунке, и так возразил на замечание Бала:

"Правда, было завещание Угедеево и кто посмеет противоречить оному? Но на прошлом съезде выбор Гуюка произведен ханшею Толигай-хана и вами. Итак, в то время вы сами нарушили помянутое завещание Угедеева; теперь того же хотите обвинять в том?" Бала ничего не мог ответить на это. Тогда слово взял Уланхада и сказал: "Мунке разумен и проникателен; это всем уже известно; мнение князя Бату очень справедливо". Все поддержали это предложение. Бату немед-

ленно отдал приказ войскам. "Войска были согласны с ним, и сим образом утвержден выбор" [История дома Чингисова, с. 305-306, 309].

Приведем теперь сообщения Джувайни и Рашид ад-Дина о сходке царевичей в Алакамаке в 1248 году. По призыву Бату в Алакамак (около гор Ала-Тау к югу от Или) съехалось со всех концов обширной империи великое множество царевичей, их родичей и вельмож; но все же некоторые из сыновей Чагатая и Угедеева под разными предлогами на собрание не явились; не явилась и вдова Гуюка Огул-Каймыш, а ее сьновья, Коджа и Наку, только два дня пробыли в Алакамаке, но оставили там от своего имени вельможу Тимур-Кадака, уполномочив его присоединиться к какому бы то ни было решению царевичей. Все оставшиеся царевичи засвидетельствовали Бату, как самому главному в роде Чингизидов, свое уважение и готовность подчиниться его решению в вопросе о наследовании престола и регенте.

Бату остановил свой выбор на Мунке (по-тюркски Менту), старшем сыне Тулуя. "Мунке, - сказал Бату в своей речи на съезде царевичей, - видел своими глазами и слышал своими ушами Ясу и ярлык Чингиз-хана"; к тому же он видел добро и зло в этом мире, во всяком деле отведал горького и сладкого, неоднократно водил войска в разные стороны на войну; этот царевич сам по себе очень умен и даровит и подготовлен к царствованию. "При наличии его, - продолжал Бату, - каким образом кааном станет кто-либо другой? Тем более, что дети Угедеева-каана поступили вопреки словам отца и не отдали власти Ширамуну и, преступив древний закон и обычай, не посоветовавшись с родичами, ни за что убили младшую дочь Чингизхана, которую он любил больше всех своих детей и называл Чаур-сечен. По этой причине каанство им не подобает", - сказал Бату.

Свою речь Бату закончил так: “Благо улуса, войска и нас, царевичей, заключается в том, чтобы посадить Мунке на каанство”. Все царевичи выразили одобрение и заключили письменное соглашение (дали подписку) в том, чтобы посадить царевича Мунке на престол. Также было решено великий курултай устроить на следующем году, а на время междуцарствия ведение государством поручить вдове Гуюка, Огул-Каймыш-хатун. Когда царевичи стали разъезжаться по своим станам и йуртам, Бату послал вместе с Менту своего брата Берке и своего старшего сына Сартака с тремя туманами (30000) войска, дабы они в местности Онон и Керулен, которая была коренным йуртом Чингизхана, весной нового, 1249 года в присутствии всех царевичей, устроив курултай, торжественно посадили его на царский трон. Они отправились в путь от Бату. И Бату отправился в путь, в Поволжье, прибыл в свою орду и по обычаю предался веселью и забавам” [Джувайни, изд., т. 1, с. 217-221, 223; пер., т. 1, с. 262-266; т. 2, с. 557-561; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 80-81, 129-130; The Successors of Genghis Khan, p. 121, 200-203].

Потомки Угедея (за исключением нескольких царевичей) и большая часть чагатайских царевичей категорически отказались признать решение Бату о передаче ханства дому Тулуя, стали строить козни и препятствовать устройству курултая. “Вы, царевичи, жаловалась, в частности, вдова Гуюка, Огул-Каймыш-хатун, – на прошлом курултае обещали и дали обязательство о том, что царская власть всегда будет принадлежать дому Угедей-каана и что никто не будет противодействовать его сыновьям, а теперь вы не держите слова”. Действительно, на курултае в августе 1246 г. имел место такой эпизод. После словопренья все согласились на возведение Гуюка на престол, а он, как это обычно бывает, отказывался, перепоручая

это каждому царевичу, и ссылаясь на болезнь и слабость здоровья. Затем Гуюк сказал: “Я соглашусь на том условии, что после меня ханство будет утверждено за моим родом”. Все единодушно дали письменную присягу: “Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завернутого в жир и траву, который не будут есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства” [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 119, 138; The Successors of Genghis Khan, p. 181-182].

Однако апелляция вдовы Гуюка и ее сыновей к царевичам и военачальникам положительных результатов не возымела; тогда они и их сторонники замыслили вероломство.

В общем, передача престола и царства дому Тулуя не состоялась ни в 1249, ни в 1250 гг. Весной 1251 г. царевич Берке, все еще остававшийся в Монголии, извещал своего старшего брата Бату: “Прошло два года, как мы хотим посадить на престол Менгу-каана, а потомки Угедей-каана и Гуюк-хана, а также Йису-Менгу, сын Чагатая, не прибыли”. Ответ Бату был строг и лаконичен: “Ты его посади на трон, всякий, кто отвратится от Ясы, лишится головы” [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 131; The Successors of Genghis Khan, p. 204].

Согласно Джувайни, лишь в июле 1251 года Берке удалось собрать курултай, на котором и состоялось торжественное провозглашение ханом царевича Мунке.

Таким образом, третье междуцарствие продолжалось больше трех лет и закончилось своеобразным переворотом: верховная власть над Монгольской империей перешла от потомства Угедея к потомству Тулуя.

Сразу же после торжества по случаю избрания нового хана последовал грандиозный процесс царевичей

из рода Угедея и Чагатая, которым было предъявлено обвинение в составлении заговора с целью убить Мунке. 77 вельмож были казнены; род Угедея и род Чагатая подверглись жестоким репрессиям: почти все взрослые представители потомства обоих этих родов были уничтожены или отправлены в отдаленные области, где некоторые из них, как, например, царевич Ширамун, потом были тайно умерщвлены. Формально Улус Чагатая и Улус Угедея не были уничтожены, и там продолжали управлять члены этих домов, но в действительности вся власть в империи монголов перешла к домам Тулуя и Джучи [Бартольд, т. 1, с. 559-565; т. 2, ч. 1, с. 64-65].

Из других общеимперских событий времени правления великого хана Мунке (правил 1251-1259 г.) отметим отправку, согласно решению курултая 1251 года, двух больших армий для завоевания всех оставшихся еще не завоеванными монголами земель на Ближнем и Дальнем Востоке: в Китай под руководством Хубилая и в Иран под главенством Хулагу, младших братьев Мунке-хана. В частности, Хулагу завоевал в течение 1256-1257 гг. Иран и, уничтожив в 1258 г. династию Аббасидских халифов с центром в Багдаде, создал здесь для себя и своих потомков особый монгольский улус (государство), правители которого приняли титул ильхана ("хан племени").

По словам Гильома Рубрука, совершившего путешествие в Монголию в 1253-1255 гг. и проведенного немало времени в ханской ставке, Мунке "был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет" [Рубрук, с. 140]. Он, как и многие другие члены "золотого рода", страстно предавался любовным утехам и наслаждению вином и всякий раз устраивал в своем дворце попойки и кутежи, не считаясь с расходами. Его смерть была такая. Мунке отправился на войну в Ки-

тай; когда он осаждал там одну крепость, то "с наступлением лета и усилением жары у него из-за тамошнего климата начался кровавый понос и среди войска монголов появилась холера, так что многие из них умерли. Государь мира употреблял вино против холеры и проявлял в том большое постоянство". Неожиданно ухудшилось состояние его здоровья, болезнь привела к кризису и он скончался под той злосчастной крепостью [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 147; The Successors of Genghis Khan, p. 228]. По Рашид ад-Дину, это случилось в 1257 году; по китайским известиям в 1259 г. В науке принята последняя дата. Тело Мунке привезли в Монголию и похоронили рядом с могилами Чингизхана и Тулуя.

Со смертью Мунке в конце 1259 г. кончился и период единства Монгольской империи. Мунке не назначил своего преемника, и борьба за престол на этот раз произошла между другими сыновьями Тулуя, а именно: четвертым его сыном Хубилаем и шестым сыном Ариг-Бугой. Хубилай в то время стоял с войском в Китае, а Ариг-Буга находился в Монголии. Царевичи и эмиры, которые состояли при Хубилае, не стали откладывать "дело о ханском престоле" в долгий ящик, и тут же созвали сходку и так решили на своем совете: "Хулагу-хан ушел в область таджиков, род Чагатая далеко, род Джучи тоже очень далеко, а люди, которые находятся в союзе с Ариг-Букой, совершили глупость"; "если мы теперь кого-нибудь не поставим кааном, то как мы можем существовать?" Посоветовавшись таким образом, все согласились и в год Обезьяны, соответствующий 658 году хиджры (1260 г.), в середине лета, в городе Кайпин посадили Хубилая на престол царства [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 160; The Successors of Genghis Khan, p. 252].

“Поспешное и неправильное избрание” Хубилая (выражение В.В. Бартольда) вызвало смуту. Противники Хубилая в свою очередь провозгласили великим ханом Ариг-Бугу. Таким образом, в 1260 году мы в первый раз видим одновременно избрание двух великих ханов – Хубилая в Китае (Кайпине) и Ариг-Бугу в Монголии (Кара-коруме). Наиболее могущественные представители рода Чингизидов, Хулагу, глава ильханов, и Берке, глава Улуса Джучи, не приняли участия ни в том, ни в другом избрании. Но, как показывают монеты, чеканенные в Поволжье, Берке (правил в 1257-1267 г.) признал младшего претендента Ариг-Бугу законным наследником престола [Бартольд, т. 5, с. 504].

Между братьями разразилась война, в которой Ариг-Буга в конце концов потерпел поражение и в 1264 г. сдался Хубилаю. Формально ханом всей империи был объявлен Хубилай, который остался в Китае и перенес столицу Монгольской империи из Каракорума в Пекин (Ханбалык). Фактически же с этого времени Монгольская империя разделилась на четыре монархии, а “золотой род” Чингизидов” распался на несколько параллельных династий. Этими независимыми и враждовавшими друг с другом государствами были:

1. Государство в собственно Монголии и Китае с центром в городе Ханбалыке (современный Пекин), которым правил род Тулуя, четвертого сына Чингизхана, а именно: Хубилай-хан (правил в 1260-1294) и его потомки. Это государство получило китайское официальное имя - империя Юань.

2. Государство Хулагуидов, созданное в 1258 г. в Иране Хулагу-ханом (ум. в 1265г.) сыном Тулуя; Хулагу и его преемники на троне носили титул ильхан (“хан племени”), поэтому в исследовательской литературе монгольских правителей Ирана нередко называют ильханами (Ильханидами). Государство Иль-

ханов во время своего основания охватывало все страны от Амударьи до Индийского океана и от Инда до Евфрата, а также большую часть Малой Азии и кавказских стран.

3. Чагатайское государство, включавшее Мавераннахр (Среднеазиатское междуречье), Семиречье, Восточный Туркестан (Кашгария) и получившее свое название от имени второго сына Чингизхана – Чагатая (ум. в 1242 г.). В отдельные периоды в Средней Азии правили также потомки Угедея, третьего сына Чингизхана.

4. Золотая Орда, в состав владений которой входила вся Великая Степь (Дешт-и Кипчак – мусульманских источников) от Иртыша на востоке до Дуная на западе; этим государством, началом существования которого можно считать 1243 год, правили потомки Джучи (ум. в 1227), старшего сына Чингизхана.

Историческая судьба этих четырех монгольских государств сложилась по-разному. Потомство Тулуя, правившее в Китае (династия Юань), китаизировалось. Джучиды, Чагатаиды и Хулагуиды приняли ислам – веру своих подданных. Потомки Тулуя сохраняли власть в самой Монголии до XVII в., а в Китае они правили только до 1368 г., когда им на смену пришла династия Мин. Последний хан из прямых потомков Хулагу, Абу Саид, умер в 1335 г., и главная ветвь по мужской линии угасла; правда, и потом, до середины XIV в., на престол Ильханов возводилось еще несколько, происходивших большей частью из боковых ветвей, царевичей и даже одна царица (Сати-бек, сестра Абу Сайда: правила в Азербайджане в 1338-1340г.), однако они не были признаны повсюду; к 754/1353-54 г. власть потомков Чингизхана в Иране рухнула окончательно и государство Хулагуидов распалось.

Чагатайская держава в конце 40-х годов XIV в. разделилась на два государства – западное и восточ-

ное. В западных владениях – Мавераннахре (Среднеазиатское междуречье), род Чагатай потерял свое господство и фактическая власть находилась в руках тюрко-монгольских эмиров (беков), среди которых затем выделился эмир Тимур (годы жизни: 1336-1405) из отюреченного монгольского племени барлас. Дальнейшая история западной части Чагатайского государства (кстати, название чагатай было сохранено только за западным государством, государством Тимура, и его кочевым населением) сложилась так, что в Мавераннахре возникла династия Тимуридов, правившая страной до начала XVI в. В начале XVI в. государство Тимуридов было завоевано кочевыми племенами из Дешт-и Кипчака – узбеками, во главе которых стояли Шибаниды – потомки царевича Ши-бана, сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Они основали в Средней Азии два государства – Бухарское ханство и Хивинское ханство. Государство, возникшее в восточной половине Чагатайского улуса, получило название Моголистан; там до конца XVII в. правили потомки Чагатай, действительные или мнимые.

Золотая Орда, государство Джучидов, в 30-60-х годах XV в. распалась и на ее развалинах появились Крымское ханство, Казанское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Казахское ханство, а также ряд других самостоятельных владений. Дольше всего Чингизиды царствовали в Казахских степях (до середины XIX в.); поэтому вторая глава настоящего исследования посвящена казахским султанам.

Запомним эти справочного характера сведения о четырех монгольских государствах – они снимут ряд вопросов, которые могут возникнуть у непосвященного читателя при обращении к тексту нижеследующих разделов.

3. Источники права на власть

Небесный мандат Чингизхана.

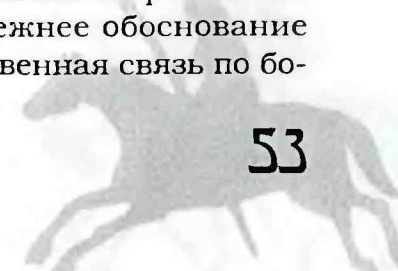
Генеалогическое право. Власть от халифа.

Власть от Бога. Власть от народа.

Отец Чингизхана Есугей был только бахадуром (“витель”, “герой”; древний тюрко-монгольский титул) и никогда не имел при жизни ханского титула. Его сын Темучин, как уже упоминалось, дважды избирался ханом, около 1189 года и весной 1206 г. на всемонгольском курултае, который одновременно утвердил за Темучином титул Чингизхана. С целью обоснования прав Темучина, человека не принадлежавшего к правящему дому, на ханский титул была придумана легенда, будто его отец Есугей-бахадур был племянником последнего из монгольских каганов, Хутула-кагана, сына Хабул-кагана. Тогда Чингизхана, надо думать, вполне удовлетворяло такое прозаическое, чисто земное обоснование его власти над монголами: он знал, он видел собственными глазами, что людьми посажен на всемонгольский престол. Но вскоре произошли величайшие события, которые предопределили совсем иное толкование вопроса о праве Темучина на власть, а именно – создание Чингиз-ханом мировой державы.

Победы над столькими государями и народами, быстрые и громадные завоевания Чингизхана уверовали его в том, что сам он и его народ находятся под покровительством божественного Провидения. Да и “жители мира воочию убедились, что он был отмечен всяческой небесной поддержкой” [Рашид ад-Дин. т. 1, кн. 2, с. 64].

Связь Неба и Чингизхана требовала скорейшего и вразумительного толкования. Прежнее обоснование прав Чингизхана на власть – родственная связь по бо-

ковой линии его отца с прежними каганами – в новом положении уже было недостаточным. Теперь надо было освободить фактическую самодержавную власть Чингизхана от всего земного юридического источника, поставить ее на более возвышенное основание. Им естественным образом стала идея о божественной предустановленности власти Чингиз-хана. Эта идея была мастерски воплощена в красочной легенде об Алан-Гоа, матери Бодончара, отдаленного предка Чингиз-хана.

Согласно легенде, Алан-Гоа, женщина красивая и очень знатного рода, была женой Добун-Мергена и имела от него двух сыновей по имени Белгунотай и Бугунотай. Добул-Мерген скончался в молодости. После того, как Алан-Гоа лишилась мужа, она без посредства брака и тесной связи с мужчиной произвела на свет трех сыновей – Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара; их мать забеременела от луча света, проникшего к ней с Небес через верхнее отверстие юрты. Белгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергена, стали втихомолку поговаривать про Алан-Гоа: “Вот наша мать родила трех сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовских братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме – это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына”.

Алан-Гоа узнала об этих их тайных пересудах. Тогда она посадила рядом всех пятерых своих сыновей и произнесла: “Вы, двое сыновей моих, Белгунотай и Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: “Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети? Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри погасло, входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает

мне в чрево. А уходит он так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что же болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выходит, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них, как о таких, которые под стать простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди” [Сокровенное сказание, с. 80, 81; Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 1, с. 10-14].

И вот теперь, по прошествии многих и многих лет, когда в политической жизни монголов настал переломный период, когда история сделала свой исторический вызов, “Небо с Землей сговорились” и определили его, Темучина, потомка “отмеченного печатью небесного происхождения” Бодончара, быть единственно законным правителем мира, “царем царей”. Таким образом, Чингизхан – государь божьей милостью. Он угоден Небу, его власть от Неба и потому для утверждения в своих правах на верховное руководство народами и странами он не нуждается в человеческих санкциях. в согласии и одобрении людей; более того, Чингизхан, как государь по повелению Неба – сам источник права на власть.

Идея о небесном мандате Чингизхана на правление земной империей без границ стала официальной идеологией Еке Монгол улуса [Скрынникова, 1989, с. 67-75; Скрынникова, 1992, с. 71-85; Кычанов, 1991, с. 150-151; Трепавлов, 1993, с. 62-67]. И, как показывают материалы источников, деятельность всех четырех великих ханов Монгольской империи – Угедея, Гуюка, Мунке, Хубилая – осуществлялась согласно принципам именно этой официальной идеологической доктрины, отчетливо провозглашавшей незыблемость власти Чингизхана и Чингизидов над ойкуменой и руководящую роль монголов

над всеми прочими народами. Это положение хорошо иллюстрирует следующая фраза из письма великого хана Гуюка Папе Римскому от 1246 года: “Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам” [см. Плано Карпини, прим. 217, с. 221].

Итак, согласно официальной идеологической доктрине древних монголов, легитимация власти Чингизхана жалована Небом. Источник же политической власти членов “золотого рода” – генеалогия, а именно: их принадлежность к прямым потомкам Чингизхана по мужской линии. Понятие о наследственных правах потомков Чингизхана на верховную власть, по мнению академика В.В. Бартольда (т. 6, с. 44), ярче всего выражено в рассказе Рашид ад-Дина о вступлении Газанхана в 1300 г. в Дамаск: Газан-хан будто бы обратился к жителям с вопросом: “Кто я?” Они воскликнули: “Царь Газан сын Аргуна, сына Абага-хана, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингизхана”. Потом Газан-хан спросил: “Кто был отец Насира?” Они ответили: “Альфи”. Газан-хан спросил: “Кто был отцом Альфи?” Все промолчали. Всем стало ясно, что царствование этого рода случайно, а не по праву, и что все являются слугами знаменитого потомства предка государя ислама” [Рашид ад-Дин, т. 3, с. 184].

Генеалогическое право Чингизидов на правление было закреплено политической традицией и безоговорочно действовало на всем пространстве покоренных монголами территорий, где только продолжали жить принципы официальной идеологии монгольской государственности. Даже такой завоеватель, как Тимур (правил в 1370-1405 г.), объединивший под своей властью Среднюю Азию и Персию, но не имевший никаких наследственных прав на верховную власть, принял только титул эмир (бек), возводил на престол под-

ставных ханов из Чингизидов и называл себя представителем “обладателя престола” (*сахиб ат-тахт*).

По мере распада Монгольской империи и усиления местной элиты на территории некогда единой державы стали возникать самостоятельные владения, новые династии. По представлению эпохи, любая власть должна была иметь идеологическое обоснование. Владетель, не имевший возможности называть себя прямым потомком Чингизхана по мужской линии или не объявивший себя, как, например, Тимур, наследником державных прав Чингизидов, обычно противопоставлял идею монгольской наследственной власти идею египетского халифата или представление о божьей воле, как непосредственном источнике власти государя. Эта тема наиболее углубленно разработана акад. В.В. Бартольдом, особенно в двух его известных работах 1) “Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве”; 2) “Халиф и султан”. Ниже мы вкратце изложим главные выводы В.В. Бартольда, дополнив их соответствующими специфике нашей работы материалами.

Аббасидский халифат, т.е. вторая династия халифов (749-1258), прямых потомков Аббаса (ум. д. 653 г.), дяди пророка Мухаммада, был уничтожен в 1258 г. войсками Хулагу-хана, внука Чингиз-хана. Но мамлюкский правитель Египта Бейбарс (правил в 1260-1277 г.) считал необходимым для придания авторитета своей власти восстановить Аббасидский халифат и формально признать себя его вассалом. Некий беглец из Багдада, выдававший себя за одного из членов фамилии Аббасидов и пребывавший в Дамаске, был приглашен в Каир и в начале 1261 г. в торжественной обстановке провозглашен халифом под прозвищем Мустансир. Бейбарс торжественно принес присягу новому халифу; со своей стороны халиф Мустансир утвердил Бей-

барса султаном (светским правителем) всех мусульманских областей.

Египетский халифат просуществовал до 1517 г.; но в мамлюкском государстве аббасидские халифы, действительные или мнимые, не обладали никакой практической властью. Зато, по мусульманским понятиям, халиф оставался единственно законным главой всех мусульман, источником всякой власти в мусульманском мире, и признание египетского халифата считалось наиболее ярким признаком разрыва с монгольскими традициями. Из вассалов монгольских ханов, кто одним из первых обратился к египетскому халифу с просьбой об инвеституре и принес ему присягу был Мубариз ад-Дин Мухаммад (ум. в 1359 г.), основатель династии Музаффаридов в Южной Персии, эмир ильханов и муж монгольской царицы.

В Чагатайском улусе идея халифата нашла себе наиболее полное выражение в царствование Шахруха (1405-1447 г.), сына и преемника Тимура, когда мусульманская государственная идея получила перевес над степной. При дворе Шахруха, в Герате, подставных ханов из Чингизидов не было; в официальных документах объявлялось, что постановления и законы Чингиз-хана отменены и что действует только шариат. Шахрух не обращался к египетскому халифу с просьбой об инвеституре; напротив, он сам хотел быть по возможности для всего мусульманского мира халифом и султаном ислама, которому сам Бог вручил власть над всеми правоверными мусульманами для их блага и для проведения в жизнь предписаний веры. Всем Мусульманским правителям от Индии до Египта и Малой Азии из Герата посылались грамоты с требованием, чтобы они признали себя наместником Шахруха, ввели его имя в *хутбу* (в пятничную молитву) и чеканили его на монетах [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 266-267; т. 6, с. 48-49].

Однако для политической истории региона столь громкие заявления и амбициозные притязания Шахруха не имели сколько-нибудь заметного значения ни в годы его царствования, ни после. Более того, сын Шахруха Улугбек (ум. в 1449 г.), который от имени своего отца правил в Самарканде, подобно Тимуру, по родству с Чингизидами называл себя *гурганом* (зятем ханского "золотого рода"), старался соблюдать, по крайней мере в военных делах, все законы, связывавшиеся с именем Чингизхана, назначая, по примеру Тимура, подставных ханов в Самарканде, и вообще правил в Мавераннахре в духе своего деда, который признавал, даже дорожил законами Чингизхана.

Один из стихов Корана гласит: "Скажи: "О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь..." [Коран, сура 3, стих 25/26]. Это положение основного источника мусульманского права, согласно которому никакие права по наследству или по завещанию не имеют значения для воли Бога, вручающего власть непосредственно своему избраннику, приводившийся светскими государями в ответ на притязания багдадских халифов (749-1258) еще в XIII в. (Бартольд, т. 6, с. 33, 45), особенно резко было выдвинуто в XV в. при преемниках Тимура.

Тимур завещал престол своему внуку Пир-Мухаммаду, но законного наследника предупредил другой внук Тимура, Халил-Султан. Когда Пир-Мухаммад обратился к нему с вопросом, по какому праву он присвоил себе наследство Тимура, завещанное другому, Халил ответил: "То же самое Высшее Существо, которое вручило власть Тимуру, вручило власть мне" [Хафиз-и Абру, Зубдат ат-таварих, л. 54а; Бартольд, т. 6, с. 48]. В свою очередь и Шахрух, младший сын Тимура, который в конце концов сделался падишахом, одержав во-

енную победу над Халилом и другими претендентами на верховную власть, также объяснял свой успех исключительно божьей волей.

Такое толкование источника власти вполне понятно. Исход вооруженной борьбы тогда считался выражением божьей воли, поэтому в жизни представление о божьей воле как непосредственном источнике власти государя часто сводилось к признанию права силы. Именно сила делала “божью волю” осуществимой, и менее могущественный, менее удачливый оказывался исключенным из числа “божьих избранников”. Иными словами, власть, полученная государем непосредственно от Бога, в действительности всегда являлась узурпацией. Схема такой власти может быть выражена следующей формулой: “Держава – от Бога всевышнего, но причина утверждения на престоле – захват, факт завоевания”.

Обратимся теперь к оригинальной по своей формулировке государственной идее хивинского хана-историка Абу-л-Гази (правил в 1643-1663 г.). Идея эта особенно интересна тем, что в ней происхождение верховной власти объясняется не теологическими соображениями, как это обычно в сочинениях других мусульманских историков, а волею народа, который для сохранения порядка в обществе и ради общего блага добровольно отказался от своих суверенных прав в пользу одного человека в лице хана. Вот подлинные слова самого Абу-л-Гази: “Древний народ был благоразумнее, чем народ нынешний. Если бы народ, собравшись воедино, мог убить человека или изгнать грешника или если бы он мог сам возглавить какое-нибудь дело, то почему же он одного человека из своей среды провозгласил падишахом? Посадив его на почетное место в доме, народ отдает ему в руки свою волю” [Шаджара-йи турк, с. 276].

Вопрос о том, оригинальна ли эта идея хивинского хана или же тут изложены основы европейской теории естественного права, добытые из третьих рук, остается открытым. В.В.Бартольд в своей работе 1912г. был склонен рассматривать эту идею как оригинальное изобретение самого Абу-л-Гази [Бартольд, т. 6, с. 49-50]. Однако в 1926 году, учитывая десятилетнее пребывание Абу-л-Гази в Персии, он уже писал: “Не невозможно, что в Персии в то время были англичане, разделявшие взгляды Гоббса, и что таким образом эта теория, через третьи руки, дошла до Абулгази” [Бартольд, т. 5, с. 187-188].

Но даже если считать теорию Чингизида Абу-л-Гази плодом знакомства с европейскими концепциями естественного права, а не оригинальным открытием хивинского историка, то и в этом случае последний должен был быть подготовлен к восприятию такой непростой социологической идеи. А это свидетельствует о том, что уровень развития исторической мысли в Средней Азии XVII в. был достаточно высок для того, чтобы сделать возможным подобное восприятие, пусть и в единичном случае.

“Шаджара-йи турк” Абу-л-Гази был достаточно известным в Средней Азии сочинением. Тем не менее мы не имеем примера, который показывал бы, что эта для своего времени социально важная идея оказала на читателей сколь-нибудь заметное влияние; она, насколько известно, даже не отмечена мусульманскими историографами. В науке считается установленным, что новая теория может прокладывать себе дорогу в жизнь лишь тогда, когда есть в обществе силы, готовые не только прочитать и понять, но и готовые одобрить и поддержать ее. Сил, готовых “одобрить и поддержать” новую теорию Чингизида Абу-л-Гази, в тогдашнем среднеазиатском обществе не было. В поли-

тической жизни страны тогда действовали те государственные идеи, которые были освещены религией или традицией, а именно: 1) представление о божественной воле как непосредственном источнике власти государя; 2) идея наследственной власти. Причем в Средней Азии и Казахстане наследственные права потомков Чингиз-хана на власть не только не потеряли значения во времена Абу-л-Гази (годы жизни: 1603-1664), но обаяние династии Чингизидов действовало несмотря на крутые политические перемены в регионе даже еще в начале XX века.

4. Прерогативы и оковы власти

Древнемонгольская концепция верховной власти.

Церемония интронизации хана.

Права и функции царствующего хана.

Образ государя в мусульманских источниках.

Символы власти.

Согласно древнемонгольской концепции власти, верховная власть в государстве сосредоточена в лице хана и является наследственной в роду Чингизхана. Исключительное право на царство признается только за первыми четырьмя сыновьями Чингизхана от его старшей жены Борте – Джучи, Чагатай, Угедей, Тулуй – и их прямыми потомками, которые собственно и составляют *алтан уруг* (“золотой род”) – правящую монгольскую династию. Единственный источник права на верховную власть – это воля “золотого рода”; высшим непосредственным выражением власти “золотого рода” является *курултай* – собрание царевичей и знати. Ханом может быть любой член алтан уруга, если он

будет признан большинством “золотого рода” достойнейшим по своим качествам и утвержден на курултае царевичей и высшей аристократии. Хан, права которого не основаны на признании его со стороны большинства “золотого рода” и утверждении его на курултае – узурпатор и подлежит наказанию. Одно из постановлений Чингизхана, по словам Плано Карпини, гласило: “Всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления” [Плано Карпини, с. 43]. Любой нечингизид, претендующий на сан хана, признается мятежником против воли Неба, а не просто обычным государственным преступником.

Монголами было запрещено давать своим государям и знати многообразные цветистые титулы, как то делают другие народы, в особенности мусульмане. Согласно Ясе Чингиз-хана, как ее излагают Абу-л-Фарадж и Джувайни, “тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует – хан или каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным, личным, именем” [Вернадский, 1939, с. 43,54].

Этот пункт Ясы соблюдался достаточно строго, и, насколько известно, все монгольские ханы до и после вступления на престол носили одно и то же имя. Правда, есть отдельные случаи, когда уже царствующие Чингизиды принимали второе, мусульманское, имя. Так, например, Чагатаид Тармаширин (правил в 1330-1334 г.), будучи ханом, принял ислам и стал называться Султан Ала ад-Дин; Джучид Узбек-хан (правил в 1313-1341 г.) в 1321 году принял ислам, а заодно и мусульманское имя – Султан Мухаммад. Кстати, именно с этого времени, с середины XIV в., арабское слово *султан* сделалось в улусах Джучи и Чагатай титулом каждого члена династии, происходившей от Чингизхана.

Итак, правовым основанием для получения сана хана служили принадлежность претендента к “золотому роду” и воля большинства Чингизидов и высшей аристократии. Царствующий род как бы делегировал одного из своих членов на исполнение определенных функций, наделив его известными правами. Ниже рассмотрим вопросы о прерогативах и функциях государя, но прежде для полноты сведений дадим описание церемонии интронизации хана у древних монголов.

Хотя по видимости все вопросы престолонаследия решались на курултае, однако в действительности обсуждение и признание прав соответствующего кандидата на престол происходили на сходках царевичей заранее, еще до начала работы собственно курултая (см. выше, раздел 2). На всемонгольском курултае, как отметил В.В. Бартольд, происходил только акт провозглашения хана, торжественной присяги и торжественного восшествия его на престол. Все это сопровождалось определенной церемонией.

Всемонгольский курултай для торжественного утверждения нового суверена созывался старшим членом царствующего рода или временным правителем государства (регентом). Время его созыва определялось заранее и оповещалось по улусам через гонцов. В назначенный срок и в определенное место со всех концов обширной империи съезжались царевичи, дяди и двоюродные братья царевичей, царевны, зятя-гурганы, влиятельные нойоны и старшие эмиры, должностные лица, а также покорные монголам цари и правители; и все они являлись туда в нарочитом множестве, со свитой и челядью, с большими дарами и приношениями.

Прибывшие на курултай высокие гости размещались в шатрах, число которых достигало тысячи, и были заняты удовольствиями и развлечениями. А тем време-

нем звездочеты делали свои астрологические наблюдения и по гороскопу выбирали благоприятный для интронизации хана день.

Царевичи же, во главе с самым старшим по возрасту из присутствующих членов царствующего рода и наиболее влиятельные эмиры (*нойоны*) и сановники собирались в отдельном шатре и вели разговоры о делах государства и царствования. Курултай, на котором провозглашался новый суверен, длился по нескольку недель (например, курултай 1229 года – сорок дней, курултай 1246 года – более четырех недель и т.д.). Участники такого курултая, согласно рассказу Джувайни (изд., т.1, с.147; пер., т.1, с.186), “каждый день надевали новую одежду другого цвета”. По свидетельству Плано Карпини, в первый день курултая 1246 года, когда великим ханом провозгласили царевича Гуюка, “все одежды были в белый пурпур, на второй – в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый – в самых лучших балдакинах” [Плано Карпини, с. 74].

Церемония интронизации хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре, который, согласно Плано Карпини (с. 76), монголы называли “Золотой Ордой”. После того как завершались долгие словопренья (когда присутствующие хвалили кандидата на престол, а тот, “как это обычно бывает”, отказывался, перепоручая это каждому царевичу) и наступал выбранный звездочетами благоприятный день, совершался сам акт торжественного восшествия избранника на престол и торжественной присяги. Все присутствующие, по обычаю, обнажали головы, развязывали пояса и перекидывали их через плечо. Двое самых старших по возрасту членов ханского рода брали за руки избранника и усаживали на “престол верховной власти и подушку царствования”.

По рассказу доминиканца Симона Сен-Кентина, который передает здесь слова Бенедикта, спутника Плано Карпини, перед избранником, сидящим на троне, царевичи клали меч и говорили: “Мы желаем, мы просим, мы приказываем, чтобы ты владычествовал над всеми нами”. А кандидат на престол верховной власти так обращался к присутствующим: “Если вы хотите, чтобы я царствовал над вами, то готовы ли все до одного делать то, что я прикажу, приходить, когда бы я ни позвал, идти туда, куда я пошлю вас, предать смерти всякого, кого я прикажу?”. Присутствующие отвечали, что они готовы. Тогда избранник говорил: “Мой приказ будет мой меч”. С этим они все соглашались. Затем кандидата на престол царствования сажали на белый войлок, говоря ему: “Смотри вверх и познай бога, и смотри вниз и увидишь войлок, на котором сидишь. Если ты будешь хорошо управлять своим царством, будешь щедр и будешь поступать справедливо, и почитать каждого из князей соответственно его рангу, то будешь царствовать во славу, весь мир преклонится перед твоим правлением и господь пошлет тебе все, что ты пожелаешь в сердце твоём. Но если ты будешь делать противное, то будешь несчастен, отвержен и беден так, что этот войлок, на котором ты сидишь, не будет оставлен тебе”. После этих слов царевичи сажали на войлок также жену коронуемого принца и вместе с ними обоими, сидящими там, поднимали вверх несколько раз и громогласными криками провозглашали: “Император и императрица всех татар” [цит. по кн.: Путешествия в восточные страны, с. 219, прим. 207].

Все собравшиеся как внутри огромного шатра, “Золотой Орды”, так и вне ставки вместе с царевичами девять раз (так по Рашид ад-Дину; по Джувайни – три раза) преклоняли колени и вновь громогласно выкрикивали имя нового хана. Затем царевичи и высшая

знать давали письменную присягу в верности новому суверену. По выходе из шатра совершали троекратное поклонение солнцу. А после все принимались за чаши и неделю, другую занимались пиршествами [Джувайни, изд., т. 1, с. 147-148, 206-207; пер., т. 1, с. 186-188, 251-252, 567-568; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 19, 119, 132-133].

Небезынтересно отметить, что монгольский обряд избрания нового хана сохранялся примерно в той же форме у казахов и узбеков Средней Азии до конца XIX в. Вот описание церемонии торжественного провозглашения нового хана у казахов XIX в., которое дает А.И. Левшин (1799-1879). Для избрания нового хана назначалось определенное время и место, куда собирался народ и где открывались “частные совещания” и “маленькие круги для решения, кого избрать себе главою и кому поручить быть представителем каждой толпы в верховном совете знатнейших правителей народных”. Когда число прибывших на церемонию людей считалось “довольно велико”, назначалось “решительное общее собрание”; тогда расстилались рядами ковры и войлоки, на которых султаны, старейшины, бии и родоначальники размещались по старшинству, знатности и власти; а простой народ становился за ними сзади. “Почетнейшие по летам и опытности” открывали курултай, смелые оживляли оное, сильнейшие давали направление собранию; и, наконец, все вместе вели оживленные словопренья, которые продолжались два, три и более дней. Когда кандидат на престол получал согласие большинства султанов и знати на царствование, наиболее влиятельные лица ханства из султанов и биев объявляли ему о том, сажали его на “тонкий белый войлок” и трижды приподнимали войлок за концы, провозглашая: “Хан! Хан! Хан!”. Едва белый войлок с ханом касался степной травы, как он снова подхватывался подбегавшей толпой, которая вновь поднимала и опускала войлок на зем-

лю. Затем белый войлок, служивший как бы треном, разрывали на мелкие части, и всякий старался унести доскуток как память того, что он был участником торжественного провозглашения хана. Этот обряд вознесения на белом войлоке (в тюркоязычных источниках: хан кутармак; в ираноязычных источниках: хан бар даштан), начинавшийся торжественно и упорядоченно, завершался шумным многодневным пиршеством [Левшин, 1832, ч. 3, с. 126-127].

Царствующий хан являлся верховным носителем светской власти в государстве. Ханская власть традиционно рассматривалась как гарант общего блага, стабильности и правопорядка в обществе. Эта идея выражена, например, у Хамдаллаха Мустауфи Казвини (годы жизни: 1280-1350) такой максимой: "Если бы не султан, то люди съели бы друг друга" [Зайл-и Тарих-и гузида, с. 109]. В общих чертах характер ханской власти в обществе определяется в средневековых источниках так: хан обязан заботиться о своих подданных и войске "как мать" о своих детях, а подданные и войско должны считать государя "отцом для себя" и искренне ему повиноваться, верно служить и жертвовать своими жизнями для поддержания его власти. Если же говорить конкретно, то власть хана определялась известными правами и была связана с исполнением ряда функций. Этим правам и функциям хана было по меньшей мере пять. Вот их перечень.

1. Хан как глава царствующего рода и верховный сюзерен всех подданных государства имел верховное право распоряжаться всей территорией страны, всеми землями, принадлежавшими улусам, право, которое было следствием его основной функции и главной обязанности – вооруженная охрана страны от внешних врагов.

2. Хану принадлежало право объявления войны и заключения мира, бывшее следствием его функции верховного руководителя войск.

3. Хану принадлежало верховное право переговоров с иностранными государствами, что являлось следствием его функции определять внешнеполитический курс государства.

4. Хану принадлежало право убить или оставить в живых своего подчиненного – право, бывшее следствием его функции верховного судьи.

5. Наконец, хану принадлежало право издавать законы и обязательные для всех членов общества приказания – право, бывшее следствием его функции сохранять существующее общественное устройство и порядок.

Приведем теперь примеры из источников, характеризующие единоличную верховную власть монгольского хана. "Было не в обычае, – пишет Рашид ад-Дин, – чтобы кто-либо переиначивал решение и указ каана, а тот, кто бы это совершил, являлся бы преступником..." [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 12]. Более развернутую характеристику власти монгольского хана дает Плано Карпини: "Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия..." [Плано Карпини, с. 45].

Понятно, конечно, что власть хана лишь в редких случаях достигала описанной выше полноты. В ряде случаев хану приходилось делить верховную власть с какими-либо другими политическими силами внутри государства или с отдельным, наиболее могущественным членом "золотого рода" (этой теме посвящена специаль-

ная работа: Трепавлов, 1991, с. 249-278). В истории чингизидских улусов были периоды, когда одновременно правило даже несколько соправителей. Так, после смерти золотоордынского хана Менгу-Тимура (по одним известиям в 1280 году; по другим – в 1282 году), внука Бату, на престол воссел его брат Туда-Менгу. Сыновья Менгу-Тимура, Алгу и Тогрыл, и сыновья Тарбу, брата Менгу-Тимура, Тула-Буга и Кунчек, по словам Рашид ад-Дина, “свергли Туда-Менгу с престола под тем предлогом, что он помешанный, и сами совместно царствовали пять лет [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83].

Однако здесь следует особо подчеркнуть, что как приведенный пример “совместного царствования” четырех Чингизидов вместо здравствующего хана Туда-Менгу (ум. в 1287 г.), так и известные исторические примеры двоевластия являются лишь следствием практического развития конкретных событий, каждого данного обстоятельства и не отражают таким образом норму политического порядка в *Еке Монгол улусе* и государствах Чингизидов (Золотой Орде, государстве Чагатаидов, Хулагуидов). Нормой политического порядка в *Еке Монгол улусе* и государствах Чингизидов было единовластие; все случаи двоевластия и “совместного царствования” нескольких Чингизидов следует рассматривать как отступление от этого порядка.

Словом, перечисленные выше права и функции царствующего хана были общие. Реальная же власть каждого отдельного хана была персональна и в значительной степени зависела от его личностных качеств и индивидуального обаяния, так сказать, от его царственного облика. Тут мы подошли к излюбленной средневековыми историографами теме – образ идеального государя. Для полноты сведений приведу основные положения их учения; думаю, что они будут прочитаны без скуки.

Удел царей – управлять своим государством: а “дело престола и царства – дело трудное”, говорится в источниках. Поэтому важно, чтобы цари, превосходя прочих людей положением, превосходили их также величием. А величие государей заключается в превосходстве их высокой природы, что проявляется в ряде признаков. Разные средневековые авторы как мусульманские, так монгольские и китайские, писавшие о чингизидских улусах, дают примерно одинаковый перечень ханских пороков и добродетелей. Добродетели: мужество, доблесть, справедливость, щедрость, великодушие, благоумие, удачливость, умение вникать в связь обстоятельств и измерять собственные силы, слушать одинаково хорошее и плохое, слова правды и лжи и т.д. В источниках, соответственно, два типа правителей: первый – образцовых, пользовавшихся особой популярностью благодаря своим положительным качествам; второй – непопулярные, ставшие одиозными, правители.

В первую группу можно включить, например, Хайду, Мухаммада Шейбани-хана, его племянника Убайдулла-хана, хана казахов Касима, его сына Хакк-Назар-хана и т.д.

Хайду (ум. в 1301 г.) – сын Каши, внук Угедей-хана. Как установил В.В. Бартольд, он был фактическим основателем самостоятельного монгольского государства в Средней Азии и, по общему мнению средневековых авторов, отличался исключительной храбростью, щедростью, справедливостью; с дарованиями полководца Хайду счастливо соединял холодную расчетливость политика. Сын и внук алкоголиков, он отличался едва ли не от всех Чингизидов тем, что, по словам его современника Рашид ад-Дина, никогда не пил ни вина, ни кумыса.

Убайдулла-хан (правил в Бухаре с 1352 г., стоял во главе всех узбеков с 1533 г., умер в 1539 г.) – сын

Махмуд-султана, сводного брата Мухаммада Шейбани-хана, завоевателя государства Тимуридов. Он был прост в обращении, по-царски щедр, в битве превосходил всех храбростью; обладая военными талантами и будучи настоящим вождем кочевых узбеков, Убайдулла-хан свободно владел арабским и персидским языками, на которых писал стихи и прозаические трактаты, равно как и на своем родном тюрки. Он считался идеальным правителем в духе мусульманского благочестия.

Характеристики Мухаммаду Шейбани-хану, Касим-хану и другим, пользовавшимся особой популярностью государям, будут приведены дальше, во второй главе настоящего исследования. Здесь достаточно лишь отметить, что, согласно представлениям эпохи, идеальный правитель – это тот, кто, говоря словами Шараф ад-Дина Али Йазди (ум. в 1454 г.), является “в одно и то же время бичом своих врагов, идолом своих солдат и отцом своих подданных”.

Ко второй группе (непопулярные, ставшие одиозными правители) можно отнести, например, Тимур-Малик-хана, Азиз-хана, Шах-Бурхан-хана и т.д.

Тимур-Малик-хан: по одним источникам был сыном Урус-хана, по другим – Мухаммад-хана; он стал ханом после смерти Токтакия-хана в 1377 году. Тимур-Малик-хан был большим любителем наслаждений, постоянно предавался пьянству и разгулу, спал до полудня. Правление Тимур-Малика, пьяницы и бездельника, было недолгим; вскоре он потерял свою власть, а заодно и жизнь.

Азиз-хан – Джучид, правил в Сарае, столице Золотой Орды, в 1360-х годах. Он вел развратный образ жизни, за что подвергся упрекам шейха Сайид-Ата, потомка Ахмада Ясави. Хан послушался шейха и выразил раскаяние, но через три года вновь вернулся к прежнему образу жизни и был убит.

Шах-Бурхан-хан – Шибанид, сын Абд ар-Рахим-султана, внук вышеупомянутого Убайдулла-хана. В 957/1550 г. его возвели на престол в Бухаре. Он же все время не отнимал губ от чаши с вином и постоянно пьянствовал, будучи беспечен относительно охранения государства и забот о положении войска и подданных. Совершенно никого не боясь, он открыто совершал неодобрительные поступки, так что все сошлись на мысли о его устранении, и он был устранен.

Словом, в государственной жизни персональный фактор был велик и общественная идеология придавала большое значение личности государя. Вот еще один пример в дополнение к уже приведенным выше. После смерти хивинского хана Агатая (около 1553 г.) встал вопрос о том, кого из двух братьев, Иш-султана или Дост-султана, возвести в ханы. Иш-султан был храбр в битвах, не жалел своего добра своим *нукерам* (слугам), но был с посредственным умом, со слабой правоверностью, с беспредельной дерзостью; на любовные утехи он был падок и постоянным его занятием было волокитство за хорошенькими женщинами и девицами. Эти отрицательные качества Иш-султана явились причиной того, что ему было отказано в престоле; и на трон царствования воссел его брат Дост-султан, человек с качествами *факира* и *дервиша*, т.е. с качествами мусульманского мистика [Шаджара-йи турк, изд., т. 1, с. 234].

Итак, действовавшая в рассматриваемую нами эпоху система давала в руки хана огромную власть, фактически бесконтрольную. Но всякий раз каждый отдельный правитель имел лишь тот объем власти, который давали ему его личные качества, врожденные добродетели. Если государь был сильной личностью, то его власть была абсолютной и решающее слово всегда оставалось за ним, даже если он действовал

вопреки мнению своего окружения; едва ли не единственным ограничением воли могущественного хана Чингизида служила Яса Чингизхана. Если же хан был слабым, заурядным человеком, то “и ртом и языком и волею” его правило его ближайшее окружение в лице какого-нибудь “умного атабека”, “энергичного инака” и т.п.; но, чаще всего, фактическая власть в государстве в таком случае принадлежала могущественнейшему из султанов, который нередко также принимал ханский титул; бывало и так, что в одном государстве в одно и то же время титул хана носило сразу несколько султанов. Поэтому у авторов, хорошо знавших положение дел в чингизидских улусах, можно встретить уточнение, что именно такой-то “сейчас является старшим ханом” (по-тюркски: *улуз-хан*, *капта-хан*; по-персидски: *хан-и бузург*, *хан-и калан*), а такой-то “младшим (малым) ханом” (по-тюркски: *кичик-хан*; по-персидски: *хан-и хурд*); для обозначения же “мелких ханов” в источниках употребляется термин *келте-хан* (*келте* – персидское слово и означает: старый, потерявший свою силу зверь; куцый, с отрубленным хвостом; короткий, мелкий, негодный, ничтожный). К этой теме мы еще вернемся во второй главе настоящей книги.

Чингизид, облеченный титулом хана, чеканил со своим именем монету (право, которое тогда считалось одним из основных признаков независимого государя) и был окружен многими другими внешними знаками отличия. Местопребывание хана (ставка) называлось *орду* (орда). Шатер хана размещался отдельно от других, в самом центре лагеря, выделялся величиной и роскошью и охранялся особой гвардией. Прочие шатры разбивались лишь потом и около ханского двора; причем каждый член царствующей фамилии, каждый придворный чин и военачальник знал точно

место своего шатра, соответствовавшее его положению и званию, т.е. направо или налево от шатра хана, в первом, втором или третьем ряду он будет жить в орде. Вот как, к примеру, описывает Гильом Рубрук орду Бату-хана (ум. в 1255 г.). “Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в Израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома с повозок. Отсюда двор на их языке называется *ордой*, что значит середина, так как он всегда находится по середине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора” [Рубрук, с. 119].

Порядок размещения людей в орде подробнее всего описывается в книге Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани “Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб”, законченной вчерне в 1360 г. В разделе “О назначении йуртчи” он пишет так: “Одно из главнейших дел нужных для государства и управления делами султанства то, что государю в летовках и зимовках, на привалах, станциях и охотничьих стоянках, и вообще в каждом месте, где он остановится, отводится определенный йурт, с тем, чтобы царевичи, эмиры, везиры, инаки и государственные сановники и сподвижники его величества, увидев этот йурт, знали каждый, где его собственный йурт и где остановиться; пока не назначен йурт государя, до тех пор и их йурт не определяется. Так, например, царевичи располагаются по

правую сторону и близ государя. Улусные эмиры также располагаются по правую сторону, которую называют “бараунгар”; везиры же и члены дивана располагаются на стороне “джаунгар”, т.е. по левую сторону царского йурта; инаки – вокруг государя, а сановники государства, если они из тюрок, идут в йурт эмиров, а если они из таджиков, то – в йурт везирей. Битикчи, сайиды, казии, имамы и муллы останавливаются перед (походною) соборною мечетью...” [Мухаммад ибн Хиндушах, л. 232б-233а].

При представлении хану соблюдались определенные формы придворного этикета: представляемый должен был снять с себя оружие, не касаться порога и веревок шатра, говорить с ханом, преклонив колено и т.д. Этикет монгольского двора, придворные празднества и церемонии с той или иной степенью полноты описаны у Плано Карпини, Гильома Рубрука, Ибн Баттуты и др. Не вдаваясь в подробности, отмечу лишь, что ханский двор (орду) являлся не просто политическим центром государства, но он одновременно служил и своеобразным государственным университетом, где проходили свою школу государственные мужи. Рассказывается, что был некий неотесанный человек по имени Элджидай, который, нарушив обычай, вступил в связь с наложницей своего старшего брата Илукэ-ной-она. Илукэ хотел убить брата, но тот убежал от него и прибыл к Угедей-хану (правил в 1229-1241 г.). Угедей попросил его у Илукэ, и Илукэ подарил его хану. Этот Элджидай постоянно ходил в ханской ставке, пишет Рашид ад-Дин, “изучил правила хорошего тона, придворные обычаи и искусства и постепенно превратился в уважаемого эмира” [Рашид ад-Дин, т. 1, кн.1, с. 95].

Во время торжественных церемоний хан восседал на троне, который также являлся одним из основных сим-

волов верховной власти. Согласно описанию китайских авторов, трон Чингизхана был “как сиденье проповедника в буддийском монастыре и также украшен золотом” [Мэн-да бэй-лу, с. 187, прим. 405]. А вот трон внука Чингиз-хана Гуюка (правил в 1246-1248 г.) представлял собой настоящее произведение искусства. Трон размещался внутри огромного шатра из пламенно-красного пурпура на высоком помосте из досок; он был “из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, – вспоминает Плано Карпини, – и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням. Кругом этого седалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто выше не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, притом в середине, прочие же сидели сзади их” [Плано Карпини, с. 77]. Этот замечательный трон, по словам Плано Карпини, был сделан одним из пленных русских мастеров по имени Козьма. Исключительной роскошью отличалась орда Хулагуида Газан-хана (правил в 1295-1304 г.) и орда Джучида Узбек-хана (правил в 1313-1341 г.). В частности, трон Газан-хана был “золотой” и усыпан жемчугом и яхонтами; он размещался внутри “золотой палатки”, поэтому ставка Газан-хана называлась “*Орду-и заррин*” (“Золотая орда”, “Золотая ставка”). Над постройкой “золотой палатки и золотого престола”, по свидетельству Рашид ад-Дина, везира и историографа Газан-хана, в течение трех лет трудилась большая группа знаменитых мастеров и искусных зодчих [Рашид ад-Дин, т. 3, с. 189-190].

Не всегда ханский трон представлял собой деревянное богато украшенное кресло с ножками. Для многих государей трон служила установленная на возвышении подушка, устланная богато вышитой золо-

том и украшенной драгоценными камнями подстилкой. Сзади и по бокам ее, чтобы было на что опереться, ставили вертикально также три хорошо набитые круглые подушечки. Поэтому в сочинениях средневековых мусульманских авторов нередко можно встретить выражения типа: такого-то усадили на "четыреподушечный престол": такой-то утвердился на "подушке царствования" и т.п. В источниках упоминается также "походный трон" (*тахт-и раван*); он представлял собой нечто вроде балдахина с колонками, раскрашенными и позолоченными, который может закрываться при плохой погоде.

Внешних символов царской власти было немало. Автор настоящих строк не ставит перед собой задачу дать их полный перечень с историческими примерами; но напоследок упомяну здесь еще о двух важных символах власти – знамени и хутбе. Знамя хана водружалось в ханской ставке. У Чингиз-хана, согласно известиям средневековых авторов, было большое совершенно белое знамя; у Мухаммада Шейбани-хана, основателя государства Шибанидов в Средней Азии, также было белое знамя. На знамени некоторых государей имелись изображения, надписи и т.п. В частности, на знамени главы династии Кара-коюнлу, или туркмен Черного барана (1378-1469), было изображение черного барана, откуда, между прочим, и название этой династии. Высшее число знамен, которое могло быть у одного хана, было девять. Девять знамен было, кстати сказать, у Чингизхана, у первых казахских ханов, у верховного предводителя моголов Чагатаида Махмуд-хана (правил в 1487-1508 г.).

Хутба - проповедь по пятницам и в праздничные дни в мечети с упоминанием имени царствующего государя, на которого призывалось благословение божье. Право хутбы принадлежало сначала исключительно халифу. Со второй половины IX в. это право, считавше-

еся в мусульманском мире основным внешним признаком независимого государя, стали присваивать себе местные мусульманские владетели, а с XIV в., по мере того как ислам становился официальной религией в западных монгольских улусах, – и Чингизиды. В редких случаях делали поминания также покойных мусульманских владетелей рядом с живым государем, в память каких-либо великих заслуг этих лиц, вроде того, как было постановлено поминать на хутбе Хулагуида Газан-хана при его преемнике Улджайту-хане (правил в 1304-1316 г.) и умершего Шибанида Убайдулла-хана (правил в 1533-1339 г.) как идеального правителя в духе мусульманского благочестия.

Сословие султанов составляли очень разные люди. И, конечно, не каждый раз ханом выбирался самый храбрый, умный и щедрый из них. Да и природа каждого султана, сделавшегося ханом, проявлялась по-разному. Бывало, ничем особым от своих собратьев не отличавшийся султан, становился отменным ханом; а бывало и так, что добрый и справедливый в начале своего царствования правитель впоследствии превращался в крутого тирана. Испытание властью – одно из самых тяжелых испытаний, и вхождение во власть – это обычно путь в неизведанное. Но все же было немало правителей, которые еще с отроческого возраста прониклись искренним желанием осуществить идеал справедливого царя. И это настроение замечательно метко передают слова потомка Бабура, Великого Могола Аураугзеба (правил в 1659-1707 г.): "...родившись по воле Провидения сыном государя и предназначенный для престола, я рожден не для себя одного, но для общественного блага, чтобы доставить моим поданным покойную и счастливую жизнь, поскольку это совместимо с правосудием, высшей властью и безопасностью государства" [Бернье, с. 136].

5. Закон и насилие в практике престолонаследия

Принцип престолонаследия.

Порядок преемства власти.

Формы перехода верховной власти.

Узурпация власти.

Формулы обоснования узурпации.

Подставные ханы и ханы-самозванцы.

Выше (раздел 2) мы рассмотрели обстоятельства восшествия на престол первых четырех преемников Чингизхана, источники права на власть, и можем обоснованно утверждать, что в *Еке Монгол улусе* (такое было официальное название государства монголов с 1211 г.) единственно правовым основанием для получения сана хана служила принадлежность претендента к “золотому роду”, однако четкого законодательства о престолонаследии не существовало. Сам основатель монгольской династии Чингизхан был за то, чтобы власть в государстве переходила в руки самого достойного члена “золотого рода”, к какому бы из четырех царских домов (дом Джучи, Чагатай, Угедея, Тулуя) он ни принадлежал. Свою приверженность именно к наследственно-династическому принципу передачи верховной власти независимо от степени родства нового суверена с предыдущим он со всей определенностью высказал еще в 1219 г. Когда на съезжании перед походом на земли современного Казахстана и Средней Азии Чингизхан назначил Угедея своим наследником, Угедей выразил опасение, что его дети и внуки будут люди без достоинств и не смогут наследовать престол. Чингизхан сказал: “Если у Угедея народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни –

коровы есть не станут, хоть салом окрути – собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?” [Сокровенное сказание, с. 186].

Назвав еще при жизни наследником престола Угедея, Чингизхан тем самым узаконил право правителя по своей воле назначать себе преемника, а заодно определил и предпочтительную форму преемственного порядка власти от одного члена “золотого рода” к другому – политическое завещание. Великий хан Угедей (правил в 1229-1241 г.) в вопросах о престолонаследии во всем следовал своему отцу.

В правление великого хана Гуюка (1246-1248) мы видим в жизни Монгольской империи принципиальное политическое новшество – попытку закрепления верховной власти за представителями исключительно одной семьи – семьи Гуюка. Вспомним его памятное обращение к царевичам и военачальникам на курултае 1246 года: “Я соглашусь принять престол на том условии, что после меня каанство будет утверждено за моим родом”. Он же, Гуюк-хан, первым в истории Монгольской империи определил порядок прямого наследования – от отца к сыну, выразив это четкой и лаконичной формулой: при жизни сына царство не может перейти к внукам [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 119].

Однако и семейно-клановый принцип передачи власти не стал у Чингизидов общепризнанным. После смерти Гуюка, сына Угедея, царевич Бату, который, как и его дед Чингизхан, придерживался принципа выборности великого хана из среды наличных Чингизидов по их личностным качествам, пользуясь своим главенствующим положением в империи, добился в 1251 г. передачи царской власти дому Тулуя, четвертого сына Чингизхана.

Словом, в государственной жизни Монгольской империи уже в начальных этапах ее истории главной проблемой была проблема соотношения между правом и силой, что в свою очередь явилось естественным следствием отсутствия в стране строго фиксированных правил о порядке избрания хана. Такое состояние дела приводило к тому, что после смерти каждого государя разворачивалась борьба за престол между отдельными партиями царевичей и эмиров; причем, каждая из соперничающих сторон обосновывала свои права на власть как единственно законные. Столкновение разных прав было результатом того, что право на власть могло выражаться в различных порядках.

Мы уже знаем, что политическим идеалом Чингиз-хана, завещанным им своим потомкам, был порядок выборности, согласно которому на престол ханства возводится (самый) способный и порядочный из членов “золотого рода”, которого царевичи и знать признают за благо. При таком порядке преемства власти все зависело от обстоятельств, и провозглашение хана обычно совершалось путем интриг различных партий Чингизидов, менялась линия старших и младших родоначальников и т.п. Показательный пример – восшествие на престол сына Тулуя, царевича Мунке (правил в 1251-1259 г.). Оно совершилось, как это описано выше (раздел 2), не путем законности, а полным произволом Бату и войска. Ведь и впрямь Мунке был по возрасту не старше других царевичей, его родители не царствовали, ему никто не завещал власть, он не отличался исключительными качествами, кроме разве того, что был выдающимся кутилой своего времени, зато на него большое влияние имел могущественный Бату, умный, хитрый, но, по словам источников, добрый (*саин*) царевич.

Порядок выборности, согласно которому личные качества принца ставятся превыше всего, не стал, однако, ни единственным, ни основным политическим порядком в чингизидских улусах, хотя он действовал до конца династии Чингизидов. Вот какие речи произносились, например, в 1583 г, на совете, в котором решался вопрос о возведении на престол Шибанида Абдулла (Абдаллах)-султана; правда, в речи порядок выборности приписывается не Чингизхану (ум. в 1227 г.), а самому пророку Мухаммаду (ум. в 632 г.), что тоже показательно. “Хотя по предписанию и установлениям чингизовым, корона владычества и узда ханства принадлежат самому старшему летам, и его имя нужно поминать на эктениях, и с его именем чеканить монеты, но есть еще закон пророка, чтобы государем был тот, кто истинно достоин сана царского и в состоянии сделать подданных счастливыми” [Хафиз-и Таныш, рук., л. Вельяминов-Зернов, 1859, с. 398-399]. Небезынтересно отметить, что во второй половине XVIII в., когда казаки *Киши* (Младшего) *жуза* и части *Орта* (Среднего) *жуза* приняли российское подданство, российское правительство выдвинуло предложение, чтобы в Казахских степях звание хана “доставалось не старшему и ближайшему по линии ханства, но токмо достойнейшему” [Сабырханов, 1981, с.158].

Другим порядком преемства власти, установившимся в чингизидских улусах, был порядок старшинства, согласно которому преимущественное право на ханство имел старший в ханском роде, и, например, дядя, брат хана, считался старше своих племянников, сыновей хана [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 268; т. 8, с. 140; Федоров-Давыдов, 1973, с. 68-70, 168; Султанов, 1982, с. 85]. Но и при этом распорядке бывали случаи, когда престола домогался не брат умершего

хана, а сын хана, основывая свое право на своем старшинстве лет перед дядей по отцу. В таких случаях возникал спорный вопрос: кто выше на "лестнице старшинства" (выражение В.О. Ключевского, т. 1, с. 190), младший ли летами дядя или младший по поколению, но старший возрастом племянник? Тогда способом решения политических споров между претендентами на престол нередко становилось поле боя.

Так или иначе отступления от порядка старшинства (генеалогического, когда старшинство определяется порядком поколений, т.е. расстоянием от родоначальника, и физического, когда старшинство определяется порядком рождения, т.е. сравнительным возрастом лиц в каждом поколении) бывали часто. В чингизидских улусах видим иной порядок, который держался не на очереди старшинства, а по которому передача власти происходила в одном поколении – от брата к брату. Действие этого порядка, который в исследовании Г.А. Федорова-Давыдова (1973, с. 104, прим. 191) назван "архаическим порядком престолонаследия", хорошо иллюстрируют политические события в Чагатайском государстве: там, например, в первой трети XIV в. один за другим правило пятеро братьев, сыновья Дувы (Тувы): Есен-Буга (1308-1318), Кебек (1318-1326), Ильчигидай (ок. 1326-1328), Дурра-Тимур (ок. 1328-1330), Тармаширин (ок. 1330-1334) [Мунтахаб ат-таварих, изд., с. 107-111; Шаджарат ал-атрак, с. 368-371; Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 2, л. 146-23а; Бартольд, т. 5, с. 161-163]. Примеры действия "архаического порядка престолонаследия" в Казахском ханстве будут приведены ниже, во второй главе настоящего исследования.

Наблюдения показывают, что нередко престол занимали в порядке прямого наследования, т.е. власть переходила непосредственно от отца к сыну (а при смерти сына – к внукам). Переход ханского достоин-

ства по прямой нисходящей линии не вызывал особого сопротивления, и потому в политической жизни чингизидских улусов и образованных на их развалинах государства этот порядок престолонаследия соблюдался на протяжении многих десятилетий кряду.

Каждый из перечисленных выше порядков престолонаследия признавался традицией правильным, и вопрос о предпочтении того или иного из них решался всякий раз с учетом конкретных обстоятельств. Поэтому, по замечанию В.В. Бартольда, обсуждение вопроса о том, который из Чингизидов в том или другом случае имел больше права на престол и было ли избрание того или другого хана законным, не является корректным [Бартольд, т. 1, с. 109].

Передача верховной власти преемнику происходила разными путями. Одним из них было духовное завещание. Хотя передача власти по завещанию и не была ни общим фактом, ни общепризнанным правилом, но она практиковалась на всем протяжении существования династии Чингизидов, начиная с самого Чингизхана (ум. в 1227 г.) и Угедей-хана (правил в 1229-1241 г.) и кончая ханами Казахских степей XIX в. Наследник престола определялся по усмотрению завещателя и обычно объявлялся заранее. Чтобы завещательное распоряжение государя получило большую гласность, в некоторых случаях имя законного наследника престола упоминалось в *хутбе* (проповедь по пятницам в мечети) и чеканилось на монетах с титулом "наследник престола". Как показывают материалы источников, наследником престола по завещанию являлся, прежде всего, сын завещателя (завещание Чингизхана, Шейбани-хана, Букей-хана и др.), но также – его внук (завещание Угедея, Чагатая, Тимура, и др.) или брат (завещание Газан-хана, Мухаммад-Гирей-хана, Абд ал-Азиз-хана и др.), даже при сыновьях.

Политическое завещание делалось устно, в присутствии членов царствующего дома и знати, или письменно, и те давали письменное заверение-клятву исполнить духовную. Выше (раздел 2) уже было рассмотрено завещательное распоряжение Чингизхана. (Напомню, Чингизхан еще при жизни назначил своим преемником своего третьего сына Угедея и незадолго перед смертью подтвердил свое политическое завещание). Чтобы полнее охватить эту тему, приведу еще два примера из более позднего периода.

Тимур (правил в 1370-1405 гг.) еще при жизни назначил своим преемником своего внука Мухаммад-Султана, предпочтя его своим сыновьям [Бартольд, т. 2, ч.2, с. 57-58, 436; Manz, 1989, p. 87-88, 180-190]. Но судьба распорядилась по-иному. Во время военных действий Тимура в Малой Азии Мухаммад-Султан заболел и умер около Карахисара весной 1403 г., 29 лет от роду. Тогда Тимур назначил своим преемником другого своего внука, Пир-Мухаммада, брата Мухаммад-Султана, и перед своей кончиной подтвердил свое политическое завещание. Вот как описывается эта сцена в "Зафар-наме" Йазди, официальной истории Тимура.

В начале 1405 г. Тимур с большой армией выступил в поход на Китай и прибыл в Отрар (город на правом берегу Сырдарьи). Там в начале февраля Тимур заболел, "сила болезни и боли все время возрастали". "Так как ум Тимура с начала до конца оставался здоровым, — пишет Йазди, — то Тимур, несмотря на сильные боли, не переставал справляться о состоянии и положении войска. Когда вследствие своей пронизательности он понял, что болезнь была сильнее лекарств, он мужественно приготовился к смерти, приказал явиться к нему женам и собственным эмирам и с чудесной предусмотрительностью сделал

завещание и изложил свою волю в следующих словах: "Я знаю наверное, что птица души улетит из клетки тела и что мое убежище находится у трона Бога, подающего и отнимающего жизнь, когда Он хочет, милости и милосердию которого я вас вручаю. Необходимо, чтобы вы не испускали ни криков, ни стонов о моей смерти, так как они ни к чему не послужат в этом случае. Кто когда-либо прогнал смерть криками? Вместо того, чтобы разрывать ваши одежды и бегать подобно сумасшедшим, просите лучше Бога, чтобы Он оказал мне свое милосердие, произнесите и прочтите фатиху, чтобы порадовать мою душу. Бог оказал мне милость, дав возможность установить столь хорошие законы, что теперь во всех государствах Ирана и Турана никто не смеет делать что-либо дурное своему ближнему, знатные не смеют притеснять бедных, все это дает мне надежду, что Бог простит мне мои грехи, хотя их и много; я имею то утешение, что во время моего царствования я не позволял сильному обижать слабого, по крайней мере мне об этом не сообщали. Хотя я знаю, что мир не постоянен и, не будучи мне верен, он не станет к вам относиться лучше, тем не менее я вам не советую его покидать, потому что это внесло бы беспорядки среди людей, прекратило бы безопасность на дорогах, а следовательно, и покой народов, и наверное в день Страшного Суда потребуют ответа у тех, кто в этом будет виновен".

"Теперь я требую, чтобы мой внук Пир-Мухаммад ибн Джехангир был моим наследником и преемником; он должен удерживать трон Самарканда под своей суверенной и независимой властью, чтобы он заботился о гражданских и военных делах, а вы должны повиноваться ему и служить, жертвовать вашими жизнями для поддержания его власти, чтобы мир

не пришел в беспорядок и чтобы мои труды стольких лет не пропали даром; если вы будете делать это единодушно, то никто не посмеет воспрепятствовать этому и помешать исполнению моей последней воли”.

“После этих советов он приказал явиться всем эмирам и вельможам и заставил их поклясться великою клятвой, что они исполнят его завещание и не допустят, чтобы было оказано этому какое-либо сопротивление; затем он приказал отсутствующим эмирам и военачальникам принести те же клятвы” [Зимин, с. 500-502].

А вот завещательное распоряжение Джанида (Аштарханида) Субхан-Кули-хана (правил в 1680-1702 г.). В августе 1702 г. Субхан-Кули-хан заболел, говорится в источнике. Болезнь хана не поддавалась лечению. Тогда Субхан-Кули-хан потребовал к себе эмиров и близких лиц, “будучи в состоянии бодрости”, сделал им такое завещание: “Я точно знаю, что птица моей души скоро вылетит из клетки тела и найдет убежище в божественном чертоге... Мое завещание таково: я усмотрел на челе моего внука, Мухаммад-Мукима, сияние огней царствования и зрелость ума. Среди моих детей он благородный с той и другой стороны и потому я назначаю его своим преемником”. Эмиры и близкие к хану лица склонили к земле свои заплаканные лица и сказали: “Мы, подчиняясь августейшим приказаниям и заветам, не уклонимся с пути повиновения им...” [Мухаммед Юсуф Мунши, с.176-178].

Для обозначения наследника престола у народов Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Крыма в рассматриваемую нами эпоху (XIII-XIX вв.) употреблялось несколько слов. Одно из них – *калга* (варианты написания: *каалга*, *калхан*, *калкан*); это же слово пишется также *кагилгай*, а в некоторых случаях – *ка-*

гилхани (или *кугулхани*). Происхождение рассматриваемого сановного титула неизвестно; по предложению известного российского востоковеда В.Д. Смирнова, *кагилгай* – вероятно, монгольское слово; согласно мнению польского исследователя З.Зайончковского, форму *кагилгай* кажется вполне удобным объяснить как “пусть будет утвержден”, т.е. “пусть наследует” [Смирнов, 1887, с. 358-362, 439; Зайончковский 1969, с. 20, 23]. В сочинениях мусульманских авторов понятие “наследник престола” передается также словами *варис*, но чаще – *валиахд*. Для обозначения второго наследника престола (а случаев, когда при жизни первого наследника престола назначался и второй, было немало) используется словосочетание – *валиахд//сани* [Бартольд, т. 5, с. 537].

Наследник престола иногда носил титул хана. После завоевания Хорасана (1507 г.), говорится в источнике, Шейбани-хан (ум. в 1510 г.) назначил своим наследником престола (*валиахд*) своего сына Тимур-султана и пожаловал ему титул хана, вверив ему управление Самаркандом. Шибанид Абдулла (правил в 1583-1598 г.) еще при жизни своей позволил своему сыну, Абд ал-Мумину, как наследнику престола (*калга*), носить титул хана, поэтому отца называли *Улуг-хан* (“Старший, или Великий, хан”), а сына-наследника *Кичик-хан* (“Младший, или Меньший, хан”).

В “Сборнике летописей” Рашид ад-Дина утверждает, что Угедей (правил в 1229-1241 г.) объявил Ширамуна, своего внука, наследником престола и “воспитывал в своей ставке”. По словам Джувайни, когда умер сын Бату, Сартак, (1255-56 г.), Мунке-хан (правил в 1251-1259 г.) отдал приказ, чтобы Баракчин-хатун, старшая из жен Бату, отдавала приказы и “воспитывала” (несовершеннолетнего) сына Сар-

така, Улакчи, до тех пор, пока он вырастит и заступит место отца” [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 118; Джувайни, изд., т. 1, с. 223]. О том, какое именно воспитание и обучение получал наследник престола до некоторой степени можно судить на примерах воспитания Газан-хана и Мукум-хана.

Газан-хана (правил в 1295-1304), сына Аргун-хана, сына Абага-хана, сына Хулагу-хана, сына Тулуй-хана, сына Чингизхана, с рождения воспитывали как будущего “великого государя”, и с четырех лет он “пребывал в ставке своей бабушки Булуган-хатун и “неотлучно состоял” при своем деде Абага-хане (правил в 1265-1282 г.). Когда царевичу Газану исполнилось пять лет, Абага-хан поручил его китайскому бахши Яруку, чтобы “он его воспитал и обучил монгольскому и уйгурскому письму, наукам и хорошим их, бахшиев, приемам. В течение пяти лет он превзошел в совершенстве эти предметы, а затем упражнялся в искусстве верховой езды, стрельбы из лука и игре в чов-ган” [Рашид ад-Дин, т. 3, с. 138-141].

Выше уже упоминалось, что Аштарханид Субхан-Кули-хан (правил в 1680-1702 г.) назначил своим преемником (третьим по счету: первые два наследника престола погибли при жизни хана) своего внука Мукум-султана. Когда Мукуму было еще только четыре года, говорится в источнике, его “великий дед”, в целях приобретения учености и великих совершенств “той жемчужинной моря государства и величия, назначил к царевичу совершенных наставников и знаменитых учителей для обучения его религиозным наукам, точным знаниям, искусству письма, верховой езды, стрельбе из лука, военным потехам и другого рода сведениям, необходимым для управления государством, для воспитания благородства и разных руководящих начал энергии и храбрости” [Мухаммед Юсуф Мунши, с. 130].

Однако здесь необходимо упомянуть об одной важной детали рассматриваемой темы, на которую обратил внимание академик В.В. Бартольд, а именно: как в государстве Тимура, так и в государствах Чингизидов “разницы между воспитанием наследника престола и воспитанием других царевичей не могло быть, так как не было точно установленного порядка престолонаследия; кроме того, государство считалось собственностью всего рода, и отдельные царевичи в своих уделах были почти совершенно самостоятельными правителями; вмешательство главы династии происходило только в тех случаях, когда удельный князь обнаруживал мятежные наклонности или ссорился с другими князьями, или когда область подвергалась явной опасности от дурного управления, от внешних или внутренних врагов” [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 54].

Есть множество примеров, указывающих на то, что наследники престола жили каждый в своем уделе. Но есть примеры и обратного порядка: так, при Аштарханидах (1599-1785) с титулом калга было сопряжено звание правителя Балха, и Балх являлся официальной резиденцией наследника престола, в то время как Бухара была резиденцией хана. По словам Махмуда ибн Вали, автора многотомного “Бахр ал-асрар”, наследник престола (по терминологии источника - *калка*) согласно правилу местничества располагался при узбекском дворе в XVII в. по левую сторону от престола.

Единственным правовым основанием при наследовании власти по завещанию являлась личная воля завещателя. Последняя воля усопшего государя о наследнике престола принималась во внимание, но не связывала безусловно царевичей и знать. Так, в частности, не было исполнено завещательное распоряжение Угедея, Тимура, Субхан-Кули и многих дру-

гих государей. В одних случаях наследнику престола по завещанию отказывали во власти, ссылаясь на то, что он "не достиг зрелого возраста", а в других – право на власть по завещанию открыто признавалось как притязание, захват. Последнее положение нагляднее всего иллюстрируют действия потомков Тимура после его смерти в 1405 г.

Тимур еще при жизни назначил наследником престола своего внука Пир-Мухаммада. Но после смерти Тимура никто не признал этого наследника по завещанию государем. Пир-Мухаммада не поддерживали даже военачальники, давшие Тимуру клятвенный обет, что свято исполняют его последнюю волю (см. выше). Назначенного волею Тимура наследника престола предупредил другой внук Тимура, Халил-Султан, сын Мираншаха и Севин-беки, внуки золотоордынского хана Узбека (правил в 1313-1341 гг.) и захватил Самарканд. Вот что рассказывает о том, что произошло дальше, Ибн Арабшах, очевидец событий тех лет.

Пир-Мухаммад повел из Кандагара в Самарканд войско и отправил нарочного с посланием к Халил-Султану и сановным вельможам столицы, в котором, между прочим, говорилось следующее. Поскольку Пир-Мухаммад "назначен наследником и преемником своего дедушки Тимура, после его смерти трон по праву принадлежит ему, почему же его (трон) вырывают у него? И что государство - это его государство, почему его (т.е. государство) у него крадут?"

Но Халил отверг притязания Пир-Мухаммада и сказал так: "Это не столько вопрос о царской власти между нами сейчас, о, ты, кто бы ты ни был, а о том – получена ли она по праву наследия или по праву овладения. Если первое, то, конечно, существуют еще некоторые другие, которым оно принадлежит по боль-

шему праву, чем мне или тебе, а именно: мой отец Мираншах и мой дядя Шахрух, его брат, и в этом случае доля обоих будет равной, и тебе будет нечего им сказать... Но если речь идет об овладении, твои слова бесполезны, поскольку царская власть бесплодна, и еще до моего и твоего времени было сказано:

*Снаряжай своих самых породистых коней
и точи оружие,
Препоясывай чресла,
поскольку от этого зависит победа.*

"Ты хвастаешься, что твой дед назначил тебя преемником, своей волей определил тебя наследником престола. Но как он сам получил власть, если не путем военных побед, и как тебе достанется царство, если не путем вооруженного захвата... Верховная власть – цель охоты, в которой наиболее подходящее лицо тот, кто, вырвавшись вперед, хватает добычу первым..."

Сторону Халила принял и Ходжа Абдулавал, который был первым среди правоведов и самым важным среди вельмож Мавераннахра. Он также отверг притязания Пир-Мухаммада и в своем ответе сказал следующее: "Конечно, ты – законный наследник и преемник эмира Тимура. Но судьба неблагосклонна к тебе; если бы она была таковой, ты оказался бы около столицы. В твоем положении самое лучшее – довольствоваться тем, чем ты владеешь, своим состоянием, пощадить свою лошадь и ноги, сохранить за собой ту часть государства, которую ты держишь. Но если ты будешь очень добиваться получить больше и не доволен тем, что Бог дал и предписал тебе, и если ты двинешься из своего владения в поле брани, ты наверняка попадешь в беду и потеряешь власть, ко-

торую имеешь, и ничего взамен не получишь” [Ибн Арабшах, с. 259-261].

Бывало, государи уступали престол своим наследникам при жизни. В одних случаях это происходило добровольно, вследствие болезни государя. Так, например, под конец своей жизни хивинский хан Абу-л-Гази (годы жизни 1603-1664) заболел, поручил управление ханством своему сыну Ануша-султану и всецело предал себя работе над знаменитым историческим трудом “Родословное древо тюрков” [он диктовал свой рассказ четырем писцам: см. Султанов, 1986, с.102].

Процедура передачи власти в случае добровольного отречения государя от престола в пользу наследника в “Тарих-и Муким-хани” описана так. У бухарского хана Имам-Кули (правил в 1611-1642 гг.) приключилась болезнь глаз; болезнь стала прогрессировать и, в конце концов, хан ослеп. В государстве возникли волнения. Тогда Имам-Кули-хан потребовал своего брата, Надир-Мухаммада, из Балха и передал ему престол и корону. “В пятничный день, – говорится в источнике, – оба они отправились в соборную мечеть, где собрались все сановники и знатные лица государства. Когда хатиб после восхваления Аллаха, прославления и возвеличения пророка и праведных халифов, дошел до похвалы царствующему государю и только что хотел упомянуть Имам-Кули-хана, как последний приказал: “На имя брата моего, хана”. И едва хатиб провозгласил: “Абу-л-Гази Сайид Надир-Мухаммад Бахадур-хана”, – как сразу среди присутствующих поднялось сильное смятение и крики; все как один зарыдали” [Мухаммед Юсуф Мунши, с. 92-93].

Иногда государи уступали престол своим наследникам или соперникам при жизни под давлением. Чтобы придать делу благородный вид, в одних случаях отказ государя от престола объясняли подданным,

например, его заветным желанием совершить паломничество в Мекку (*хадж*), так как хадж царствующего государя рассматривался в некоторых частях мусульманского мира, в частности в Средней Азии, как добровольный отказ от престола; такой взгляд сохранялся в Средней Азии до начала двадцатого века [Бартольд, т. 6, с. 26].

Золотоордынский хан Туда-Менгу (правил в 1280-1287 гг.), согласно арабским источникам, сам отрекся от престола в пользу своего племянника Тула-Буги, и “с ним согласились его жены, братья, дяди, родственники и приближенные” [СМИЗО, т.1, с.105-106]. Однако, как утверждает Рашид ад-Дин, в действительности родичи Туда-Менгу-хана свергли его с престола “под тем предлогом, что он помешанный” [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 83].

В некоторых случаях государю предъявляли обвинение публично, устраивая над ним суд во время курултая (собрание царевичей и знати). Обвинители вставали с места поочередно и говорили: “Ты изменил то-то и то-то, сделал так-то и так-то, а поэтому тебя нужно свергнуть”. Государя, официально признанного виновным, “брали за руки и заставляли сойти с царского трона и на его место сажали другого потомка Чингиза” [Ибн Баттута, с. 87]. Разумеется, как заметил В.В. Бартольд, обряд смещения хана мог происходить только тогда, когда власть фактически уже находилась в руках другого лица.

В истории чингизидских улусов случалось и такое. Порою самого кандидата на престол, которого царевичи и знать признавали за благо, на месте не было; тогда избирался (или назначался) временный правитель. Вот два примера. Осенью 1301 г. умер глава среднеазиатских владений Чингизидов Хайду. По словам историка XIV в. Вассафа, Хайду завещал

власть Туве (Дуве), сыну Барака, правнуку Чагатая. Но Тува поступил иначе; собрав царевичей вокруг гроба Хайду, он уговорил их признать своим государем отсутствовавшего тогда Чапара, старшего сын Хайду. Однако обстоятельства сложились таким образом, что вступление Чапара на престол произошло лишь весной 1303 г. [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 71-72].

Согласно рассказу, содержащемуся в "Мунтахаб ат-таварих-и Муини" и "Муизз ал-ансаб", когда в 1306-07 г. умер Тува (Дува)-хан, его старший сын и наследник, Есен-Буга, отсутствовал в стране. По этой причине царевичи и знать передали султанат его брату Кебеку. "После того как Кебек отцарствовал полтора года, к нему прибыл Есен-Буга, находясь в числе прочих подчиненных. Кебек по крайнему добросердечию отдал престол султаната своему старшему брату, и сам стал в круг повиновения и покорности.

Есен-Буга в награду за это повелел: "Изберите себе из всего улуса богатых людей". Кебек так и сделал. И те, которые теперь (в начале XV в. - Т.С.) с гордостью называют себя собственными людьми Кебека, из их потомства [Муизз ал-ансаб, л. 32а; Мунтахаб ат-таварих, изд., с.107; МИКК, с.116]. Вторично Кебек вступил на престол в 1318 г., после смерти своего старшего брата Есен-Буга-хана.

По словам Плано Карпини, Чингизхан "издал многочисленные законы и постановления"; "одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственной властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления" [Плано Карпини, с.43]. Но, как известно, жажда власти не знает законов, постановлений. Только за время второго междуцарствия, т.е. в период между смертью Угедей-хана в 1241 г. и торжественным возведением на престол царевича Гуюка на августовском ку-

рултае 1246 года, было совершено, по меньшей мере, две попытки захватить престол верховной власти "военной силой и смелостью" – братом Чингизхана, Отчигином, и внуком Чингиз-хана (в источнике имя его не называется); первый был прощен, а второй – казнен. [Плано Карпини, с. 43-44; Рашид ад-Дин, т. 2, с. 116-117].

Зато в последующей истории чингизидских улусов было немало лиц, которые поставили самого себя ханом насильно, посредством меча, и путем убийства царствующего государя. Чаще всего в оправдание низложения и убийства царствующего хана приводилось то, что он лишился своих прав вследствие своего обратного, недостойного престола образа и многократных нарушений Ясы Чингизхана. Насильственной смене государя свойственна одна любопытная особенность; приход узурпатора к власти, путем убийства хана, не считался преступным деянием, не преследовался законом. Иными словами, судьбу правителя определяли не столько степень законности его прав на престол и способ прихода к власти, сколько его текущая политика и образ жизни.

При ослаблении ханской власти и пресечении династии власть обычно переходила к главарям кочевых родов и племен. В частности, такое событие имело место в середине XIV века в Чагатайском улусе. А произошло вот что.

Против Чагатаида Казан-хана, который отличался крайне жестоким характером, взбунтовалась часть тюркских эмиров. Хан выступил на них войной. Но борьба оказалась для Казан-хана неудачной, и в 747/1346-47 г. он пал в битве с эмиром Казаганом.

Казан был последним полновластным ханом Чагатайского ханства. После его гибели Чагатайская держава распалась на два отдельных государства – западное и восточное. В западных владениях – Мавераннах-

ре (Среднеазиатское междуречье), род Чагатая потерял свое господство, и фактическая власть находилась в руках тюрко-монгольских эмиров (беков), среди которых затем выделился эмир Тимур (годы жизни: 1336-1405) из отюреченного монгольского племени барлас.

Тимур начал свою политическую карьеру в конце 50-х годов XIV в. с установления власти над племенем барлас; к семидесятому году XIV в. он сумел подчинить себе весь Мавераннахр. В ту эпоху в Средней Азии сохранялся принцип, что право на престол и титул хана имеют только прямые потомки Чингизхана. Поэтому эмиры, захватившие власть, начиная с эмира Казагана и кончая эмиром Тимуром, возводили на престол подставных ханов из потомков Чингиз-хана. Так что Тимур, хотя и был полновластным правителем своего государства, никогда не носил ханского титула. Придаваемый ему в некоторых документах (например, грамота из Сыгнака) ханский титул – “Эмир Тимур-хан”, как установил В.В. Бартольд, являются поздними подделками. На своих монетах и в своих письмах к иностранным монархам он везде называл себя “Эмир Тимур Гурганом” [о Тимуре и его государстве см.: Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 27-62; Якубовский, 1946, с. 42-74; Тамерлан, 1992; Haider, 1976, p. 61-82; Manz, 1989; Woods, 1990, p. 1-61; Ismail Aka, 1991].

Эмир (*собст. амир*) – арабское слово, равнозначное тюркскому бек и монгольскому нойон. *Гурган* – монгольское слово “зять”. Со времени Чингизхана (ум. в 1227) и первых Чингизидов это нарицательное имя превратилось в почетное прозвание, титул лиц, женатых на царевнах из дома Чингизхана. Как уже говорилось, генеалогия играла важную роль в государственной и политической жизни той эпохи, и во всех частях обширной Монгольской империи, даже после ее распада, высоко ценилось родство с “золотым ро-

дом” Чингиз-хана. Согласно историку Хафиз-и Абру (ум. в 1430 г.), “по старинному уставу и обычаю, гурган должен стоять, как слуга, перед уругом”, т.е. перед Чингизидом. Тем не менее, однако, почетное прозвание гурган (“Зять ханского рода”) служило предметом стремления тогдашних честолюбцев.

В Средней Азии прозвание гурган стало особенно известно с тех пор, как его принял эмир Тимур (правил в 1370-1405 гг.). Захватив в 1370 г. гарем своего предшественника эмира Хусайна, Тимур взял себе четырех из его многочисленных жен, между ними Сарай-Мульк-ханум (“Биби-ханым”), дочь Казан-хана, убитого в 747/1346-47 г. Как ханская дочь, она стала старшей женой Тимура, а Тимур получил право носить почетное прозвание гурган. По его примеру с домом Чингизхана породнились многие из его детей и внуков: Мираншах, Шахрух, Улугбек и др. В этой связи интересно отметить, что среднеазиатский историк XVII в. Махмуд ибн Вали называет династию Тимуридов словом “*гурганийан*”, которое можно переводить как “семья Гурганов”, “династия Гурганов”.

Тимур был рьяным представителем монгольских традиций и называл себя полномочным представителем державных прав монгольских ханов и преобразователем созданной волею Небес империи Чингизхана. Однако для таких широких полномочий одного брачного родства с ханским родом было мало. Чтобы объяснить и оправдать фактически установившееся политическое господство Тимура и его рода в Средней Азии, была придумана совершенно фантастическая легенда, цель которой – осветить историей идею наследственной власти, значение Тимура как преемника прежних властителей Средней Азии. Согласно этой легенде, которую мы находим у нескольких тимуридских историографов, у Тимура и Чингизхана предки

были общие и что будто прадед Чингизхана, Кабул-шах, заключил письменный договор со своим братом Качули, легендарным предком Тимура, по которому потомки одного должны были быть царями, потомки другого – полновластными правителями. Будто бы этот договор был возобновлен между Чингиз-ханом и Карачаром, потомком Качули, и на его основании некоторые из предков Тимура при современных им монгольских ханах управляли Средней Азией. Но этот документ, снабженный “красной печатью” (*ал тамга*), якобы исчез во время политических смут в Чагатайском улусе в начале XIV в. Так что совместное владение ханов-Чингизидов и эмира Тимура над Чагатайским улусом имеет, мол, юридическое основание – письменное благословение их властных предшественников.

Короче говоря, хотя Тимур ханского титула никогда не носил и называл себя только представителем “обладателя престола” (*сахиб ат-тахт*), т.е. подставного хана, однако этот статус принял такую форму суверенности, которая позволила ему передать власть непосредственно своим потомкам и положить в Средней Азии начало новой династии-нечингизидов. Царевичи дома Тимура носили титул мирза (сокр. от *амирзаде* - “сын эмира”).

При Халиле, внуке Тимура, была совершена первая попытка перенести “ханство” из рода Чингизхана в род Тимура. Заняв в 1405 г. столицу государства, Самарканд, Халил провозгласил “ханом” Мухаммад-Джахангира, сына умершего в 1403 г. первого наследника Тимура, Мухаммад-Султана. Однако вместе с владычеством Халила в 1409 г. окончилось и “ханство” Мухаммад-Джахангира, представителя Тимуридов, При Улугбек-мирзе (правил в Мавераннахре в 1409-1449 г.) в Самарканде были подставленные ханы из Чингизидов.

Государство Тимуридов было завоевано в начале XVI в. кочевыми племенами из Восточного Дешт-и Кипчака во главе с Шейбани-ханом, потомком Джучи, старшего сына Чингиз-хана. Небезынтересно отметить, что в официальной истории Шейбани-хана Тимур представлен как безродный узурпатор, даже имена предков которого толком неизвестны. В источнике обыгрывается имя отца Тимура – Тарагай и созвучное этому имени тюркское слово *тариг* (просо). Некто, сообщает придворный историограф Шейбани-хана, состоял на службе у Чагатай-хана, второго сына Чингизхана. “Он сеял просо (тариг) для дома Чагатая и был хранителем его амбаров в городе Алмалыке (тогдашняя столица Чагатайского улуса в долине р. Или. - Т.С.). Отец Тимура, Тарагай, - потомок того самого *таригбагчи*” (“работника по уходу за просом”) [Нусрат-наме, л. 116а].

Сам факт завоевания Шейбани-ханом государства Тимуридов в источниках шейбанидского круга обосновывается так. Мавераннахр – владение Чингизидов. Но случилось так, что эта область оказалась в руках Тимура и его предков, “совершенно вышла из повиновения потомкам Чингизхана и имеет намерение быть независимым и полновластным в управлении государством...”. “Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимур-бека, – говорил Шейбани-хан историку Ибн Рузбихану, – то не из жадности царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорее в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воли” [Михман-намейи Бухара, пер., с. 95-96].

В Средней Азии и Дешт-и Кипчаке право Чингизидов на власть оставалась непререкаемым долгое время, оказывая огромное влияние на идею суверенности

ти политических образований. Лишь со второй половины XVIII столетия в Средней Азии местные аталыки (*аталык* – букв. “заступивший место отца”; самый высший чин в бухарской служебной иерархии) и инаки (*инак* – “доверенное лицо”, “наперсник”; в Хиве – полновластный вельможа, по полномочиям соответствовавший бухарскому аталыку) начали присваивать себе права государей и титул хана. Вот как описывается ход этого ответственного политического акта в известной работе В.В. Бартольда “История культурной жизни Туркестана”. В Туркестане в XVIII веке образовались три ханских династии в Бухаре, Хиве и Коканде. “Во всех трех случаях ханский титул был принят правителями, не происходившими по мужской линии от Чингизхана, что находилось в противоречии с идеей кочевой монархии, как она была унаследована от монголов. До принятия ханского титула представители всех трех династий, фактически захвативших власть, находили нужным, подобно Тимуру, действовать от имени подставных или (в Коканде) предполагаемых ханов; сила традиции была так велика, что в Бухаре и Хиве после первых представителей новых династий, принявших ханский титул, их преемники довольствовались более скромными титулами и вернулись к обычаю возводить на престол подставных государей из потомков Чингизхана; только после этого промежуточного периода, наглядно свидетельствующего о колебаниях в среде самого правительства, окончательно установился новый порядок вещей” [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 278-279].

Кстати, обычай возводить на престол подставных ханов из потомков Чингизхана имеет давнюю традицию и восходит к XIV в. В государстве Хулагуидов после смерти в 1335 г. монгольского хана Абу Саида фактическая власть в стране перешла в руки главы племени джалаир Шейх Хасана Бузурга (ум. в 1356 г.).

Но он, соблюдая традиции, возвел на престол, в качестве подставных ханов, сначала Мухаммада (потомка Чингизхана), потом Тутта-Тимура (потомка брата Чингизхана, Хасара), Джахан-Тимура (потомка Чингизхана) и лишь после этого промежуточного периода присвоил себе самому права государя.

В государстве, основанном монголами в Средней Азии, в 30-40-х годах XIV в. происходили смуты, которые в Мавераннахре привели к переходу власти после убийства Казан-хана в 747/1346-47 г. от потомков Чингизхана к тюркской кочевой знати – эмирам (бекам). Первым из таких эмиров был эмир Казаган (ум. в 1358 .) из караунасов [сводку сведений о караунасах см. Манз, 1989, р.159-161]. Впоследствии выделился эмир Тимур (правил в 1370-1405 г.) из отюреченного монгольского племени барлас, который объединил под своей властью Среднюю Азию и Иран. Поскольку понятие о наследственных правах Чингизидов на власть сохранялось строго, то и здесь, в Средней Азии, возник институт подставных ханов: для придания законности своим действиям эмир Казаган и его преемники провозглашали кого-либо из потомков Чингизхана ханом, управляя формально от его имени, фактически же единовластно. Вот список подставных ханов тюркских властителей Мавераннахра XIV-XV вв.

1. Данишманджа-оглан. По одним сведениям он был потомком Чагатая (второго сына Чингизхана), по другим – потомком Угедея (третьего сына Чингизхана). Он был возведен на престол в 747/1346-47 г. по желанию Казагана и с одобрения всех эмиров. Года через полтора-два, обвинив Данишманджа-хана в том, что он “нечагатаид”, предали его смерти [Мунтахаб аттаварих, изд., с. 102, 113, 116, 199; Муджмал-и Фасихи, с. 74-75; Тарих-и джахан-ара, с.198].

2. Байан-Кули-хан. Согласно Муин ад-Дину Натанзи (XV в.), Байан-Кули был сыном Ясавур-оглана, потомка Чагатая; по сведениям другого тимуридского автора, Фасиха ал-Хавафи, Байан-Кули был сыном Сургаду, сына Дува (Тува)-хана, потомка Чагатая. По словам источников, он был очень умным, справедливым и несущим с собой счастье царевичем. Его возвел на ханство эмир Казаган в 749/1348-49 г. В 759/1357-58 г. эмир Казаган умер и его место заступил его сын эмир Абдаллах (Абдулла), который утвердил на ханский престол Байан-Кули так же, как это было установлено эмиром Казаганом. Но в том же году Байан-Кули-хан был обвинен в любовных связях с одной из жен эмира Абдаллаха и казнен [Мунтахаб ат-таварих, изд., с. 114; Муджмал-и Фасихи, с. 75, 86].

3. Кабул-шах. По рассказу Фасиха ал-Хавафи (XV в.), Кабул-шаха возвел на ханский престол эмир Абдаллах, сын эмира Казагана, в 759/1357-58 г. Однако в другом месте своего сочинения он утверждает, что Кабул-шаха “вытащил из рублища дервиша и возвысил на ханство” эмир Хусайн и эмир Тимур и что это событие имело место в 766/1364-65 г. [Муджмал-и Фасихи, с. 86, 91; изд., т. 2, с. 97]. Вероятно, здесь речь идет о том, что эмир Хусайн и эмир Тимур, новые властелины Мавераннахра, утвердили на ханский престол Кабул-шаха так же, как раньше это сделал эмир Абдаллах. Согласно Шараф ад-Дину Али Йазди, автору официальной истории Тимура, утверждение на ханский престол Кабул-шаха эмиром Хусайном и эмиром Тимуром состоялось в 1364 г. и сопровождалось следующей церемонией. Кабул-шаха, который вел дервишский образ жизни, переодели в богатое царское одеяние, устроили многолюдное пиршество, во время которого ему вручили царский кубок и все присутствующие в знак признания его власти девять раз пре-

клонили колено. По словам Йазди и анонимного автора “Муизз ал-ансаб”, Кабул-шах был сыном Дорджи, сына Ильчигидая, сына Дува(Тува)-хана, потомка Чагатая. По утверждению Муин ад-Дина Натанзи, Кабул-шах был сыном Джанкши-хана, другого потомка Чагатая; он был очень обаятельным и милым человеком с характером дервиша и писал стихи, пользовавшиеся известностью еще в начале XV в. Природа Кабул-шаха и природа эмира Хусайна не сошлись, и эмир Хусайн без всякой на то причины низложил и убил хана [Мунтахаб ат-таварих, изд., с. 129].

4. На место Кабул-шаха эмир Хусайн провозгласил ханом другое лицо – некоего **Хуббе**, который вскоре также был казнен; о его происхождении ничего не говорится [Мунтахаб ат-таварих, изд., с. 114].

5. Адил-Султан. Согласно Муин ад-Дину Натанзи, он был сыном Кабул-шаха и провозглашен ханом эмиром Хусайном. Точная дата провозглашения его номинальным ханом не известна; в “Зафар-наме” Йазди его имя упоминается в 1369 г.; Адил-Султан был убит сразу после победы Тимура в 1370 г. над эмиром Хусайном [Мунтахаб ат-таварих, изд., с. 129; Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 142].

6. Суюргатмыш-хан. По словам автора “Мунтахаб ат-таварих-и Муини” и “Шаджарат ал-атрак”, царевич Суюргатмыш был сыном Данишманджа-хана, потомка Угедея. Он был провозглашен ханом Тимуром в 1370 г. по настоянию эмиров. Согласно “Муизз ал-ансаб”, генеалогическому сочинению, составленному в 1426 г. при дворе Тимурида Шахруха, у Суюргатмыш-хана было два сына – Султан-Байазид, Султан-Махмуд и одна дочь по имени Урун-Султан, которая была замужем за Мираншахом, сыном Тимура. Суюргатмыш-хан участвовал во многих походах эмира Тимура и умер естественной смертью в 1388 г.

7. Султан-Махмуд-хан, сын Суюргатмыш-хана, возведен на престол эмиром Тимуром в 1388 г. Султан-Махмуд-хан, как и его отец, участвовал во многих походах Тимура (в Индию, Дешт-и Кипчак, Малую Азию и т.д.). В 1402 г. в битве при Анкаре он сыграл немаловажную роль и даже со своим войсковым подразделением захватил в плен османского султана Байазид. Согласно известиям автора "Шаджарат ал-атрак", Султан-Махмуд-хан был еще жив в феврале 1405 г., когда умер эмир Тимур; по Йазди и Фасиху ал-Хавафи, он умер в 1402-03 г. Согласно "Муизз ал-ансаб", у Султан-Махмуд-хана было двое детей: дочь Акил-Султан (на ней был женат Улугбек, внук Тимура) и сын по имени Султан-Абу Сайд. Носил ли сын Султан-Махмуд-хана, Султан-Абу Саид, ханский титул неизвестно.

8. Сатук-хан. Его родословная неизвестна. Согласно Мирза Хайдару (ум. в 1551 г.), автору "Тарих-и Рашиди", царевичу Сатуку ханский титул был присвоен Тимуром: очевидно после смерти Султан-Махмуд-хана. Но в 1428-29 г. Улугбек-мирза (правил в Мавераннахре в 1409-1449 гг.) низложил Сатук-хана и отправил его с войском в Моголистан против Вайс-хана. Вайс-хан пал в битве с Сатук-ханом, но и последний должен был бежать в Кашгар, где был убит при набеге на этот город внука дуглатского эмира Худайдада, Каракул-Ахмад-мирзы. Улугбек провозгласил на место Сатука ханом в Самарканде другое лицо [Тарих-и Рашиди, рук. в 648, л. 396-406; с 395, л. 53а-54а].

9. Об имени, происхождении и судьбе преемника Сатук-хана в источнике ничего не говорится.

10. В следующий раз новый хан, насколько можно судить по источникам, был провозглашен в Самарканде уже после низложения самого Улугбека в сентябре или октябре 1449 г. По словам источников, Абд ал-Латиф, поднявший восстание против своего отца Улугбека

и низложивший его, провозгласил ханом "какого-то обиженного судьбой потомка Чингизхана" [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 158; Сахаиф ал-ахбар, т.3, с.65]. Имя его и судьба также неизвестны. Как полагает В.В. Бартольд, он был последним подставным ханом из потомков Чингизхана в государстве Тимуридов.

Подставные ханы Чагатайского улуса XIV-XV вв. являлись марионеточными государями и одновременно хранителями политических традиций. Не обладая никакой фактической властью, подставные ханы из потомков Чингизхана все же оставались формально источником всякой власти. В частности, ярлыки Тимура и Улугбека издавались от имени ханов; за ханом были сохранены важные внешние атрибуты власти – обычай чеканить имя хана на монетах и упоминать его имя в хутбе, правда, не всегда соблюдавшихся столь уж строго. Зато, как отметил В.В. Бартольд, нет никаких известий о том, чтобы эмир Тимур (правил в 1370-1405 г.) когда-нибудь в присутствии войска, при торжественной обстановке, воздавал почести подставным ханам; почести, воздаваемые по монгольским обычаям государю, всегда принимались самим Тимуром. По материалам источников, на пирах и праздниках хан, предоставляя первенство эмиру Тимуру, сам скромно сидел, поджав под себя ноги; также, когда приходили послы иностранных держав, хан, предоставляя прием их эмиру Тимуру, сам сидел тут в скромном положении; смотр войску также производил Тимур, и он же сам принимал все воинские почести. Смерть ни одного подставного хана не делалась народным зрелищем; они отходили в мир иной без народного плача, без траурно-торжественных церемоний и пышного погребального обряда; даже места захоронения большинства подставных ханов Средней Азии XIV-XV вв. неизвестны.

Тимур находился в очень хороших личных отношениях со своими ханами (Суюргатмыш-ханом, Султан-

Махмуд-ханом), брал их с собой во время похода и не держал их взаперти, как это было при Улугбеке. Вот какой любопытный рассказ о положении подставных ханов в Самарканде содержится в "Тарих-и Рашиди". Улугбек Гурган, пишет Мирза Хайдар, по примеру своего деда эмира Тимура, возводил на престол в Самарканде подставных ханов из потомков Чингизхана. "Он держал хана под присмотром внутри города Самарканда, в махалле (квартал), границы которой были обнесены оградой и укреплены. Теперь (в 40-е годы XVI в. – Т.С.) эта махалла города носит название "Хайат-и хан" ("Ханский двор"). Это большая махалла, и у каждой махалла, входящей в нее, свое название. Одна из этих махалла – "Хауз-и Бустан-и хан" ("Бассейн ханского сада") – является хорошо известным местом в Самарканде. Во времена эмира Тимура в этой махалле проживал Суюргатмыш-хан" [Тарих-и Рашиди, рук. В 648, л. 396; С 395, л. 53а].

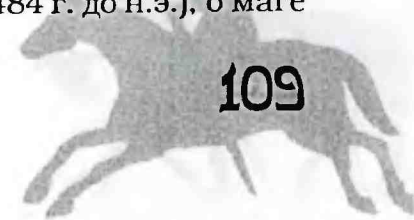
Институт подставных ханов из потомков Чингизхана был вновь возрожден в Средней Азии, как уже говорилось, в XVIII столетии. В частности, в Хивинском ханстве после пресечения там в конце XVII в. династии Шибанидов вся власть перешла в руки главарей кочевых родов. Однако в государственной жизни сохранялся принцип, что только представители "белой кости", т.е. Чингизиды, могут быть законными ханами. Для удовлетворения требований этой формальной законности люди не ханского происхождения, в руках которых была фактическая власть в стране, засылали приглашение султанам принять ханское звание то туда, то сюда, чаще всего в Казахские степи, так что в течение XVIII в. на престоле Хивы перебивало немало число казахских Чингизидов. Наиболее подробные известия о казахских султанах – ханах Хивы содержатся в сочинении хивинских историков XIX в. Муниса и Ага-

хи, а также в различных русских источниках XVIII – начала XIX вв.

За немногими исключениями подставные ханы Хивы не играли политической роли и являлись фигурами чисто декоративными. Вот что сообщает, например, в своих "Путевых записках" о положении подставных ханов в Хиве врач майор Бланкеннагель, который по поручению российского правительства провел в Хиве пять месяцев – с 5 октября 1793 г. по 12 марта 1794 г. "Хивинский хан, – пишет он, – в правительстве значит меньше всего; три раза в год показывается он народу, окруженный теми, которые делами правят; в прочее же время сидит взаперти под строгим присмотром. В придворном его содержании не соблюдается даже благопристойности, и нередко в самом необходимом претерпевает нужду. ... Хива есть столица и пребывание ничего незначащего хана и всех знатнейших родов" [цит. по кн.: Веселовский, 1877, с. 245].

Подставные ханы Хивы занимали престол (за редким исключением) только короткое время: одни уходили сами, а иных главы местных родов отсылали обратно на родину, в Казахские степи, и заменяли другими ханами. Среднеазиатский историк начала XIX в. Абд ал-Карим Бухари (т. 1, с. 79) метко называет этот политический обычай "игрой в ханы" – ханбази.

В заключение раздела несколько слов о ханах-самозванцах. В литературе давно отмечено, властолюбие – такая неумная страсть, против которой бессильны право, традиции, разум, страх перед возмездием. Жажда власти испокон веков не давала покоя авантюристки рисковому натурам – время от времени то и дело появлялись люди, называвшие себя именем какого-нибудь лица царствующей династии и предъявлявшие права на престол. Памятен, например, красочный рассказ отца истории, Геродота (род. в 484 г. до н.э.), о маге

Гаумата, который в 522 г. до н.э., выдав себя за внешне очень похожего на него Смердиса, младшего брата отправившегося в поход персидского царя Камбиса, занял престол и стал на некоторое время "царем царей" [Геродот, с.147, 157-164]. В истории России хорошо известны события, связанные с Лже-Дмитрием (некоторые подробности см. ниже, глава 2). О политических самозванцах, появившихся в государстве Сефевидов после внезапной смерти шаха Исмаила II в 1577 г., сообщает автор "Накават ал-асар" Махмуд ибн Хидайаталлах. Были ханы-самозванцы и в средневековой и новой истории Средней Азии. Замечательно, что среднеазиатские политические самозванцы рассматриваемого периода объявляли себя если не Чингизидами, то по меньшей мере их родичами. Вот несколько примеров.

В "Путешествии Ибн Баттуты" содержится трогательный рассказ о злключениях некоего человека, который выдавал себя за Чагатаида Тармаширинхана (правил ок. 1330-1334 г.) и в середине 30-х годов XIV в. прибыл в земли Синда (низовье р.Инд). По рассказу автора "Мусаххир ал-билад", в 1012/1603-04 г. каракалпаки нарекли Абд ал-Гаффар-султаном некоего человека, внешне очень похожего на султана Абд ал-Гаффара, объявили его государем и посадили на престол правления в Туркестане; тот захватил ряд присырдарьинских городов и сделал своей столицей Ташкент. Но вскоре хан казахов Ишим, который являлся истинным владельцем тех пределов, выступил на войну с Лже-Абд ал-Гаффаром и убил его [Мусаххир ал-билад, л. 99б; Абусеитова, 1983, с.172].

В 1687 г. умер сын и преемник хивинского хана историка Абу-л-Гази, Ануша; через два года после смерти Ануша-хана, т.е. в 1689 г., вступил на престол его сын Эрнек (Эренк). По словам жившего в на-

чале XIX в. хорезмийского историка Муниса, молодой Эрнек-хан был дерзким мужчиной красивой наружности, любителем увеселений и имел пламенную страсть – волочиться за женщинами. "Всякую ночь после вечерней молитвы он верхом на ветроногом скакуне с двумя махрамами скакал из Ак-Сарая в Хивак, развлекался и наслаждался там с розоликими девами и еще до рассвета возвращался в Ак-Сарай". При возвращении с одного из таких любовных походов он был сброшен лошадью и разбился насмерть. Его мать, Тохта-ханым, которая происходила из туркмен, живших на южной окраине Хорезма, около Даргана, узнав о смерти хана, поспешила его похоронить, прежде чем известие о его смерти успело распространиться и отправилась в Дарган, в дом своего отца. У ее старшего брата был сын, который был сверстником Эрнек-хану и очень походил на него наружностью. Выдав своего племянника за Эрнек-хана, Тохта-ханым распространила слух, что хан ездил навестить своих туркменских родственников и теперь возвращается домой. Посредством такой хитрости молодому туркмену удалось привести в Хиву тысячу своих соплеменников и овладеть городом, после чего он стал подвергаться преследованию узбеков Хивы. Некоторые узбеки ушли на Арал, собрали там войско из конгратов, мангытов, канглы, кипчаков и ходжаэли и пошли походом на Хиву. Самозванец был убит; Тохта-ханым казнена: ее привязали к коням, которые волочили ее; из даргинских туркмен спаслась одна сотая часть. Это событие произошло в 1106/1694-95 г. [МИКХ, с. 456].

И, наконец, пример из истории Кокандского ханства. К середине XIX в. Кокандское ханство превратилось в одно из крупнейших государств в Средней Азии, в состав которого вошли обширные территории от Па-

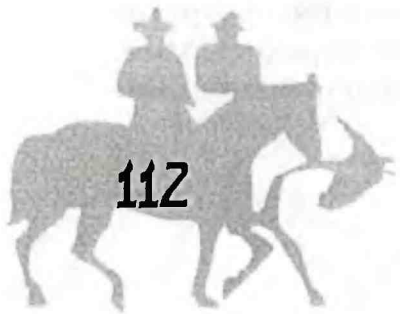
мирских высот на юге до бассейна реки Или на северо-востоке. В 70-х годах XIX в. там происходили стычки между российскими войсками и жителями ханства. Ситуацией в стране своеобразно воспользовался некий мулла Исхак, родом из Пскента (современный Бишкек - столица Кыргызстана). Назвав себя царевичем Пулат-беком, он со своими сторонниками из кыргызов и кипчаков занял Коканд, где осенью 1875 г. был провозглашен ханом, в то время как настоящий хан находился в Ходженте. Но правление самозванца было недолгим: в январе 1876г. власти Пулат-хана был нанесен решительный удар (Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 396-397).

Итак, в настоящей главе мы рассмотрели ситуацию рождения в XIII в. новой властной элиты - "золотого рода" Чингиз-хана, проследили, как выработывалось в практике жизни понятие о сословных правах и привилегиях Чингизидов и как это понятие выражалось в государственной идее и деятельности верховной власти. Обратимся теперь к истории Казахского ханства, в котором дольше всего сохранились традиции кочевой государственности, и проследим принципы функционирования властной элиты в политической организации конкретного общества и историческую судьбу этой степной государственности до начала XVIII века.

*Ты не знаешь, о чем петухи голоса?
Не о том ли, что мертвых не воскресят?
Что еще одна ночь истекла безвозвратно,
А живые, об этом не ведая, спят?*

Омар Хайям

*От безбожья до Бога – мгновенье одно.
От нуля до итога – мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь – ни мало, ни много – мгновенье одно!*

Омар Хайям

ГЛАВА II

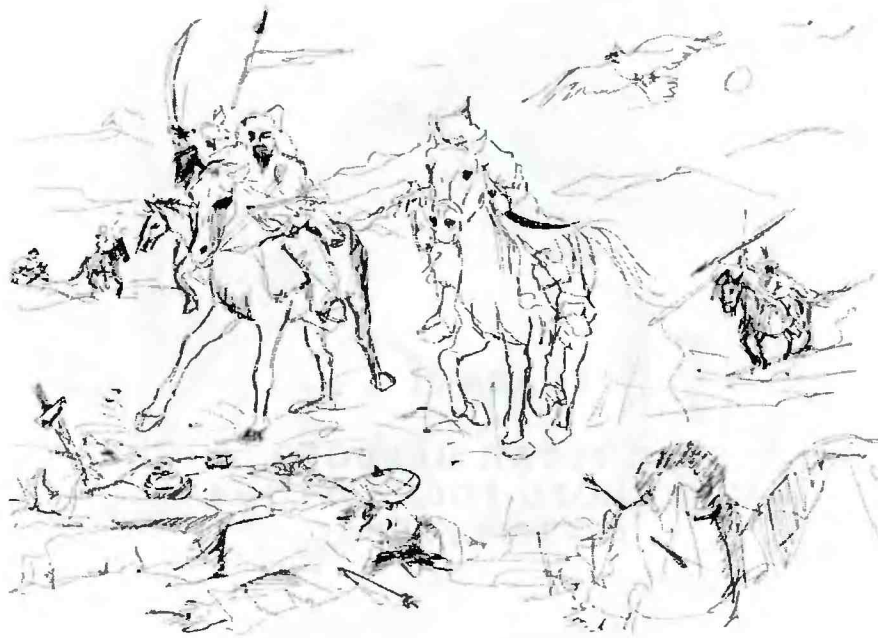
ПРАВИТЕЛИ ПЕРВОГО КАЗАХСКОГО ГОСУДАРСТВА (1470-1718)

1. О начале казахской государственности

Перекочевка Гирей-султана и Джанибек-султана из Восточного Дешт-и Кипчака в Моголистан и ее политические и этнографические следствия. Обстоятельства образования Казахского ханства и дата его рождения. Список правителей первого Казахского государства.

Вся Великая Степь от Днестра и северных берегов Черного моря до Иртыша и оз. Балхаш, граничившая на юге со средним течением Сырдарьи и Хорезмом, носила, начиная с XI в., название *Дешт-и Кипчак* ("Кипчакская Степь"), по имени того племенного союза, который был известен на Востоке под названием кипчаков, на Руси – половцев, в Центральной Европе – команов. Дешт-и Кипчак делился обычно на две части: Западный Дешт-и Кипчак и Восточный Дешт-и Кипчак. Западный Кипчак простирается с востока на запад от р. Яика (Урал) до Днестра, а с юга на север от Черного и Каспийского морей до г. Укека (остатки его находятся в окрестностях современного Саратова). Границу Восточного Кипчака составляли на востоке – Иртыш, на западе – р. Яик, на севере – р. Тобол, на юге – оз. Балхаш и низовья Сырдарьи.

В XIII веке вся Великая Степь вошла в состав Улуса Джучи, монгольского государства, известного в исследовательской литературе под именем *Золотая Орда*. Этнический состав населения Золотой Орды был пестрым: какую-то часть населения составляли покоренные монголами оседлые народы; но основную массу населения государства составляло много разных тюркских и монгольских кочевых родов и племен, еще не сложившихся в народности. В нарративных источни-

*Люди, готовые в злобе схватиться за меч,
Лживая чернь, чьи поступки лукавы и речь,
Старцы, юнцы – все на свете чего-то взыскуют,
Благо, что каждому в землю приходится лечь.*

Ашик Исфакхани

ках при освещении событий XIII – первой половины XIV вв. для обозначения кочевого населения Улуса Джучи употребляются слова монголы, татары, тюрки, кипчаки. С середины XIV в. кочевое население этого государства известно нам под общим собирательным названием *узбеки*.

Происхождение названия узбек окончательно не выявлено. Как имя собственное это слово встречается и для периода ранее XIV в. Как имя нарицательное слово узбеки, насколько сейчас известно, впервые встречается у персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Мустауфи Казвини (ум. в 1350 г.). Описывая военный поход золотоордынцев на Азербайджан в 1335 г., он называет воинство Узбек-хана узбекцами (*узбекиан*), а улусы потомков Джучи, сына Чингиз-хана, – государством Узбека (*мамлакат-и узбеки*). Более поздние ираноязычные и тюркоязычные авторы распространили имя Узбек-хана (правил в 1313-1341 г.), при котором в Золотой Орде установилось господство ислама и укрепились ее культурно-экономические связи с мусульманскими странами, на все разноплеменное кочевое население Улуса Джучи. С XV столетия, по мере распада Золотой Орды и приобретения политического суверенитета отдельными ее частями, слово узбек постепенно исчезло из употребления в западной части Великой Степи и осталось только за кочевыми тюркскими и тюркизированными племенами Восточного Дешт-и Кипчака. Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы стали употреблять термин Узбекский улус, или просто Узбекистан (“Страна узбеков”). Таким образом, тогдашний Узбекистан включал в свой состав, в частности, территорию современного Центрального, Северного, Северо-Восточного и Западного Казахстана.

В 20-х годах XV столетия в Узбекском улусе повсюду лютвала война. В одном из сражений, имевших место в 1428 г., погиб хан кочевых узбеков Великой Степи Барак-оглан, внук Урус-хана. В том же 1428 г. (или в начале 1429 г.) в Восточном Дешт-и Кипчаке воцарился Абу-л-Хайр-султан, представитель другой ветви Джучидов. За годы сорокалетнего правления Абу-л-Хайр-хана произошли тысячи больших и малых дел. Среди них, в частности, – откочевка группы недовольных властью дештских племен за пределы Узбекского улуса. Ни хан Абу-л-Хайр, ни султаны, покинувшие Узбекский улус с подвластными им племенами и родами, никто не мог тогда предвидеть, что это ординарное в жизни кочевого общества событие будет иметь решающее значение для всей дальнейшей судьбы их страны. Собственно говоря, с этой перекочевки началась новая глава в истории современного Казахстана. Да и возникновение самого топонима *Казахстан* (“Страна казаков”) – один из результатов той перекочевки. У этого события своя предыстория.

В 864 году хиджры (октябрь 1459–сентябрь 1460 гг.), по словам автора “Фатх-наме” Шади, в семье сорокасемилетнего предводителя кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кипчака Абу-л-Хайр-хана, потомка Шибана, сына Джучи, случилось большое горе: умер его старший сын от его жены из племени буркут, совсем еще молодой Шах-Будаг-султан [МИКХ, с. 49-50]. Два сына погибшего султана – восьмилетний Мухаммад (будущий Абу-л-Фатх Мухаммад Шейбани-хан) и пятилетний Махмуд – были отданы на попечение уйгуру Бай-Шайх-кукельташу, который был *атаке* (воспитателем) их отца Шах-Будаг-султана и старинным слугой дома Шибанидов. Малолетние царевичи-сироты росли окруженные заботой атаке и любовью цар-

ственного деда, упражняясь в верховой езде, стреляя из лука, обучаясь искусству ведения войны и обращения с подданными и знать не знали, что все это окажется очень кстати в жизни, и на рубеже XV-XVI вв. они станут завоевателями империи Тимуридов и основателями государства Шибанидов (Сыбанидов) в Средней Азии. К обстоятельствам их жизни мы еще вернемся, а пока слово о военно-политических событиях в Узбекском улусе времени правления их деда Абу-л-Хайр-хана.

Историк Шади (нач. XVI в.) не сообщает подробности смерти Шах-Будаг-султана. Однако из других источников известно, что в конце 50-х годов XV столетия в Восточном Дешт-и Кипчаке учинилась большая неурядица: династийные противники Абу-л-Хайр-хана вновь повели ожесточенный спор за верховенство в улусе узбеков. По всей вероятности, молодой Шах-Будаг-султан и погиб в одном из тех сражений, защищая от претендентов трон своего отца. Тогда Шибанидам удалось разгромить своих внутренних политических врагов. Абу-л-Хайр, очевидно, мстя за смерть своего старшего сына, перебил "ряд принцев из потомков Джучи в стране Дешт-и Кипчак, — говорится в источнике, — и рассеял то общество в разных краях" [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 151а].

В числе политических противников Шибанида Абу-л-Хайр-хана, по счастливой случайности оставшихся в живых, были, в частности, Гирей-султан и Джанибек-султан, потомки Урус-хана, представителя другой ветви Джучидов Дешт-и Кипчака. Перед ними встал вопрос: что делать? Искать убежище у соседей? Так поступали тогда многие. Или же оставаться в улусе и ждать своей участи? Условия времени требовали быстрых и решительных действий. После жарких споров и глубоких раздумий Гирей и Джанибек нашли целесообразным покинуть государство Абу-л-Хайр-

хана, и, памятуя, что "судьба не приносит удачи тому, кто сегодняшнее дело оставляет на завтра", в том же 864/1459-60 гг., когда царевич Шах-Будаг "ушел во мглу", они с группой племен, которые их признавали, направились в соседнюю страну, в Моголистан.

Будущее всегда загадка. Тогда они и впрямь были беглецами. Тогда Гирей и Джанибек еще не знали ни того, как сложатся их отношения с предводителями соседей-моголов, ни всех трудностей жизни изгоя в чужих владениях, ни своего славного будущего, когда они оба, вернувшись в Узбекский улус спустя лет десять после той памятной им перекочевки, станут основателями нового государства в Восточном Дешт-и Кипчаке — Казахского ханства.

Словом, в один из месяцев 864 года хиджры (1459-60 гг.) Джучиды Гирей и Джанибек со своими приверженцами прибыли в Семиречье, которое в то время принадлежало Чагатаидам (потомкам Чагатая, второго сына Чингизхана) и составляло основную часть территории Моголистана. Так назывались тогда, в XV в., обширные пространства между Таласом и Чу на западе, Иртышом и Эмилем на северо-востоке; на севере граница Моголистана с Узбекским улусом проходила по Кокче-Тенгиз (переименовано в озеро Балхаш в XVIII в.), а на юге Моголистан включал в свой состав Кашгарию. Моголистан — персидское название, означающее "Страна моголов". Оно образовано от слова могол — так, без буквы н, произносилось и писалось народное название монголов в Средней Азии; с середины XIV в. моголами назывались составлявшие военную силу местных ханов кочевники восточной части бывшего Чагатайского улуса.

Верховным правителем моголов в те годы был Есен-Буга-хан. Он благосклонно и с почестями принял Гирея, Джанибека и других султанов из рода Джу-

та и предоставил им западную часть Моголистана, известную как “Джуви (Чу) и Козы-Баши”. Пребывание группы дештских племен и султанов в другой стране затянулось. В 1462 г. умер Есен-Буга-хан и на престоле утвердился вместо него его брат Юнус (правил в 1462-1487 гг.).

В ту эпоху для обозначения временного состояния всякого вольного человека, отделившегося от своего рода и племени, или какого-либо сообщества степных удальцов, принужденных обстоятельствами вести жизнь искателя приключений, употреблялось слово казак [Ибрагимов, 1960, с. 68; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 250-252]. Так как Гирей, Джанибек и их приверженцы были людьми, ушедшими от своих и скитавшимися по окраинам государства кочевых узбеков, к которому они принадлежали, и находившимися с ними в состоянии войны, то их прозвали *узбеками-казаками*, т.е. “узбекскими казаками”, или просто казаками. Имя это за ними закрепилось.

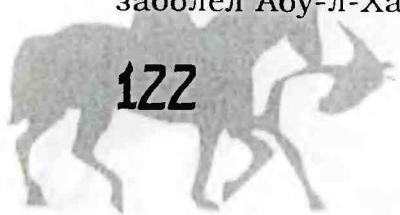
Обосновавшиеся в соседнем Моголистане и стоявшие во главе многотысячных “узбеков-казаков” султаны, естественно, внушали опасения Абу-л-Хайр-хану. Поэтому глава кочевых узбеков Восточного Дешт-и Кипчака предпринял в Моголистан тщательно подготовленный поход, подробный рассказ о котором мы находим в сочинении Махмуда ибн Вали “Бахр ал-асрар”. Абу-л-Хайр выступил в поход с берегов Волги осенью 1469 г. (874 с.х.). Пройдя окрестности Ала-Тага, войско хана через несколько переходов достигло местности Йети-Кудук и там расположилось лагерем. Вскоре начал дуть сильный ветер, пошел проливной дождь, затем обильный снегопад, за которыми последовали жестокие морозы, сковавшие действия узбеков Дешт-и Кипчака. В это время заболел Абу-л-Хайр: у него началась сильная лихо-

радка. Состояние его здоровья стало ухудшаться с каждым днем и часом, и через несколько дней он скончался в возрасте 57 лет [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 1596-1606; МИКХ, с. 358-361; Кляшторный, Султанов, с. 236-237].

После смерти Абу-л-Хайр-хана политический кризис в Узбекском улусе особенно обострился: “Во владениях узбекских ханов появилась смута, – пишет хорошо информированный автор начала XVI в. Ибн Рузби-хан, – и очередь ханствовать в улусе Шибана досталась Шайх-Хайдар-хану”. Именно во время его правления, которое, как утверждает в средневековых мусульманских источниках, было кратковременным, Гирей и Джанибек со своими казаками (казахами) вернулись в Узбекский улус и ввязались в спор за политическое главенство в степи. В начавшейся войне между вождами казачьей вольницы и преемником Абу-л-Хайра, слабосильным ханом Шайх-Хайдаром, последний, согласно известиям Шади, Бинаи и анонимного автора “Нусрат-наме”, потерпел полное поражение и погиб: близкие к нему люди были перебиты, а оставшиеся в живых Шибаниды бежали в Астрахань, к Тукайтимуридам. Единственно реальными властителями в большей части Узбекского улуса стали Гирей, Джанибек и их приверженцы. Скрупулезный анализ данных письменных источников показывает, что это историческое событие имело место в 875/1470-71 гг.

Так, спустя сорок с небольшим лет, власть в Восточном Дешт-и Кипчаке вновь перешла в руки потомков Урус-хана. Но тут важно отметить ряд существенных моментов, а именно:

1. Если Урус-хан (ум. в 1377 г.), его сын Куйручук-хан (ум. около 1395 г.) и внук Барак-хан (ум. в 1428 г.) – они все были государями кочевых узбеков Дешт-и Кипчака, то их потомки со второй половины XV столетия

предводительствовали узбеками-казаками, или просто казаками Восточного Дешт-и Кипчака.

2. Казаки были в Великой Степи и смежных с ней регионах и до XV в. Однако, прежде казачьи вольницы обычно со временем распадались, члены таких групп возвращались в прежнее состояние и тем самым теряли прозвание казак; теперь же впервые казачья вольница во главе с султанами Гиреем и Джанибеком, потомками Урус-хана, захватила верховную власть в стране и создала собственно Казахское государство (*даулат-и казак*).

3. Если до создания Казахского государства слово казак несло только социальную нагрузку, то с тех пор оно превращается в политический термин – в название самостоятельного ханства, а затем становится еще и самоэтнонимом, т.е. самоназванием ныне самого многочисленного среди 90 млн. тюрков планеты казахского народа.

Таковы вкратце исторические обстоятельства возникновения Первого Казахского государства – Казахского ханства. И эти обстоятельства показывают, что падение государства Шибанида Абу-л-Хайр-хана в Восточном Дешт-и Кипчаке и образование там Казахского ханства произошли по обычной для рассматриваемой эпохи формуле, согласно которой в средние века государства возникали и падали вместе с той или другой династией.

Рассмотрим теперь более подробно вопрос о дате образования Казахского ханства. И, первым делом, обратимся к Мирзе Хайдару Дуглату (годы жизни: 1500-1501), ибо сообщения о казахских владетелях, содержащиеся в его “Тарих-и-Рашиди”, – в совокупности единственное в средневековой мусульманской историографии связное изложение предыстории и ранней истории Казахского ханства. Вот что пишет

по этому поводу первый историк первого Казахского государства.

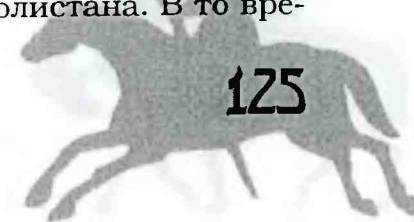
“Когда Абу-л-Хайр-хан полностью подчинил себе Дешт-и Кипчак, некоторые султаны джучидского рода обонянием предусмотрительности почуяли веяние надвигающейся беды с его стороны и решили предотвратить ее. И с этой целью несколько султанов – Гирей-хан, Джанибек-султан и им подобные с немногочисленным количеством людей, бежав от Абу-л-Хайр-хана, прибыли в Моголистан.

Очередь ханствования в то время в Моголистане была за Есен-Буга-ханом. Есен-Буга-хан проявил к ним особую заботу и уважение, и местом их пребывания определил один из уголков Моголистана, где они обрели надежную безопасность, и жизнь их проходила в благополучии.

После смерти Абу-л-Хайр-хана [так!] в Узбекском улусе начались междоусобицы; всякий, кто только мог, ища безопасности и благополучия, уходил к Гирей-хану и Джанибек-хану. Вследствие этого они значительно усилились.

Так как они [Гирей, Джанибек и их приверженцы. – Т.С.] сперва, бежав и отделившись от своего многочисленного народа, некоторое время пребывали в беспомощности и скитаниях, их и прозвали казаками, и прозвище это закрепилось за ними” [Тарих-и Рашиди, В 648, л. 153б-154а; МИКХ, с. 221-222].

В другой главе Мирза Хайдар Дуглат описывает эти же события так. “В то время в Дешт-и Кипчаке владывал Абу-л-Хайр-хан. Он причинял много беспокойства султанам джучидского происхождения. Джанибек и Гирей-хан бежали от него и пребыли в Джете, то есть в Моголистане. Есен-Буга-хан охотно их принял и предоставил им округ Чу и Козы-Баши, который составляет западную окраину Моголистана. В то вре-

мя как они пребывали там, Узбекский улус после смерти Абу-л-Хайр-хана [так!] пришел в расстройство; в нем начались большие неурядицы. Большая часть подданных Абу-л-Хайр-хана откочевала к Гирей-хану и Джанибек-хану, так что число собравшихся около них людей достигло двухсот тысяч человек. За ними утвердилось название узбеки-казаки. Начало власти казахских султанов – с восьмьсот семидесятого года (1465-66 г.). Впрочем, Аллах лучше знает” [Тарих-и Рашиди, рук., В 648, л. 436; МИКХ, с. 195].

После выхода в свет в 1864 г. второй части книги “Исследование о Касимовских царях и царевичах” В.В.Вельяминова-Зернова, где впервые в историографии Казахстана приводятся эти сведения Мирзы Хайдара Дуглата (в персидском подлиннике и русском переводе без комментариев), в исторической литературе в целом установилось мнение считать 870/1465-66 гг. – годом основания Казахского ханства. Поскольку дата переломная в истории современного казахского и узбекского народов, подвергнем известия автора “Тарих-и Рашиди” Мирзы Хайдара критическому анализу.

Как видим, Мирза Хайдар дважды перечисляет ряд событий, которые предшествовали, и, в конечном счете, привели к образованию Казахского ханства, но в котором году имели место эти события, он не говорит, ограничиваясь лишь одной датой. Однако, приводимый им 870 год хиджры, как год начала власти собственно казахских султанов, на поверку оказывается ошибочным.

Напомню еще раз ход событий тех лихих десятилетий по Мирза Хайдару: Гирей-султан и Джанибек-султан с частью дештских племен бежали от Шибанида Абу-л-Хайр-хана из Узбекского улуса в Моголистан, к Чагатаиду Есен-Буга-хану, и там за ними закрепилось имя казаки; затем умер Абу-л-Хайр и в Уз-

бекском улусе начались неурядицы, многие ушли оттуда к Гирею и Джанибеку, значительно усилив их; казахи установили свою власть в большей части Узбекского улуса; начало власти казахских султанов – с 870 г.х. (1465-66 гг.).

Таким образом, согласно Мирза Хайдару, Казахское ханство возникло после смерти Абу-л-Хайр-хана, что, кстати сказать, подтверждается многими другими источниками. Из контекста “Тарих-и Рашиди” совершенно ясно, что Мирза Хайдар полагал, что Абу-л-Хайр-хан умер до или в 870 г.х. Но дело в том, что предводитель кочевых узбеков Абу-л-Хайр умер не в 870/1465-66 г., а гораздо позже – осенью 1468 г. (год Мыши – так по двенадцатилетнему циклическому календарю) или поздней осенью 1469 г. (874 г.х. – так по мусульманской эре) [Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 490; МИКХ, с. 361; Кляшторный, Султанов, с. 236-237]. Следовательно, образование Казахского ханства не может быть датировано раньше осени 1469 г.: для данного события указанный год есть, таким образом, *terminus ante quem* pop.

Путаница в хронологии ранней истории Казахского ханства, которую допускает Мирза Хайдар Дуглат, не должна нас удивлять или смущать. Автор “Тарих-и Рашиди” вообще дает годы по памяти, приблизительно. На этот факт неоднократно указывалось в востоковедной литературе, особенно академиком В.В. Бартольдом. К счастью, мы, современные исследователи, располагаем о предыстории и ранней истории Казахского ханства большим материалом, чем Мирза Хайдар, который писал свой “Тарих-и Рашиди” в Кашмире в 40-х годах XVI в., так что имеем возможность дополнить его сведения и уточнить хронологию тех событий.

Вот перечень упоминаемых Мирза Хайдаром событий в их уточненной временной последовательности,

как это можно установить по доступным ныне материалам. Учитывая то обстоятельство, что любой год мусульманского календаря, равно как и двенадцатилетнего циклического календаря, разными своими частями приходится на два года европейского календаря, нижеследующие события датируются двойным годом.

Воцарение Абу-л-хана – 1428-29 гг. [Тарих-и Абу-л-Хар-хани, л. 220а; Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 489; Ахмедов, 1965, с. 46].

Отложение Гирея и Джанибека с частью племен и родов от главы кочевых Дешт-и Кипчака Абу-л-Хайр-хана и их перекочевка в западные пределы Моголистана – 1459-60 гг. [Султанов, 1982, с. 113 -11].

Смерть Есен-Буга-хана – 1461-62 гг. [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 88; Акимушкин, 1984, с. 159].

Смерть Абу-л-Хайр-хана – 1468-69 гг. [Бахр ал-ас-рар, т. 6, ч. 3, л. 160б; Бартольд, т. 2, ч. 2, с. 490; Кляшторный, Султанов, с. 237].

Усиление Гирея и Джанибека за счет новых беглецов из Дешт-и Кипчака и возвращение их казачьей вольницы из Моголистана в Узбекский улус – 1469-70 гг. [Кляшторный, Султанов, с. 237-239].

Образование Казахского ханства – 1470-71 гг. [Султанов, 1971, с. 54-57; Кляшторный, Султанов, с. 239-240].

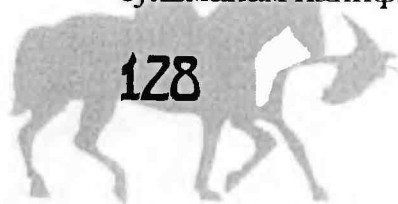
С 1470-71 г. и до ликвидации ханской власти в XIX столетии на просторах Казахской степи одни потомки Урус-хана сменяли других, но политическое господство уже не переходило больше к представителям другой ветви Чингизидов. Отдельные члены династии казахских султанов, как уже говорилось выше, правили также в Хиве в качестве подставных ханов в течение почти всего XVIII века. Представители казахской династии, как и большинство тюрков-кочевников, причисляли себя к мусульманам ханифитского толка и состояли в числе мю-

ридов (последователей) крупнейших среднеазиатских суфийских шейхов. Между тем правители Казахского ханства не упомянуты ни в одном из известных нам печатных справочников по хронологии и генеалогии мусульманских династий.

Сведения по истории этого ханства в XV-XVII вв. известны почти исключительно из сочинений ираноязычных и тюркоязычных авторов (характеристика основных источников по средневековой истории казахов содержится в сборнике “Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII веков”, монографии М.Х.Абусеитовой “Казахское ханство во второй половине XVI века” и в книге С.Г. Кляшторного, Т.И. Султанова “Казахстан. Летопись трех тысячелетий”). Несмотря на то, что в исторических сочинениях мусульманских авторов встречаются упоминания о том, что тот или иной казахский хан чеканил от своего имени монеты, и известны места захоронения отдельных казахских ханов, нумизматические и эпиграфические источники по истории ханства отсутствуют полностью.

Этими обстоятельствами объясняется тот факт, что в истории Казахского ханства еще много неясного, в частности, неизвестны точные даты правления, а также генеалогия ряда представителей правящей династии; именно поэтому при определении дат правления ханов в настоящей работе часто приходилось делать пометки «не раньше», «не позднее», «около» такого-то года, «между» такими-то годами и т.п.

Специального исследования, посвященного хронологии и генеалогии казахских ханов и султанов XV-XVII вв. ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет. Среди работ, содержащих некоторые сведения по данной теме, следует отметить труды В.В. Вельяминова-Зернова и В.В. Бартольда. Из работ последних десятилетий, имеющих непосредственное отношение к на-

шей теме, особо следует выделить труды В.П. Юдина, О.Ф. Акимушкина и М.Х. Абусеитовой, в которых содержатся новые данные о тех или иных казахских ханах и султанах или новая интерпретация уже известных фактов.

В 1982 году автором настоящих строк были опубликованы "Материалы к хронологии и генеалогии казахских ханов XV-XVII вв." [Султанов, 1982, с.111-121]. В данной работе делается попытка свести воедино уже известные сведения о генеалогии казахских ханов XV-XVII вв., уточнив при этом список правителей первого Казахского государства, хронологические рамки правления государей и вопрос о степени родства членов казахской династии.

Список правителей первого Казахского государства

Имя	Время правления (первым приведен год хиджры)	
1. Гирей и Джанибек	Не раньше 875 (1470-71)	- не раньше 878 (1473-74)
2. Бурундук	Не раньше 878 (1473-74)	- 917 (1511)
3. Касим	917 (1511)	- 924 (1518)
4. Мамаш	924 (1518)	- 928 (1521-22)
5. Тахир	Не позднее 930 (1523-24)	- не раньше 938 (1531-32)
6. Буйдаш	Не раньше 938 (1531-32)	- 967 (1559-60)

7. Хакк-Назар	После 955 (1548-49)	- 988 (1580)
8. Шигай	988 (1580)	- 990 (1582)
9. Таваккул	После 991(1583)	-1007 (1598)
10. Ишим	1007 (1598)	-1022(1613-14)
11.Турсун	Около 1022(1613-14)	-1037 (1627)
12. Ишим (вторично)	1037 (1627)	-1038 (1628)
13. Джахангир	После 1039 (1629-30)	-1062 (1652)
14. Тауке	После 1062 (1652)	-1130 (1717-18)

2. Основатели Казахского ханства

Гирей-хан. Джанибек-хан.

Казахское ханство было основано двумя султанами-Гиреем и Джанибеком. Этот факт не должен удивлять нас. Случаев, когда государство создавалось совместной деятельностью двух или нескольких близкородственных людей в средневековой истории Азии немало. Например, как империя тюрков в VI в., так и государство Сельджукидов в XI в. были созданы двумя братьями. И Хивинское ханство в XVI в. также было создано совместной деятельностью двух братьев, Илбарса и Билбарса. В сочинении Абу-л-Гази "Родословное древо тюрков" об этих двух братьях содержится подробный рассказ. Он любопытен во многих отношениях; приведу его краткое изложение.

После Буреке-султана (XV в.), потомка Шибана, сына Джучи, сына Чингизхана, осталось два сына: старший по имени Илбарс, младший – Билбарс, который в народе

более был известен под прозвищем *Биликич* (здесь - "Меченый"). Шли дни, текли месяцы, образуя годы, оба сына выросли и стали славными витязями. Затем они со своими приверженцами выступили из Восточного Дешт-и Кипчака (Узбекского улуса), овладели Ургенчем, Хивой, Хазараспом и там, в низовьях Амударьи, основали независимое ханство. Местом пребывания Илбарса был город Везир, а Билбарс жил в Янгишехре, который находился несколько к западу от Везира.

Образование и упорядочение нового ханства были достигнуты, как обычно, после долгой и кровавой борьбы. Оба брата лично возглавляли воинов в сражении, делили с ними тяготы и опасности. Но вот что здесь удивительно. Билбарс (Биликич), когда еще был грудным ребенком, заболел и сделался калекою: у него высохли обе ноги ниже колен и он сидел на бедрах. Поэтому он не мог сидеть на коне и ездил на *арбе*. Устроив на тележке место для удобного размещения одного человека, он велел оковать железом ободья колес своей арбы. Запрягая в нее самых быстроногих аргамаков, он в сопровождении цепкоруких удальцов постоянно ездил в Абулхан и Мангышлак и устраивал там погромы. Он был очень меткий и искусный стрелок, отменный воин. Стоя на коленях в колеснице, в которой он, как казалось, будто лежал, Билбарс прямо несся вперед напролом, не обращая никакого внимания на обстрелы с правой и с левой сторон. Во время жаркого побоища, предводительствуя славными батырами, он всегда находился впереди. Наклонившись на переднюю сторону колесницы, он отдавал приказ своим джигитам: "Так держать! Туда! Вперед! Назад!". На арбе Билбарс сражался на равных с всадниками. Его боевая колесница, запряженная лучшими аргамаками и предельно облегченная, не отставала от конных бойцов (Абу-л-Гази, т. 1, с. 194-202).

Вот именно так, сидя на коне и на арбе, приобретали свою империю азиатские кочевники средневековья.

Теперь вернемся в Великую Степь и продолжим наше повествование о Гирее и Джанибеке.

В "Шейбани-наме" анонимного автора и в некоторых других восточных источниках оба основателя Казахского ханства названы сыновьями Барак-хана. В.В. Вельяминов-Зернов, а вслед за ним и некоторые другие исследователи считали их родными братьями. Однако, как видно из подробной родословной Джучидов, помещенной в "Муизз ал-ансаб" (XV в.) и "Нусрат-наме" (XVI в.), они приходились друг другу дальними родственниками, имея лишь общего предка - Урус-хана (Муизз ал-ансаб, л. 256-26а; МИКХ, с. 42). Родословная Гирея: Урус-хан, Токтакыйа, Анике-Булад (Пулад), Гирей; родословная Джанибека: Урус-хан, Куйручук, Барак, Джанибек.

Об их общем предке, Урус-хане, писали многие мусульманские авторы. Согласно известиям арабских источников, Урус - это прозвище хана, а его личное мусульманское имя - Мухаммад. Ираноязычные и тюркоязычные авторы средневековья называют его "Урус-хан узбеки", или просто Урус-хан. Слово *урус* - это фонетический вариант этнонима русский. Такая форма легко объяснима. Тюркским языкам чуждо инициальное *р* и слово русский приобрело огласовку и форму урус, орус, орыс. Тот факт, что предка основателей Казахского ханства звали Урус не должен ни удивлять, ни наводить на "глубокие" мысли. Имя или прозвание Урус было довольно широко распространено, по крайней мере, с XII в., среди тюркских беков и Чингизидов. Согласно толкованию исследователей наших дней, именем Урус обычно нарекали "светловолосого ребенка".

Урус-хан правил в Узбекском улусе в 1368-1377 гг. В 776/1374-75 гг. он овладел Сараем, столицей Золо-

той Орды. По словам историка начала XV в. Муин ад-Дина Натанзи, Урус-хан был "очень сильным и могущественным" правителем и отличался сварливым, но решительным и твердым характером. Он жил жарко: украшал свою столицу, город Сыгнак, сохранял строгий порядок в стране, водил войска в поход и вообще стремился всячески поддерживать на высоте авторитет ханской власти. Погиб Урус-хан на войне, как и подобает истинному воину. По сведениям автора XVII в. Кадырали-бека, смерть настигла Урус-хана в местности Кыштым; в других источниках местом гибели хана указывается плато Устюрт; а в третьих – правобережные районы среднего течения Сырдарьи. Замечательно, что в глазах восточных историографов Урус-хан выступает как вполне мусульманский правитель, возводящий на территории своего государства мечети, медресе и прочие благотворительные учреждения. Вот таким – поглощенным заботами правления, неутомимо деятельным, непреклонным, воинственным – предстает перед нами прадед основателей Казахского ханства (сводку сведений об Урус-хане см. в работе: Кляшторный, Султанов, 1992, с.198-201).

Данные источников о родословной Урус-хана крайне противоречивы; по одним сведениям, он был потомком Тука(й)-Тимура, сына Джучи, сына Чингиз-хана; по другим – потомком Орда-Эджена (Орды), другого сына Джучи.

К первой группе источников относятся:

1. "Муизз ал-ансаб; составлено неизвестным автором по поручению Тимурида Шахрух в 829/1426 г. [л. 256-26а; Ando, 1992, p. 25; Султанов, 1994, с. 81-87].

Урус-хан – сын Бадака, сына Тимур-Ходжи, сына Бактука, сына Ачика, сына Урингташа, сына Тукай-Тимура.

2. "Таварих-и гузида-йи нусрат-наме" ("Нусрат-наме"); написано около 1504 г. в Средней Азии (МИКХ, с. 39-42).

Урус-хан – сын Бадика, сына Ходжи, сына Уз-Тимура, сына Тука-Тимура.

3. "Шаджара-йи турк"; сочинение Абу-л-Гази (1603-1664), хана хивинского (т.1, с.178).

Урус-хан – сын Бадакула, сына Ходжи, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура.

К этой же группе источников относятся также "Чингиз-наме" автора XVI в. Утемиша-Хаджжи (с. 92), "Бахр ал-асрар" историка XVII в. Махмуда ибн Вали (т. 6, ч. 4, л. 5а).

Ко второй группе источников относятся:

1. "Мунтахаб ат-таварих-и Муини", или "Аноним Искандера"; написано Муин ад-Дином Натанзи в 816/1413-14 гг. (изд., с. 68, 72, 89, 92; рукопись, л. 2396-2406).

Урус-хан – сын Чимтая, сына Эрзена, сына Сасы-Буки, сына Нукая, сына Кули, сына Орды.

2. "Нусах-и джаханара" – сочинение ал-Гаффари, написано в 972/1564-65 г. (СМИЗО, т. 2, с. 210-211).

Урус-хан – сын Чимтая, сына Эрзена, сына Сасы-Буки, сына Нукая, сына Кули, сына Орды (ср. выше "Мунтахаб ат-таварих").

3. "Тарих-и Хайдарии" – всеобщая история, написанная Хайдаром ибн Али Хусайни Рази между 1611 и 1619 гг. (рукопись, л. 414аб).

Урус-хан – сын Джиджая (Чимбая?), сына Ибдерана (Эрзена?), сына Сасы-Буки, сына Мункая, сына Букая, сына Кули, сына Орды (ср. выше "Мунтахаб ат-таварих").

К этой же группе источников относится также сочинение османского историка XVII в. Мунаджжимабаши "Джами ад-дувал" ("Собрание династий"), написанное по-арабски в 1720-1730 гг., переведенное на

турецкий язык под названием "Сахаиф ал-ахбар" ("Листы известий"). В рассматриваемом нами вопросе Мунаджжим-баши следует за ал-Гаффари, который в свою очередь пользуется, по-видимому, сведениями Муин ад-Дина Натанзи, тимуридского историка начала XV в.

Для понимания дальнейшего изложения здесь необходимо отметить, что, согласно Рашид ад-Дину (т. 2, с. 66-67) и "Муизз ал-ансаб" (л. 186-196), предок Урус-хана Сасы-Бука (Саты-Бука) был вторым сыном Баяна, сына Куйинчи, сына Сартактая, сына Орды, сына Джучи, сына Чингизхана.

Итак, возникает вопрос: кто прав? Те мусульманские авторы, которые возводят род Урус-хана к Орда-Эджену, или те, которые возводят – к Тукай-Тимуру? Ведь никто из них не обосновывает, не доказывает свое утверждение, а каждый историограф повторяет (с некоторыми вариациями) свой источник, которого он, кстати сказать, не называет. И в исследовательской литературе до сих пор нет на этот вопрос обоснованного ответа. Между тем вопрос о том, потомком какого именно сына Джучи был Урус-хан, первый общий предок собственно казахских ханов, важен. Теперь же, когда соответствующие материалы из источников сведены воедино, будет ко времени и месту рассмотреть эту тему более подробно, для чего необходимо дать сведения о Тука(й)-Тимуре и Орда-Эджене (Ичене).

Тука(й)-Тимур. Согласно Рашид ад-Дину, он был тринадцатым сыном Джучи, а по Махмуду ибн Вали – четвертым сыном Джучи; в "Муизз ал-ансаб" говорится о том, что его матерью была наложница по имени Кагри из племени меркит (в Парижской рукописи этого сочинения, микрофильмом которой я пользовался, ее имя написано без диакритических знаков, поэтому чтение предположительное). В другом источнике

утверждается, что в 1229 г. Бату-хан при отъезде в Каракорум, в Монголию, на коронацию Угедая "поручил свое царство младшему брату Тукай-Тимуру". Тукай-Тимур вместе с другими своими братьями принимал участие в походе монголов на запад в 1236-1242 гг. После завершения этой кампании Бату (Батый)-хан выделил ему из каучинов (т.е. из привилегированной части войска) минг, тархан, ушун, ойрат и передал их в подчинение брату. В качестве удела он пожаловал ему область асов (на Северном Кавказе) и Мангышлак. Согласно воле Бату и его первых преемников, Тукай-Тимур и его потомки осуществляли власть также над Хаджжи-Тарханом (Астрахань), вилайетами Кафа и Крыш. Тукай-Тимур участвовал в работах всемонгольских курултаев 1246 г. (возведение на престол Гуюка) и 1251 г. (возведение на престол Мунке). По рассказу Абу-л-Гази, Тукай-Тимур, следуя примеру своего брата Берке-хана, сделался мусульманином. Истории потомков Тука-Тимура, к числу которых (кроме крымских, астраханских и др. ханов) принадлежали также и бухарские ханы Астраханской династии (Аштарханиды, или Джаниды, правили в 1601-1785 гг.), посвящена четвертая часть шестого тома "Бахр ал-асрар" балхского историка XVII в. Махмуда ибн Вали. Согласно утверждению этого автора, потомки Тука(й)-Тимура получили прозвание "Ханских сыновей" (Хан-оглы). А дом Тукайтимуридов Махмуд ибн Вали называет Ханедан-и Тукайтимурийан.

Орда-Эджен (Орда, Хорду, Ичен). Согласно Рашид ад-Дину, Орда – первый сын Джучи-хана от его старшей жены по имени Сартак из рода конграт. При жизни Джучи-хана и после него он был весьма уважаем и почитаем. После смерти отца в 1227 г. главная ставка Джучи, которая располагалась в верховьях Иртыша, в районе озера Ала-Куль, и называлась Кок-Ордой, перешла к Орда-Од-

жену. В ведение Орды перешли также четыре личные тысячи воинов Джучи-хана, которые выделил Джучи его отец Чингизхан; эти четыре личные тысячи воинов Джучи, по словам историка XIV в. Вассафа, при жизни Орды составляли уже более одного тумана "живого войска", т.е. более 10 000 наличных воинов. Орда вместе с другими своими братьями принимал участие в семилетнем походе монгольского войска на Запад в 1236-1242 гг. В 1246 г. он участвовал в работе всемонгольского курултая, на котором Гуюк был возведен на ханский престол в Монголии. В известных справочниках Стэнли Лэн-Пуля "Мусульманские династии" (1899 г.), К.Э.Б осворта под тем же названием (1967 г., на русский язык переведен П.А. Грязневичем в 1971 г.) датой смерти Орда-Эджена неверно указан 1280 год: отсюда эта ошибка перешла во многие исторические труды. В действительности Орда-Эджен умер между 1246-1251 гг.: в 1246 году, когда Плано Карпини со своими спутниками проехал через территорию Улуса Джучи, он был еще жив, но уже в 1251 году его уделом правил его четвертый сын Кункиран. Во второй половине XIII в., то есть при первых преемниках Орда-Эджена, центр улуса Орды (а заодно и его название Кок-Орда) был перенесен из района оз. Ала-Куль, где он находился вначале, на берега Сырдарьи. После Кункирана, сына Орды, там правил Куйинчи (Кониичи), сын Сартактая, сына Орды. После смерти Куйинчи вместо него утвердился его старший сын с поэтическим именем Баян.

С этого времени территория по среднему и нижнему течению Сырдарьи и прилегающие к ней области Улуса Джучи прочно закрепились за потомками Орда-Эджена. Показательный факт: и Урус-хан, и его предки, и потомки также властвовали именно на этой территории; как раз оттуда, с берегов Сырдарьи, в XIV в. они совершали свои походы на Нижнюю

Волгу и, разгромив политических противников, на время овладевали Сараем, столицей Золотой Орды, а затем вновь возвращались в свою Кок-Орду, в присырдарьинские владения.

Отсюда заключаем следующее: Урус-хан был потомком Орда-Эджена, старшего сына Джучи, старшего сына Чингизхана. В свете приведенных выше данных автору настоящих строк родословная Урус-хана представляется в таком вот виде: Урус-хан – сын Чимтая, сына Эрзена, сына Сасы-Буки, сына Баяна, сына Куйинчи, сына Сартактая, сына Орда-Эджена, сына Джучи, сына Чингизхана.

Раздел об Урус-хане завершу памяткой о его сыновьях и потомках (см. таблицу 1); эти сведения извлечены мною из "Муизз ал-ансаб" и "Нусрат-наме"; в таблице сохранена та последовательность перечисления имен, которая дана в "Муизз ал-ансаб" (в "Нусрат-наме" – последовательность перечисления имен детей Урус-хана несколько иная).

Из указанных в таблице 1 сыновей и потомков Урус-хана в настоящей работе нас будут интересовать прежде всего двое, а именно: Гирей и Джанибек (Абу Саид).

Гирей (Кирай). Красивое имя. В восточных источниках оно встречается как среди Чингизидов, так и кочевой знати. В частности, одного из потомков Тука(й)-Тимура звали Хаджжи-Гирей; он был современником нашего Гирея и основателем Крымского ханства (XV в.). После него имя Гирей превратилось в Крыму в прозвище и стало добавляться к собственному имени каждого хана из династии Хаджжи-Гирея, потомка Тука-Тимура, сына Джучи. О происхождении имени Гирей нет точных сведений. Как указывал В.В. Бартольд, еще в 1908 г. турецкий автор Ахмад-Вефик-паша в своем словаре "Лахджа-йи Ус-

манийа" утверждает, не называя своих источников, будто *гирей* – монгольское слово, произносится по-монгольски гарай и употребляется в значении "заслуженный, достойный, обладающий правами".

Напомню читателю, что Казахское ханство было образовано совместной деятельностью двух Джучидов – Гирея и Джанибека. Но "падишахом был назван Гирей". Эти слова Махмуда ибн Вали полностью подтверждаются как сведениями "Тарих-и Рашиди", так и данными исторических сочинений периода Мухаммада Шейбани-хана (ум. в 1510 г.): "Нусрат-наме", "Фатх-наме", "Шейбани-наме", "Михман-наме-йи Бухара" и др. Именно Гирей выступает со страниц этих нарративных источников в качестве старшего хана казахов. Подробности ханствования Гирея нам неизвестны. Последний раз его имя встречается в источниках ("Нусрат-наме", "Шейбани-наме" Бинаи) под 878/1473-74 гг. По всей вероятности, он и умер в те же годы.

Об отце Гирея, Анике-Булад-султани (по "Нусрат-наме" – просто Булад) в известных нам источниках нет сведений. Зато имя его деда Токтакыйа – упоминается у многих восточных авторов. Токтакыйа был старшим сыном Урус-хана и после его смерти в 1377 г. наследовал отцу. Согласно характеристике автора "Шаджарат ал-атрак", по своей природе и естественным склонностям Токтакыйа был мягким и учтивым царевичем. Но этим миролюбивым добродетелям деда Гирея не было суждено проявиться в полной мере: он ханствовал всего лишь три месяца и погиб в войне с эмиром Тимуром (правил в Средней Азии в 1370-1405 гг.) и его протее – мангышлакским царевичем Токтамыш-огланом (впоследствии ханом Золотой Орды).

По "Нусрат-наме", Гирей был единственным сыном Пулад (Булад) -султана. У Гирей-хана было много сы-

новой, пишет Мирза Хайдар, однако он не приводит их имена. Согласно генеалогии Джучидов, помещенной в "Нусрат-наме", у Гирей-хана было три сына (см. таблица 2).

Первый сын Гирея – Бурундук. После смерти отца он вступил на престол (подробнее см. дальше).

Второй сын Гирея – Ходжа-Мухаммад. О нем в известных нам источниках нет сведений.

Третий сын Гирея – Султан-Али. Были ли у него дети или нет, также не известно.

Джанибек. В "Муизз ал-ансаб" его личным именем указано Абу Саид; в "Нусрат-наме" и у Абу-л-Гази он также назван Абу Саидом и отмечено, что этот царевич более был известен как Джанибек. Абу Саид буквально означает "Отец Саида". В этой связи небезынтересно привести здесь следующий факт. У пророка Мухаммада (ум. в 632 г. н.э.) от его первой жены Хадиджи был сын Касим, по которому Мухаммада звали также Абу-л-Касим ("Отец Касима"), но сын скончался в младенчестве. Возможно, что у Джанибека был сын по имени Саид, поэтому его называли также и Абу (Бу) Саид.

Джанибек был (по "Муизз ал-ансаб" – старшим, а по "Нусрат-наме" – третьим) сыном Барак-хана и внуком Куйручук-хана, четвертого сына Урус-хана (так по "Нусрат-наме"; по "Муизз ал-ансаб", Куйручук был восьмым сыном и младшим из 15-ти детей Урус-хана). О дедушке Джанибека Куйручук-оглане мало что известно. В "Зафар-наме" Шараф ад-Дина Али Йазди (XV в.) содержится такой рассказ. В апреле 1395 г. на Тереке произошло решающее сражение между эмиром Тимуром и Токтамышем, ханом Золотой Орды, Токтамыш потерпел поражение и бежал. Тимур двинулся в погоню за своим противником, прибыв к месту переправы через Волгу (Итиль), называемому Туратурской переправой, "он дал находившемуся при нем сыну Урус-хана, Куйричак-ог-

лану, отряд узбекских храбрецов, находившихся в числе слуг высочайшего двора, подготовил принадлежности падишахского достоинства, удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса, велел ему переправиться через Итиль и передал ему ханство над Улусом Джучи. Царевич из рода Джучи, согласно приказанию, перешел на ту сторону реки и занялся собиранием рассеянной армии и устройством улуса" [СМИЗО, т. 2, с. 178]. О том, когда и как Куйручук-оглан оказался в орде Тимура и об обстоятельствах его правления Улусом Джучи, в тимуридских источниках нет сведений. Согласно Махмуду ибн Вали, ханствование Куйручук-оглана было непродолжительным: вскоре после ухода Тимура с территории золотоордынского государства его ставленник был убит [Бахр ал-асрар, т. 6; ч. 3, л. 122а, т. 6, ч. 4, л. 246].

Теперь коротко о жизненных обстоятельствах отца Джанибека Барак (Борак, Бурак)-хана. Мусульманские историографы характеризуют Барак-хана как мужа отчаянной смелости и весьма энергичного правителя. И впрямь, он обладал в высокой степени качествами человека действия: смелостью, решимостью, настойчивостью. В самом начале 20-х годов XV в., одержав победу над своими политическими противниками в Присырдарьинских владениях Джучидов, Барак-хан выступил оттуда в Поволжье на войну с претендентами на золотоордынский престол. Ему удалось победоносно разгромить войско хана Худайдада, Улут-Мухаммада и овладеть Сараем, столицей Золотой Орды. Потом он вернулся на берега Сырдарьи и воевал с внуком Тимура, Улутбеком (правил в Мавераннахре в 1409-1449 гг.).

У Барак-хана было три сестры: Пайанде-Султан, Рукья-Султан, Суйдуним-Султан. Об обстоятельствах жизни первых двух ханым сведений нет. Согласно Кадырали-беку (XVII в.), Суйдуним-ханым была замужем за знаменитым эмиром Золотой Орды Едиге (Идигу) мангытом,

современником и противником Тимура и Токтамышша. По рассказу автора "Умдат ат-таварих" ал-Хаджжа Абд ал-Гаффара Кирими, Барак-хан был виновником смерти своего племянника Мансур-бия, сына Едиге и Суйдуним-ханым, и в свою очередь сам стал жертвой ответных действий детей эмира Едигея. Согласно "Муизз ал-ансаб" и "Нусрат-наме", у Барак-хана было три сына и одна дочь по имени Саадат-бегим; имена его сыновей: Мир-Сайид, Мир-Касим, Абу Саид, "которого называют также и Джанибек" (сводку сведений о Барак-хане см. в работе: Кляшторный, Султанов, 1992, с. 204-212).

Барак-хан погиб в 1428 году; следовательно, Джанибек, его сын, родился не позднее 1429 года. Упоминания о Джанибек-хане встречаются во многих восточных книгах, что свидетельствует о его известности. Однако нет никаких сведений, из которых мы могли бы получить представление о характере Джанибека и его деятельности. Мусульманские историографы видят в нем вождя узбеков-казаков, отважного воина, одного из основателей Казахского ханства. Его имя всегда или почти всегда упоминается рядом с именем Гирей-хана.

Для суждения о времени смерти Джанибек-хана и о том, был ли он, одним из основателей Казахского ханства, самостоятельным правителем, могут быть привлечены из-за отсутствия прямых указаний в источниках лишь косвенные данные. В нашем материале таких сообщений два.

Сообщение первое. В сочинении Кадырали-бека утверждается, что сына Барак-хана "называли Кичи Джанибек-хан" (см. работу Р.Г. Сыздыковой, раздел "Текст", с. 229). Сообщение это заслуживает пристального внимания. Дело в том, что в истории Улуса Джучи и Средней Азии, как уже говорилось выше, в первой главе, немало случаев, когда в одно и то же время ти-

тул хана носило несколько султанов. Поэтому у авторов, хорошо знавших положение в улусах, как правило, присутствует уточнение, что именно такой-то сейчас является старшим из ханов, то есть фактическим правителем. Для различения ханов в источниках обычно используется композит “улу^гхан”, “хан-и бузург”, “хан-и калан” (“старший хан”) и “кичи(к)хан”, “хан-и хурд” (“младший хан”).

Сообщение второе. В “Тарих-и Рашиди” встречается такое известие: “Вышеупомянутый Касим-хан был сыном Джанибек-хана. Он, по примеру отца, во всем повиновался и был покорен Бурундук-хану” (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 153б; МИКХ, с. 222).

Из этих сообщений можно сделать вывод, что Джанибек пережил Гирей-хана, отца Бурундука, и что самостоятельным правителем он не был, хотя и носил титул хана.

Повествование о Джанибек-хане завершим памяткой о его сыновьях и ближайших потомках (см. таблица 3).

Вот что по этому поводу сообщается в “Родословном древе тюрков” Абу-л-Гази (т. 1, с. 178-179). “Сын Баракхана Абу Саид по прозвищу (*лакаб*) Джанибек-хан имел девять сыновей в таком перечислении и порядке: Иренджи, Махмуд, Касим, который воевал с Мухаммадом Шейбани-ханом и был виновником его гибели, Айтик, Джаниш, Канбар, Таниш, Усек, Джаук”. Автор “Нусрат-наме” дает следующее написание имен сыновей Джанибек-хана: Иренджи, Махмуд, Касим, Атик, Джаниш, Канбар, Тыниш, Уснак, Джадик (МИКХ, с. 42). У Бабура, Мирзы Хайдара и некоторых других авторов имя четвертого сына Джанибек-хана пишется как Адик.

Теперь изложим обстоятельства каждого из перечисленных выше сыновей Джанибек-хана; это необходимо сделать не только для полноты сведений о казах-

ских ханах и султанах, но и для лучшего понимания дальнейших событий в Казахских степях.

Иренджи – первый сын Джанибек-хана. В 80-х годах XV в. он был владельцем Саурана (город на среднем течении Сырдарьи). Когда внук Абу-л-Хайр-хана, Мухаммад Шейбани, направился из Дешт-и Кипчака в Самарканд и достиг Саурана, говорится в источниках, Иренджи выступил с большим войском, начал сражение и разбил наголову Шибанидов. При этих обстоятельствах Мухаммад Шейбани с немногочисленными приближенными “направил поводья решимости” вместо Самарканда в сторону Бухары, к Абд-Али-тархану. Это сообщение (с некоторыми вариациями) содержится в нескольких источниках: в “Нусрат-наме” анонимного автора, “Шейбани-наме”, “Хабиб-ас-сийар” Хондамира, “Бахр-ал-асрар” Махмуда ибн Вали. Были ли у Иренджи-султана дети или нет, не известно.

Махмуд – второй сын Джанибек-хана – был одной из ключевых фигур в военно-политической жизни Казахстана последней трети XV в. Впервые его имя упоминается в источниках (“Нусрат-наме” анонимного автора, “Фатх-наме” Шади, “Шейбани-наме” Бинаи, “Хабиб-ас-сийар” Хондамира, “Бахр-ал-асрар” Махмуда ибн Вали) в связи с войнами Мухаммада Шейбани с казахскими султанами, где Махмуд-султан выступает как правитель города-крепости Сузака (город на среднем течении Сырдарьи). В источниках Махмуд-султан изображен как отважный воин, славный полководец, деятельный градоначальник. Замечательно, что он, султан, предводительствуя многочисленной ратью, в то же время выступал и в роли батыра, перед решительной битвой вызывающего врага на единоборство. Сам облик Махмуд-султана казака выдавал в нем истинного воина эпохи средневековья: нос, щеки и

губы рассечены саблей в бою, на теле множество ран от стрел, копий и секир (МИКХ, с. 21, 74-77, 105-107, 367). О том, где, когда и при каких обстоятельствах наступила его смерть, ничего не известно. Были ли у Махмуд-султана казака дети или нет, также не известно.

Касим – третий сын Джанибек-хана, так как он был ханом, то о нем будет отдельное повествование.

Адик (Атик, Айтик, Айбек) – четвертый сын Джанибек-хана. По словам Бинаи (ум. в 1512 г.), Адик-султан был одним из великих султанов Дешт-и Кипчака. В последней четверти XV в. он активно участвовал, наряду со своими братьями, в делах и походах старшего хана казахов Бурундука против Шибанидов. Адик-султан был женат на дочери могольского хана Юнуса (ум. в 1487 г.), Султан-Нигар-ханым, и на рубеже XV-XVI вв. жил в Ташкенте, который в то время принадлежал моголам и являлся местом пребывания старшего хана (*улу хан*) моголов Султан-Махмуда (ум. в 1508 г.). В 1503 г., когда Шейбани-хан захватил Ташкент, Адик-султан, по словам автора “Тарих-и Рашиди”, “ушел к казахам, Султан-Нигар-ханым тоже последовала за ним. Адик-султан в те самые дни скончался, тогда ханым, связав узамы брако-сочетания, взял себе в жены Касим-хан” (МИКХ, с. 222).

У Адика от Султан-Нигар-ханым были две дочери: старшую (имя ее неизвестно) выдали за Абдаллах-султана, сына Кучум-хана, она умерла вскоре после замужества; ту, которая была младше ее, звали Чучук-ханым, ее отдали за Рашид-султана, будущего хана моголов (сводку сведений о Чучук-ханым см. в работе: Акимушкин, 1976, с. 260, 261, прим. 39, 41).

У Адик-султана были и сыновья, но их число не указывается в источниках. В сочинении Кадыралибека (с. 164) говорится, что “род Адик-султана” (*Адик*

султан неслини) звали “Биш-Огул”; из этого сообщения можно заключить, что у него было “пять сыновей”. Нам известны имена следующих сыновей Адик-султана (порядок перечисления имен произвольный, а не по старшинству): Тахир. Так как он был ханом, то о нем будет отдельное повествование.

Абу-л-Касим. Он, по словам его современника Мирзы Хайдара Дуглата, погиб в 20-х годах XVI в., став жертвой слепой ненависти толпы.

Буйдаш. Он тоже был ханом; о нем будет отдельное повествование.

Бауш. Это имя требует комментария. В изданном И. Березиным в 1854 г. списке сочинения Кадыралибека (с. 164) есть такая фраза: “Амма Бауш. Буйдашнинг оглы Адик султан турур. Анинг оглы Буйдаш хан турур”. В таком виде эта фраза грубо искажена. В.В. Вельяминов-Зернов (ч.2, с. 274) предложил понимать данный текст так: у Буйдаш-хана был сын по имени Бауш. Это предложение было принято на веру многими исследователями, в том числе и автором настоящих строк (Султанов, 1982, с. 117; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 283). Однако в “новом”, обнаруженном уже в нашем столетии, списке сочинения Кадыралибека содержится сообщение о том, что Бауш и Буйдаш были единоутробными братьями: “Бауш, Буйдаш; бу екисининг анасы бир ерди. Кожаш хан, бу анадын йалгуз ерди” (см. Сыздыкова, раздел “Текст”, с. 229).

Кстати, о Бауш-султани, как оказалось, есть весьма любопытное сообщение и в “Тарих-и Рашиди”. Бади ал-Джамал-ханым, родная сестра хана моголов Рашид-султана, сына Саид-хана (ум. в 1533 г.), пишет Мирза Хайдар Дуглат, была замужем за Бауш-султаном, сыном Адик-султана, “узбека-казака”. Когда Рашид-хан в союзе с “узбеками-шибанами” нанес поражение уз-

бек-казахам, то Бауш-султан, полагая, что его положение как зятя обеспечивает ему личную безопасность, прибыл к моголам для встречи с Рашид-ханом. Тот потребовал, чтобы Бауш-султан немедленно дал развод сестре, Бади ал-ханым, пригрозил ему смертью в случае отказа. Брак был насильственно расторгнут, и Бади ал-Джамал-ханым тогда же выдали за Мухаммади барласа, чьи предки никогда не удостоивались подобной высокой чести. Такой поступок, продолжает Мирза Хайдар, был грубейшим нарушением правил приличия: простолюдину была оказана честь, достойная царевича. Но Рашид-хан пренебрег правилами приличия и этим пренебрежением навлек позор на свой род. Самое постыдное и возмутительное здесь то, что он, отняв свою сестру от достойного и почтенного человека, выдал ее за недостойного простофилю. Поступок неслыханный, возмущается автор "Тарих-и Рашиди" (рукопись, В 648, л. 234б; С 395, л. 323б; D 71, л. 432).

Во всех трех указанных выше списках "Тарих-и Рашиди" из рукописного фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, а также в переводе Д.Росса (с. 453) написание имени этого сына Адик-султана дается как Бауш-султан. В списке под шифром С 394 (л. 176б) из этого же собрания вместо Бауш-султан стоит Бадш-султан. В арабской графике написание этих имен может быть легко спутано. В.В.Вельяминов-Зернов (1864, ч. 2, с. 222) из Санкт-Петербургского университета, который пользовался списком "Тарих-и Рашиди", прочитал это имя как Бабауш-султан. Таким образом, Бауш, Бадш и Бабауш-султан – это одно и то же лицо, а именно: сын Адик-султана; но его не следует путать с Буйдаш-ханом, как это сделано в ряде опубликованных работ.

Не есть ли *Кожаш* (*Ходжаш*?), который в "новом" списке сочинения Кадырали-бека упоминается рядом с именами единоутробных братьев Бауша и Буйдаша, их брат по отцу (сводный брат), т.е. искомый нами пятый сын Адик-султана?

Джаниш – пятый сын Джанибек-хана. По свидетельству Мирзы Хайдара, в 1513 г. Джаниш-султану было лет под шестьдесят, и он вместе с другими казахскими султанами встречал в долине Чу могольского хана Саида (МИКХ, с. 225). Более подробные сведения о нем содержатся в "Михман-наме-йи Бухара". В январе 1509 г. Шейбани-хан выступил из Бухары в степь на войну с казахами, пишет Ибн Рузбихан, участник этой зимней кампании. В феврале войско прибыло в Узгенд и переправилось через Сырдарью. Картеж Шейбани-хана "через десять дней движения постепенно прибыл в местность Кара-Абдал, а она близка к середине зимних стойбищ казахов. Она является йуртом сообщества племен, подчиненным одному из казахских султанов. Их верховный повелитель в настоящее время называется Джаниш-султан. У него есть брат по имени Таниш-султан, и он располагается близко к йурту этого султана. В улусе каждого из них более пятидесяти тысяч именитых казахов, из которых каждый является славным воином и достойным батыром". Шейбани-хан отрядил войско, которое отправилось в набег на "улус Джаниш-султана". Когда разнесся слух о приближении неприятельского войска, "люди улуса Джаниш-султана собрались в одном месте. Число не превышало тридцать тысяч человек, из которых у каждого было много слуг и подчиненных, так что общее их число достигало до ста тысяч". Передовые отряды враждующих войск встретились, и сражение началось. Джаниш-султан "со знатными казахами" стоял в большом полку, а другой

отряд казахов выдвинулся и встал на место обороны и сопротивления. Выбрав удобное время, Джаниш-султан вышел из засады, напал на войско Убайдулла-султана и стал теснить неприятеля. Но на помощь Убайдулле подоспели другие Шибаниды со своими отрядами, и разгорелся сильный бой. В конце концов, Джаниш-султан потерпел поражение и с разбитыми отрядами отправился в области зимования Бурундук-хана.

У Джаниш-султана был сын по имени Ахмад-султан – “один из знатных казахских султанов”, – пишет Ибн Рузбихан. В 1508 г. он пошел походом на Мавераннахр (Среднеазиатское междуречье) и разграбил прилегающие к Самарканду и Бухаре округи. А теперь здесь, на Кара-Абдале, Ахмад-султан находился в рядах защитников улуса казахов. После поражения своего отца Джаниш-султана, Ахмад-султан пытался бежать, но был схвачен. Его привели к Хамза-султану, который был главным военачальником войска, которое Шейбани-хан отрядил для нападения на улус Джаниш-султана. Хамза-султан, мстя за кровь своего брата, который ранее был убит Джаниш-султаном, велел отрубить голову Ахмад-султану казаку и доставить ее вместе с вестью о победе к подножью престола Шейбани-хана, что и было сделано.

Этот же рассказ в очень короткой форме содержится и в “Мусаххир ал-билад” (л. 87б).

О других детях Джаниш-султана не известно.

Канбар – шестой сын Джанибек-хана. По словам Кадырали-бека (изд., с. 163; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 125; Сыздыкова, с. 229), Канбар-султан был единоутробным братом Касима и всю жизнь свою провел при нем, постоянно находясь в авангарде войска. “Его роду царствовать не пришлось”. Дети его неизвестны.

Таниш (Тыныш, Биниш) – седьмой сын Джанибек-хана. Судя по сочинению Ибн Рузбихана (издание, перевод: указатели: Султанов, 1982, с. 80-81), Таниш был крупноулусным (старшим) султаном. В начале марта 1509 г. его улус подвергся нападению воинов Шейбани-хана, и Таниш-султан с частью своих воинов и людей некоторое время бился “за свое семейство, добро и достояние”, но отступил перед превосходящей силой противника. Все – “достояние и добро, перевозочные животные, скот, караваны верблюдов, шатры, большие палатки, одежда, кибитки, повозки, вьючные верблюды” – подверглось разграблению.

Последний раз имя Таниш-султана встречается в источниках под 1513 г. По словам Мирзы Хайдара, Таниш-султану (в разных списках “Тарих-и Рашиди” написание его имени дается по-разному) тогда было лет шестьдесят; он вместе с другими казахскими султанами был послан Касим-ханом встречать могольского хана Саида (МИКХ, с. 225; Тарих-и Рашиди, перев., с. 276).

Усек (Усен, Уснак) – восьмой сын Джанибек-хана. Об обстоятельствах его жизни сведений нет. По сообщению Кадырали-бека (с. 163), у Усека был сын Булат-султан; “роду их тоже не довелось ханствовать”; Булат-султан вместе со своими сыновьями погиб на войне с ногаями. По данным позднейших источников, другого сына Усек-султана звали Булакай-Куйан (см. Левшин, 1832, ч. 2., Таблица 1). В использованных мною источниках о нем сведений нет.

Джадик – девятый сын Джанибек-хана. Как установил еще в 1864 г. В.В. Вельяминов-Зернов в своей капитальной и, по словам А.Ю. Якубовского, до сих пор недостаточно оцененной и использованной работе “Исследование о Касимовских царях и царевичах”, имя

Джаук следует читать как *Джадик*; Джадик же и *Йадик* в других источниках - одно и то же лицо (Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 124, 268-269).

Джадик был единоутробным братом Усек-султана. Все, что мы знаем о нем и его потомках основано исключительно на сообщениях Кадырали-бека (XVII в.). Вот что он пишет: "Во время Касим-хана жил и Джадик-хан; он был убит вместе с одним из своих сыновей на Иланлы-Тюбе, сражаясь с Шигим-мирзою. Могила его находится в Ургенче на Бакырган-Ата; там он и был погребен. Йадик-хан, - продолжает далее Кадыралибек, - имел очень много жен и наложниц. Сыновей у него было также много. Из них известнейшие - следующие: Тугум-хан, Букей-султан, Шигай-хан, Малик-султан. Матерью обоих последних была Абайкан-бегим. Сыновья Тугум-хана звались Токуз-Сари. Тугум-хан вместе с Башибек-султаном, сыном Малика, и со всеми Токуз-Сари - своими сыновьями - погиб в пределах Джагата. Их было тридцать семь известных султанов" [Кадыралибек, изд., с. 163; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 274].

По словам академика В.В. Бартольда (т. 2, ч. 1, с. 94, 516; т. 5, с. 215), 37 казахских султанов вместе с Тугум-ханом (В.В. Бартольд ошибочно называет Тугума братом Тахира, который в действительности был сыном Адик-султана, а не Джадик (Йадик)-султана; см. выше) пали в сражении с могольским Рашид-ханом в 944/1537-1538 гг. Вывод В.В. Бартольда подтверждается исследованиями крупнейшего знатока средневековых мусульманских источников петербургского ираниста О. Ф. Акимушкина [Акимушкин, 1970, с. 236-237; Акимушкин, 1976, с. 266-269].

У Джадик-султана кроме названных Кадыралибеком четырех сыновей - Тугум, Букей, Шигай, Малик - был по меньшей мере еще один сын по имени

Йанги-Бахадур-султан. Рассказ о нем содержится в "Шараф-наме-йи шахи". Весной 1582 г., пишет Хафиз-и Таниш, когда Шибанид Абдулла-хан стоял лагерем у Саурана, на берегу р. Чатырма, сын государя Абд ал-Мумин решил поохотиться, увлекся и заблудился. Абдулла был очень озабочен, как вдруг на следующий день, когда войско уже стояло в Джигдалике, Йанги-Бахадур-султан, "младший брат Шигай-хана", явился в лагерь вместе с царевичем. Обрадованный государь похвалил Йанги-Бахадур-султана и "одарил его большой суммой денег" (МИКХ, с. 270).

Таковы сведения доступных ныне источников о родословной Гирея и Джанибека, основателей первого Казахского государства. Место погребения Гирей-хана и Джанибек-хана неизвестно. Но осталась память; осталось потомство; осталось основанное ими ханство, которому суждена была долгая жизнь. Так что повествование о "поднятых на белой кошме" - ханах Казахских степей - продолжается.

3. Властители периода упрочения Казахского государства

Бурундук-хан. Касим-хан

Рубеж XV-XVI веков - это начало нового этапа истории Средней Азии и Казахстана. Практически, именно с конца XV и начала XVI вв. вместе со сложением и упрочением Казахского ханства в Восточном Дешт-и Кипчаке (70-е годы XV в.), государства Шибанидов в Мавераннахре (начало XVI в.) и Могольского государства с центром в Яркенде (с 1514 г.), на исторической арене Средней Азии появились новые народности: узбеки, казахи,

кыргызы, каракалпаки. Именно с этого времени мы можем и должны говорить не о племенах и племенных союзах (или не только о племенах и племенных союзах), но о новом этнополитическом качестве. Оно явилось следствием многовековых, глубинных и разноаспектных процессов, которые приобрели определяющее значение с конца XV столетия; это новое качество стало отличительной чертой тюркоязычных народов Средней Азии с начала XVI века.

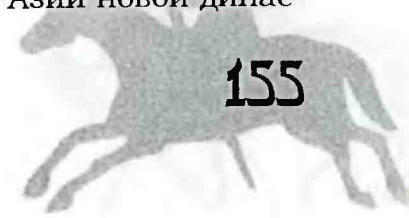
С образованием в 1470-71 гг. Казахского ханства Узбекский улус окончательно распался. С тех пор, по словам Мирзы Хайдара Дуглата, "казахи всецело владычествовали в большей части Узбекистана" (Тарихи Рашиди, В 648, л.436). Степи западной части Узбекского улуса (от р. Яика) служили для кочевков объединения племен, известных в восточных источниках как мангыты, по имени одного из отюреченных монгольских племен; в русских источниках мангыты называются *ногаями (ногайцами)*, по имени известного в истории Улуса Джучи военачальника Ногая (Нокая), который в конце XIII в. ставил и свергал ханов Золотой Орды по своему усмотрению. С XV в. мангыты (ногайцы) составляли не только этнографическую, но и политическую единицу и имели своих властителей (бий, мурза) (Бартольд, т. 5, с. 556; Понаженко, 1987, с. 33-41; Ногайцы 1988, с. 18-23; Кочкаев, 1988, с. 19-34). В последней трети XV в. предводителями йурта мангытов (Ногайская Орда – в русских источниках) были два брата – Муса и Йагмурчи (Ямгурчи), сыновья Ваккаса, сына Нур ад-Дина, сына Едигея (Идигу).

В 1470-71 гг. Шибаниды потеряли верховную власть в Узбекском улусе, рассеялись в разные стороны, но не отказались от политической борьбы. Во главе такой группы Шибанидов стал молодой энергичный и воинственный

царевич Мухаммад Шейбани (род. в 1451 г.), внук Абу-л-Хайр-хана. После гибели Шайх-Хайдара (ок. 1470 г.), сына и преемника Абу-л-Хайр-хана, Мухаммада Шейбани и его младшего брата Махмуда (род. в 1454 г.) приближенным удалось увести в Астрахань. Позже юные султаны вернулись в Присырдарьинские степи и, образовав там небольшой отряд, начали борьбу за восстановление власти семьи Абу-л-Хайра в Восточном Дешт-и Кипчаке. Во время этой борьбы Шибаниды не раз пользовались покровительством и прямой поддержкой мангытских мурз и Тимуридов. Однако Мухаммаду Шейбани не удалось повторить опыт деда – сделаться главой Узбекского улуса: слишком сильны были казахские владельцы (они водили 30-50-ти тысячное войско), а около Мухаммада Шейбани была лишь небольшая кучка людей (от нескольких десятков до 300-400 человек). (МИКХ, с. 19-32, 58-90, 100-126; Семенов, 1954б, с. 39-45; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 243-249).

Видя крушение своих надежд – восстановить в степи верховную власть дома Абу-л-Хайр-хана – два брата, Мухаммад Шейбани и Махмуд-султан, обращаются с воззванием ко всем своим приверженцам собраться вместе и выступить на войну с Тимуридами. На призыв откликнулись несколько из близких родственников и ряд предводителей кочевых племен Восточного Дешт-и Кипчака. В 1500 году – на стыке двух столетий – Мухаммад Шейбани во главе небольшого отряда двинулся на юг, захватил Самарканд, Бухару и еще несколько крепостей. Правда, Самарканд он скоро потерял, но в следующем году он вновь овладел городом и объявил его своей столицей, а в Бухаре посадил наместником своего младшего брата и испытанного соратника Махмуд-султана (ум. в 910/1504-05 гг.).

Так начало нового, шестнадцатого, столетия совпало с началом воцарения в Средней Азии новой династии

тии, династии Шибанидов – потомков Шибана (Сыбана), сына Джучи, сына Чингиз-хана.

Завоевав северную часть владений Тимуридов, Мухаммад Шейбани-хан в мае 1507 г. со своими военными силами переправился через Амударью, вступил в пределы Хорасана и захватил Герат, Астрабад, Гурган и другие города. Победное шествие Шейбани-хана по обширным владениям Тимуридов было остановлено войсками иранского шаха Исмаила I (правил в 1501-1524 гг.), нового противника Шибанидов на юге. Решительная битва между Шейбани-ханом и Исмаил-шахом произошла близ Мерва в ноябре 1510 г. Узбекское войско потерпело полное поражение, сам Шейбани-хан, заманенный военной хитростью в ловушку, погиб. Его голова была отделена от туловища и принесена к шаху-победителю Исмаилу; кожа с головы Шейбани-хана была содрана, набита соломой и послана военному сопернику шаха, турецкому султану Байазиду II (правил в 1481-1512 гг.), а череп был оправлен в золото и служил шаху вместо кубка при питье вина на пирах. Изуродованный и лишенный головы труп Шейбани-хана все-таки был отбит узбеками, перевезен в Самарканд и похоронен во дворе заложенного им медресе (Веселовский, 1897, с. 3-11; Семенов, 1954б, с. 39-83; МИКХ, т. 2, с. 39-51, 53-56; Мукминова, 1966, с. 15-20]. Так трагически завершился жизненный путь одного из самых знаменитых потомков Шибана, сына Джучи-хана. В результате поражения Шибаниды потеряли Хорасан, но сохранили власть в Мавераннахре.

У Мухаммада Шейбани-хана было три сына: Тимур-султан, Хуррамшах-султан и Абу-л-Хайр-султан; так по “Михман-наме-йи Бухара”, которая завершена Ибн Рузбиханом в 1509 г. Согласно “Шараф-наме-йи шахи” Хафиз-и Таниша (конец XVI в.), “Бахр ал-асрар”

Махмуда ибн Вали (XVII в.), “Тарих-и Муким-хани” Мухаммада Юсуфа Мунши (начало XVIII в.), сыновей Шейбани-хана звали: Тимур-султан, Хуррамшах-султан, Суюнч-Мухаммад-султан. Прямые потомки самого Шейбани-хана никогда и нигде не правили. Верховным правителем Мавераннахра, после гибели Мухаммада Шейбани и кратковременного ханствования Суюнчи-Ходжа-султана, был провозглашен престарелый Кучум (Кучкунджи)-султан, сын Абу-л-Хайр-хана, не отличавшийся никакими талантами и бывшим “ханом только по имени” [Зубдат ал-асар, л. 936-956; Бартольд, т. 8, с. 137-141]. В эти смутные годы потомки Абу-л-Хайр-хана потеряли еще часть своих владений на севере, и там образовалось новое ханство. Случилось это так.

В 1505 г. Шейбани-хан завоевал Хорезм (Хиву) – область в нижнем течении Амударьи, которая тогда входила в состав империи Тимуридов. В 1510 г., когда Шейбани-хан пал в битве под Мервом, Хорезм перешел во власть персидского шаха Исмаила I, но не надолго. В 1511 г. братья Илбарс и Билбарс (о них см. выше, раздел 2), сыновья Буреке-султана, тоже Шибанида, но политического соперника дома Абу-л-Хайр-хана, выступили со своими приверженцами из Восточного Дешти и Кипчака, изгнали наместника иранского шаха и утвердились в Хорезме, основав там независимое узбекское государство, известное в науке как Хивинское ханство (Абу-л-Гази, т. 1, с. 194-206; Веселовский, 1877, с. 96-102). Господство этой династии (особой ветви потомков Шибана, сына Джучи-хана) в Хорезме длилось до 1106/1694-95 гг. Кстати, знаменитый историк – хан Абу-л-Гази, на сочинение которого столь часто сделаны ссылки в настоящей работе, из этой династии: он правил в Хорезме в 1645-1663 гг. и сам написал историю своих предков и страны.

Завоевание государства Тимуридов кочевыми племенами Дешт-и Кипчака, известными под общим собирательным названием *узбеки*, и основание в Средней Азии двух независимых узбекских ханств – Бухарского (с главным городом Самаркандом, а затем Бухарой) и Хивинского (с центром вначале в Ургенче, а затем в Хиве) – явились выдающимися событиями в этнополитической истории современного узбекского и казахского народов. Отмечу здесь два момента. Во-первых, последствием ухода Шибанидов из степи было передвижение части кочевых племен Дешт-и Кипчака в покоренные области Средней Азии, где они обрели вторую родину. Анализ данных источников по этому вопросу показывает, что общее число ушедших из степи в Среднюю Азию кочевников Дешт-и Кипчака достигало 240-360 тысяч человек (Султанов, 1982, с.19-21). Во-вторых, окончательный уход Шибанидов с достаточно большой массой людей с территории современных Казахских степей в конечном счете привел к различиям в быту, нравах и обычаях, в культуре и т.д. между узбеками Средней Азии и узбеками-казаками (казахами) Дешт-и Кипчака.

Вот это-то событие – территориально-этническое, социально-экономическое и культурно-бытовое разграничение населения Восточного Дешт-и Кипчака, вызванное передвижением значительной части кочевых племен в Среднюю Азию во главе с Шибанидами, и сыграло решающую роль в окончательном сложении новой этнической общности – казахской народности. Просторы Восточного Дешт-и Кипчака перестали быть местом исторического перепутья терминов узбек и казак. Слово узбек стало обозначением группы племен, передвинувшихся вместе с Шибанидами на территорию Средней Азии. За оставшимися кочевать в степях Восточного Дешт-и Кипчака и Семиречья тюр-

коязычными родами и племенами, объединенными под властью потомков Джучида Урус-хана, окончательно закрепилось название казаки, за страной название *Казахстан*.

И в восточных областях Средней Азии в это же самое время происходили важные события. Верховные предводители моголов второй половины XV в. жили не в Моголистане – в своих наследственных владениях, а в Мавераннахре и вилайете Туркестан, где им принадлежали Ташкент, Сайрам, Ура-Тюбе, Шахрухие и ряд других крепостей. При занятии Шейбани-ханом в 1500-1501 гг. крупнейших центров Мавераннахра значительную военную помощь оказал ему верховный правитель (*улуз хан*) моголов Султан-Махмуд (правил в 1487-1508 гг.). Мирза Хайдар характеризует эту помощь хана как “опробочивый поступок”, то есть как необдуманый шаг, не предусматривающий возможной опасности для самих моголов в будущем. Действительно, обосновавшись в “Среднеазиатском междуречье”, Мухаммад Шейбани вскоре направил оружие против вчерашнего покровителя и союзника – Махмуд-хана. Верховный предводитель моголов, отличавшийся нерешительным характером и начисто лишенный военных способностей, не смог справиться с натиском Шейбани-хана и призвал на помощь своего младшего брата (*кичик хана*) Султан-Ахмада, слывшего храбрым воином и грозой калмаков. Враждующие стороны сошлись в решающем сражении в 908/1503 г. при Ахси. Шейбани-хан не только одержал победу, но и взял в плен обоих братьев. Ханы были скоро отпущены на волю с условием, что оба они покинут Ташкент. Ханы отправились в Восточный Туркестан, провели зиму 1503-04 гг. вместе в Аксу, где Ахмад-хан умер на исходе зимы. Махмуд-хан поселился в Джетикенте. Начался новый этап давней борьбы за власть в

Кашгарии между Чагатаидами и дуглатскими эмирами. Чагатаиды одержали верх, и в 920/1514 г. Султан-Саид-ханом было создано новое государство с центром в Яркенде, получившее в исторических хрониках местных авторов название *Моголийе*, *Мамлакат-и моголийе* – Могольского государства (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 67аб, 886-906; Бабур-наме, с. 111-139; Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 89-92; Акимушкин, 1976, с. 12; Султанов, 1989, с. 196-208).

Таким образом, конец XV – начало XVI веков в жизни народов Средней Азии и Казахстана – это период, насыщенный важнейшими событиями в сфере как государственно-политической, так и этнической истории. Править государством казахов в это переломное время выпало на долю Бурундук-хана и Касим-хана.

Бурундук. Он был старшим сыном Гирея, первого хана первого Казахского государства. Об обстоятельствах и точном времени перехода ханской власти в руки Бурундука ничего не известно. Ибн Рузбихан, говоря о событиях конца 60-х годов XV в., замечает, что после смерти Абу-л-Хайр-хана “во владениях узбекских ханов возникла смута и очередь ханствовать в улусе Шибана” досталась Шайх-Хайдар-хану. “И в улусе казахов султаны претендовали на ханскую власть. После того как этот сан некоторое время принадлежал нескольким лицам, очередь ханствовать досталась Бурундук-хану” (Михман-наме, пер., с. 96). Под “несколькими лицами”, ханствовавшими в улусе казахов до Бурундука, здесь можно подразумевать только Гирея и Джанибека. Значит ли это, что между двумя основателями Казахского ханства была борьба за верховную власть и что после Гирея некоторое время правил Джанибек, сказать трудно. Согласно “Тарих-и Рашиди”, Бурундук-хан был непосредственным преемником отца (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 153б). В источниках шейбанидского круга Бу-

рундук именуется старшим ханом (*хан-и бузург*) казахов уже при описании событий середины 70-х годов XV в., то есть времени, близкого ко времени смерти его отца.

На долю Бурундук-хана выпало править в беспокойное, бурное, полное борьбы и перемен время. Он мужественно встретил условия времени и не изменил заветам своего отца, Гирея, и верного его соратника Джанибек-хана: сохранить и упрочить основанное ими государство. Для него характерны деятельность и храбрость: ни одно сколько-нибудь важное в жизни ханства событие последней четверти XV в. не обходилось без участия Бурундук-хана, он лично водил войска и был неоднократно ранен в сражениях. Историографы Шейбани-хана (Шади, Бинаи, Ибн Рузбихан, анонимный автор “Нусрат-наме”) и Хондамир описывают Бурундук-хана как известнейшего из предводителей Дешта и могущественного государя. “В любое время, – пишет, например, Ибн Рузбихан, – когда Бурундук-хан во все стороны улуса казахов посылал приказ: “Садитесь на коней для набега”, то в тот же час являлись четыреста тысяч колчанов, то есть богатырей, каждый из которых равнялся десятерым молодецким воинам” (Михман-наме, пер., с. 92-93; изд., с. 141). Здесь число 400 тысяч – стереотип: нумератив 300-400 тысяч обычно применялся мусульманскими авторами средневековья тогда, когда они хотели подчеркнуть, что тот или иной государь предводительствовал “огромным” войском, то есть был могущественным правителем своего времени (см. Джувайни, изд., Т.1, с. 225; ал-Ахари, с. 128; Бабур-наме, с. 22).

Бурундук пребывал в ханском достоинстве продолжительное время – более 30 лет; но он не сумел удержать верховную власть в своих руках до конца жизни. Исторические источники сохранили трагический рас-

сказ о судьбе Бурундук-хана в последние годы жизни. Так, по словам Мирзы Хайдара, к 915/1509-10 гг. сын Джанибек-хана Касим приобрел столь могущественное влияние, что в то время хотя Бурундук и являлся ханом, однако фактическое правление ханства и полнота власти находились в руках Касим-султана. Соперничество двух влиятельнейших людей ханства закончилось в конце концов победой всесильного и энергичного султана и изгнанием потерявшего свой авторитет хана. Не ранее осени 1511 г. Бурундук-хан с группой приближенных "удалился в Самарканд, – рассказывает в "Тарих-и Рашиди", – и умер на чужбине" (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 154а; МИКХ, с. 217, 222-223).

Понятны боль и скорбь гордого и одинокого хана, сделавшего немало для своей страны; но ему была определена именно такая вот судьба.

У Бурундук-хана было четыре сына и несколько дочерей. В "Нусрат-наме" приводятся имена трех его сыновей в таком порядке.

Шайхим. Об обстоятельствах его жизни ничего не известно; у него был сын по имени Йар-Мухаммад.

Санджар-Джахан. В известных нам источниках о нем сведений нет.

Джахан-Бахти. Были ли у него дети или нет, также не известно.

Кимсин. Сообщение о нем, насколько известно, содержится только в сочинении Кадырали-бека (с. 165). По его словам, у Кимсин-султана, сына Бурундук-хана, была дочь Чуйум-ханым, которая была замужем за Ондан-султаном, сыном Шигай-хана, сына Джадика (Йадика), сына Джанибек-хана. В другом месте своего сочинения Кадырали-бек (с. 164) пишет так: "Был Бурундук-хан: его род (несли) утратил ханский сан". Однако он не приводит имена потомков Бурундук-хана.

Одна из дочерей Бурундук-хана, по имени Дадым-ханым, была замужем за будущим казахским ханом Шигай-султаном, внуком Джанибек-хана (Кадырали-бек, с. 164). Две другие дочери Бурундук-хана около 1494 г. были отданы замуж за Шибанидов: одна – за Махмуд-султана, брата Шейбани-хана, другая – за Тимур-султана, сына Шейбани-хана (МИКХ, с. 18-19, 121, 356). Последняя, по имени Михр-Султан-ханым, жила в Самарканде, пользовалась большим авторитетом и являлась крупной собственницей; в частности, она имела крупные вакфы в самом Самарканде и его предместьях, в провинциях Кеш, Несеф и др. (Фитрат, с. 70-72; Мукминова, 1966, с. 5-35). Вот к ней-то, в Самарканд, и подался Бурундук-хан, выжитый из степи. О дальнейшей его судьбе нам ничего не известно, кроме того, что он умер на чужбине.

Касим. Он был третьим сыном Джанибек-хана, одного из основателей Казахского ханства. Родительница его по имени Джаган-бегим (бикем) приходилась родной сестрой матери Махмуд-султана, младшего брата по отцу Шейбани-хана (Кадырали-бек, с. 163; МИКХ, с. 17, 117; Шейбаниада, с. 80). Мирза Хайдар Дуглат, автор "Тарих-и Рашиди", описывая события осени 1513 г., мельком замечает, что "возраст Касим-хана перевалил за шестьдесят лет и был близок к семидесяти"; из этого сообщения можно заключить, что Касим-хан родился около 1445-46 гг. Таким образом, свою юность он провел в "казачестве" (в скитальчестве, казацкой вольности) в Моголистане, в современном Семиречье.

В общественно-политической жизни Казахского ханства последней трети XV – начала XVI вв. Касиму принадлежит одно из центральных мест. Удачливый военачальник, влиятельнейший крупноулусный султан, а впоследствии хан казахов, правитель-реформатор – вот

диапазон тех исторических ролей, которые волею судьбы пришлось сыграть Касиму в переломный период истории страны, когда шел процесс упрочения молодого Казахского государства, когда в родных степях на протяжении нескольких десятилетий лютвала междоусобная война, когда в соседних странах сдвигались границы, пресекались одни династии и возводились на “четыреподушечный трон” другие. Вот краткое изложение истории его возвышения.

Как истинный сын степей, свято чтущий освященную временем традицию подчинения старшему, Касим-султан, по примеру отца, был сначала во всем послушен и покорен Бурундук-хану, пишет Мирза Хайдар (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 1536). Действительно, впервые имя Касим-султана упоминается в источниках в связи с описанием войн Мухаммада Шейбани с казахскими владетелями еще на рубеже 70-80 годов XV в., где о нем говорится как об одном “из известных султанов и славных бахадуров Дешт-и Кипчака и предводителе конницы” войска Бурундук-хана (МИКХ, с. 104). Давно замечено: когда людская молва наделяет человека властью, власть сама зачастую приходит вслед. К началу XVI в. авторитет и личная власть Касим-султана сильно увеличились. Мирза Хайдар, связывающий время усиления Касим-султана со смертью его брата Адик (Атик)-султана, последовавшей вскоре после захвата Шейбани-ханом Ташкента в 1503 г., ничего не говорит о причинах, укрепивших положение третьего сына Джанибек-хана. Эти данные мы находим в “Бахр ал-асрар” Махмуда ибн Вали, который, описывая поход Шейбани-хана на Андижан в начале весны 1504 г., сообщает: “В это время Касим-хан с помощью и при поддержке мангытов завоевал господство над Кипчакской степью и имел возможность совершать набеги и нападения на границы Таш-

кента и Туркестана” [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 1786]. В 915/1509-1510 гг., когда Шибаниды совершили набег на улус Касима, он, по словам мирзы Хайдара, “еще и не принимал титул хана, хотя власть его уже была настолько велика, что никто и не думал о Бурундук-хане” (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 154а). Ханский титул он принял после удаления Бурундук-хана в Самарканд, то есть не ранее осени 1511 г. С того времени, говорится в “Тарих-и Рашиди”, “Касим-хан сделался полным властелином во всем Дешт-и Кипчаке и приобрел такую известность и могущество, какого еще никто не имел после Джучи-хана” (МИКХ, с. 222).

Здесь к месту отметить, что так высоко отзываются о Касиме не только Мирза Хайдар Дуглат, но и многие другие современники казахского хана, как, например, Бинаи, Ибн Рузбихан, Бабур, Хондамир и др. Вот лишь некоторые образцы подобных восхвалений по адресу Касим-хана: “единственный в своем роде богатырь и знаменитый воитель того времени среди казахов”; Касим – “око и светоч рода (*дудман*) казахов” [Михман-наме, пер., с. 131, 133; изд. с. 227, 232]; Касим – “один из наиболее выдающихся правителей Дешт-и Кипчака и могущественный властелин того времени”; он “славился своим могуществом и превосходил всех властителей Дешта своей храбростью и многочисленностью подчиненного ему народа” (Хабиб ас-сийар, л. 1956-196а, 3186, 5986).

Касим, известный в Дешт-и Кипчаке богатырь, в битве превосходивший многих удалых джигитов, признанный вождь, за которым его войско пойдет в огонь и в воду – впрямь был большим знатоком войны. В скольких побоищах принимал он участие – и не перечить. Касиму было за шестьдесят лет, когда во время очередного сражения, по рассказу автора “Зубдат ал-асар” (л. 97аб), его свалили с боевого коня и он ока-

зался на земле, но в разгаре боя противники не узнали хана, и это обстоятельство спасло ему жизнь. Проворные нукеры сработали быстро, и хан – вновь на коне. Лихой и удачливый был воин – предводитель казахов.

Касим – это человек, действующий в духе возвышенной рыцарской чести, свято чтущий узы родства. Показателен в этом отношении следующий рассказ осведомленных среднеазиатских историографов начала XVI в. – Шади, Бинаи, анонимного автора “Нусрат-наме” (МИКХ, с. 17, 30-31, 82-83, 116-117). Вот казахские владетели в очередной раз захватили Сауран, а заодно и младшего брата Шейбани-хана Махмуд-султана с семейством. Бурундук-хан “повелел его убить” ввиду давней враждебности. Но Касим, который имел с Махмуд-султаном близкое родство, – “их матери были сестрами”, – не согласился с решением хана. Он не только воздержался от убийства пленника, но даже освободил Махмуд-султана и в сопровождении своих людей отправил его вместе с семейством в Сузак, чтобы оттуда переправили его к брату. Этот поступок казахского султана вызывает восхищение у историографов Шейбани-хана, и они все воздают должное великодушию Касима.

В 80-х годах XV в., как уже говорилось, Касим был “предводителем конницы” войска Бурундук-хана. Слава отважного воина, удачливого военачальника, благородного султана собственно и сделали уже на рубеже XV - XVI веков Касима реальным вождем казахов. Но он учтив. Обладая практически неограниченными полномочиями, Касим сознательно пренебрегает возможностью узурпировать единоличную власть в ханстве. В последние годы ханствования Бурундука, по словам Мирзы Хайдара, Касим старался держаться подальше от Бурундука, потому что, “если быть вблизи и не соблюдать должного уважения, означало бы возражать хану,

а повиноваться же ему душа не лежала” (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 154а; МИКХ, с. 223). Лишь выпроводив стареющего Бурундука с подобающими почестями из степи в Самарканд, к его дочери, Касим принимает на себя заботы правления государством и ханский титул.

Стоит здесь особо отметить, что с тех пор и до ликвидации ханской власти в XIX в. верховная власть в Казахских степях оставалась в руках потомков Джанибек-хана.

Теперь Касим сам стал у руля государства, которое сам же создавал и упрочивал. Свое назначение в качестве верховного владыки казахских улусов он видел прежде всего в укреплении ханской власти, соблюдении обычаев и законности в стране, и добился в этом важном деле крупных успехов. Касим, по свидетельству Бабура, как никто другой из известных ему правителей держал свой народ в строгом повиновении [Бабура-наме, с. 22]. А, между прочим, число подданных Касим-хана составляло, согласно рассказу Мирзы Хайдара, более одного миллиона человек [Тарих-и Рашиди, В 648, л. 44а, 154а].

Восшествие на престол Касим-хана по времени совпало с созданием братьями Илбарсом и Билбарсом в низовьях Амударьи второго независимого узбекского ханства. Окончательный уход Шибанидов с поддержавшими их родами и племенами из Восточного Дешти и Кипчака и продолжавшиеся затем передвижения кочевников имели определенное последствие для страны в целом: оставшиеся вне своего рода группы, части отдельных родов, стремились примкнуть к какому-нибудь этническому коллективу. Эти вхождения приводили, в свою очередь, к потере некоторых прежних родоплеменных названий, формированию ряда новых родоплеменных групп с ранее неизвестными или парными названиями. Заодно в Казахском ханстве про-

исходило новое перераспределение уделов между султанами и т.п. Словом, Великая Степь бурлила. И, чтобы не допустить подрыва норм общественной и государственной жизни, Касим выступает реформатором: одни старые законы он упраздняет, другие обновляет и создает новые правовые нормы, приспособленные к жизненным условиям казахского общества в данной исторической ситуации. *“Касымханнын каска жолы”* (“Чистая дорога хана Касима”) – под таким названием сохранились в памяти народной узаконения Касим-хана (Гродеков, 1889, с. 24-25).

Человек со многими высокими качествами – личной отвагой, военным талантом, способностью вести за собой других – вот таким предстает перед нами образ Касим-хана по отзывам и рассказам мусульманских историков. Вот такой видится автору настоящих строк связь между политической историей и этническими процессами в Восточном Дешт-и Кипчаке на рубеже XV-XVI веков. Вот так войны и завоевания шли бок о бок с внутренними реформами, когда страной казахов правил Касим-хан.

По данным поздних иранских и османских авторов – ал-Гаффари, Хасан-бека Румлу, Мунаджжим-баши и других, Касим-хан умер в 930 году хиджры (1523-24 гг.). Согласно сообщению Мирзы Хайдара Дуглата, младшего современника Касим-хана, этот правитель умер в 924 г.х./1518 г. (Тарих-и Рашиди, В 648, л.154а; МИКХ, с. 222). Последняя дата представляется правильной. По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касим-хан скончался в г. Сарайчуке; “там и поныне находится его гробница” (Кадырали-бек, с.163). Сообщение Кадырали-бека требует, однако, комментария. Город в долине Яика (р. Урал) Сарайчук (уменьшительное имя от Сарай – по-персидски “дворец” – названия столицы Золотой Орды) был основан в

XIII в. и имел значение для Джучидов как второй центр и являлся местом погребения ханов из рода Джучи: там, по словам Абу-л-Гази (т.1, с.174-176), взошли на престол ханы Золотой Орды Джанибек, Бердибек; там похоронены золотоордынские ханы Токтагу, Джанибек (не путать с Джанибек-ханом – одним из основателей Казахского ханства в XV в., как это сделано, например, в “Истории Казахской ССР”, 1979, т. 2, с. 319). Однако около 1580 г. Сарайчук был захвачен и разрушен до основания русскими казаками, причем были извлечены даже мертвецы из могил (Бартольд, т. 4, с. 395). В книге П.С. Палласа (1773, ч.1, с. 610-612) приводится описание руин “форпоста Сарачик или Сарачиковка”, однако о ханских гробницах не говорится.

Известны имена двух сыновей Касим-хана: Мамаш и Хакк-Назар; оба были ханами; обстоятельства жизни каждого из них будут изложены в отдельности. Одна дочь Касим-хана, согласно фольклорным материалам, была замужем за знатным ногайским мурзой Шайх-Мамаем (Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 336). Другая его дочь (имя ее тоже не приводится) в 1512 г. была выдана замуж за Шибанида Убайдулла-хана, сына Махмуд-султана, брата Шейбани-хана. В источнике об этом рассказывается так. В 918/1512 г., когда потомок Тимура Бабур (годы жизни: 1483-1530) в союзе с персами двинулся с войском на правый берег Аму-Дарьи, молодой Ходжа Ислам (Ишани Калан) бежал во владения казахов, где правителем тогда был Касим-хан. Узнав о приезде одного из потомков имама Абу Бакра Ахмада ибн Саада (ум. в 360/970-71 гг.), хан выехал ему навстречу, привез к себе и не отказал в продолжительном гостеприимстве. Лишь после того, как стало известно, что Бабур потерпел поражение от Шибанидов и ушел за Аму-Дарью, Ходжа Ислам собрался возвра-

щаться в Бухару. В это время от победителя Бабура и персов Убайдулла-хана, племянника Шейбани-хана прибыли послы к Касим-хану сватать его дочь за своего вождя, утвердившегося правителем Бухары. Касим-хан дал свое согласие и поручил попечению Ходжа Ислама отправляемую в Бухару дочь. Он сказал Ходжа Исламу: "Я отправляю свое дитя в вашу страну. Вы сын наших пиров. Будьте постоянно осведомлены об обстоятельствах моей дочери" [Вяткин, 1927, с. 6-7].

Касим-хан, несомненно, один из выдающихся правителей первого Казахского государства. Своими благими деяниями, твердой волей и политической мудростью он добился того, что государство казахов стало сильным, в нем царило благополучие и другие страны с уважением на него взирали. Очень показательным в этом отношении, что именно в годы его правления Казахское ханство было включено в орбиту интересов Великого Северного соседа – Руси. На это определенно указывает опись царского архива, где читаем: "Ящик 38. А в нем книги и списки Казатские при Касыме царе, и Тюменские при Иваке царе" [цит. по: Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 335].

4. Политические лидеры смутного времени

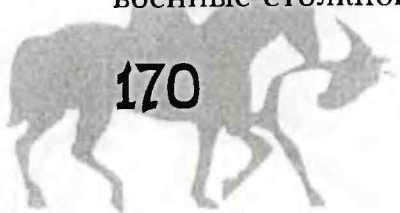
Мамаш-хан. Тахир-хан. Буйдаш-хан.

Смутным временем я называю период истории Казахстана 20-50-х годов XVI в., когда чередой властителей, непрерывно воевавших друг с другом, частые военные столкновения с соседями, в которых гибли

целые султанские фамилии, постоянные грабежи и насилия чуть не погубили первое Казахское государство. История Казахского ханства смутного времени слабо отражена в источниках, так что подробности тех исторических событий остаются не раскрытыми; однако основная канва военной и политической истории этого периода достаточно хорошо известна (Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 325-333; Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 91-95; 514-516; Акимушкин, 1970, с. 233-242; Абусейтова, 1985, с. 43-49; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 276-289).

После смерти Касима и кратковременного правления его сына и преемника Мамаш-хана в Казахском государстве начались усобицы. Отрицательные последствия усобиц на положении ханства особенно резко сказались в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки. Против казахских владетелей сложился союз могольских и узбекских ханов. В 1526 г. Семиречье полностью перешло в руки казахов. А в 1533 г. умер хан моголов Султан-Саид и в Яркенде на престол вступил его старший сын Абд ар-Рашид. Он отверг традиционную дружбу, порвал родственные отношения с потомками Урус-хана и, заключив "клятвенный договор" с "узбеками-шибанами" Маве-раннахра, вступил на тропу войны с казахами и кыргызами. С того времени и на протяжении многих десятилетий между Сырдарьей и Иртышом более не видали спокойных дней. С переходом Семиречья в руки казахов им пришлось вести военные действия также и против калмаков, иноязычного сообщества племен на востоке страны. Поскольку это название будет часто встречаться в настоящей книге при дальнейшем изложении, приведу краткую справку о калмаках.

Калмак (калмык) – тюркское название западных монголов, самоназвание которых – ойраты; в китайских источниках западные монголы называются элю-

тами. Западномонгольские племена еще во второй половине XIV в. составили "ойратский союз" племен, вышли из-под власти всемонгольского хана и стали управляться своими предводителями (*тайши, тайджи*). В то время владения ойратских властителей, согласно исследованию И.Я. Златкина, располагались на сравнительно небольшой территории, ограниченной западными склонами Хангайских гор на востоке, песками Гоби на юге, Моголистаном на западе, верховьями Иртыша и Енисея на севере. Племена западных монголов жили в междоусобных распрях, но бывали времена, когда они, объединившись, делались сильными, и тогда ойраты-калмаки предпринимали набеги на владения соседей, в частности, на Моголистан. В конце первой половины XV в. калмаков возглавлял предприимчивый и энергичный Эсен-тайши. Он сумел объединить все основные ойратские племена и поколения в один союз и даже распространить свою власть на Восточную Монголию. Сын Эсена, Уз-Тимур, в 1457 г. разбил войско узбекского хана Абу-л-Хайра в окрестностях Сыгнака, на Сырдарье, разграбил ряд туркестанских городов и удалился к себе на восток, прихватив с собой в качестве *аманата* (заложника) трехлетнего внука Абу-л-Хайра, Махмуд-султана, младшего брата Мухаммада Шейбани. Малолетний султан был отпущен к деду лишь через семь лет. Тем временем умер Уз-Тимур, кончилось на время и политическое могущество калмаков. Лишь в начале XVII в. среди ойратов вновь появились энергичные и воинственные вожди. Первым из таких вождей был чоросский Хара-Хула (Каракула)-тайши, который сумел объединить основную часть предводителей ойратских племен, кочевавших в районе среднего и верхнего течения Иртыша, по Ишиму и Оби. Однако около 1627-28 гг. ойратский союз вдруг распался: хошоу-

ты подались в Тибет, а торгоуты (около четверти миллиона человек) во главе с Хо-Урлюком отделились от остального ойратского общества, откочевали через Северный Казахстан на Нижнюю Волгу, оттеснив оттуда ногаев на запад, получили название *хальгмак* (калмак, калмык) и в 30-х годах XVII в. основали там Калмыцкое ханство. Оставшиеся кочевать на просторах Южной и Западной Сибири ойратские роды и племена начали объединяться под эгидой чоросских князей, и в 1635 г. создали на берегу Иртыша другое ойратское ханство – Джунгарское, – во главе которого стал Батур-хунтайджи (1634-1653) (Бартольд, т. 5, с. 538-540; Златкин, 1983; МИКХ, с. 168-170; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 305-312).

Итак, 20-50-е годы XVI века – смутное время в истории Казахского ханства. В этом нет ничего особенного. Любое государство переживает расцвет и упадок; это циклический процесс; можно говорить лишь об уровне расцвета и упадка. Так что, пока вертится колесо Истории, были и будут смутные времена, была и будет смута внутри людей. В такое время потенциальная возможность узурпации власти достигает своей наивысшей точки; в стране возникает многовластие. По крайней мере так было в истории первого Казахского государства рассматриваемого периода.

Мамаш (Манаш). Согласно Мирза Хайдару, после смерти Касим-хана в 1518 г. на престоле утвердился его сын Мамаш (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 44а, 154а). События правления этого хана не известны. Впервые его имя упоминается в источниках под 1513 г.: осенью этого года Мамаш вместе с другими казахскими султанами по приказанию Касим-хана встречал могольского хана Саида (МИКХ, с. 225, 227). В то время, по словам Мирзы Хайдара, ему было лет под пятьдесят. Мамаш-хан, похоже, как и его отец, обла-

дал качествами отважного витязя и искусного полководца, то есть важными качествами, которые при военном характере ханской власти становились даже требованием времени. Но судьба отмерила ему недолгое правление. Мамаш-хан стал жертвой войны слепой, неразборчивой: он умер от удушья из-за тяжести боевого доспеха в одном из сражений (Тарих-и Рашиди, В 648, л.154а; МИКХ, с. 222, 353). По сведениям Хайдара Рази, который называет его Камаш-ханом, это случилось в 928/1521-22 гг. (Тарих-и Хайдар, л. 415а). Были ли у него дети или нет, не известно.

Скоропостижная и нелепая смерть верховного предводителя казахов Мамаш-хана явилась предвестницей приближающегося лихолетия.

Тахир. По словам Мирзы Хайдара, он был сыном Адик (Атак, Айтик)-султана, четвертого сына Джанибек-хана. Судьба Тахира – сплошная череда счастья и несчастья, взлетов и падений; поистине драматичным, даже трагедийным был закат его жизни, а на ее заре – в детстве, юности – он, старший сын влиятельнейшего казахского султана Адика (ум. около 1503 г.), внук одного из основателей Казахского ханства, был счастлив и беззаботен. Он, как Чингизид, по праву рождения приобрел титул султана и вместе с ним все права и преимущества, потомственно принадлежавшие этой социальной группе (о сословии султанов в Казахском ханстве см.: Султанов, 1981, с.142-148). Как и большинство молодых султанов ханства, Тахир-султан, вероятно, обучался в школе, скорее всего в Ташкенте, где подолгу жили его родители. (Это положение основано на замечании Ибн Рузбихана о том, что казахские ханы и султаны “отдают детей своих в школу” (изд. с.173 пер., с.106). Но он всегда отличался от многих равных себе нелегким характером: по свидетельству Мирзы Хайдара, хорошо знавшего Тахи-

ра, по природе своей это был человек злой и жестокий, крайне подозрительный (Тарих-и Рашиди, В 648, л.154а, 202а).

На вершину пирамиды власти в стране Тахир-султана возвел счастливый случай. Со смертью Мамаш-хана в 928/1522 г. окончилась эпоха консолидации и наступила эпоха большой дележки, в которую оказались вовлечены едва ли не все султанские фамилии ханства, дележки власти, улусных людей, пастбищ и т.п. В междоусобную борьбу за верховную власть в стране ввязались и “Биш-Огулы” – так, согласно сведениям Кадырали-бека, звали род (несил) Адика – во главе с Тахир-султаном. Здесь Тахиру сопутствовала удача, и в остром соперничестве с султанами из других фамилий он одержал верх и сделался ханом. Персидский историк Хайдар ибн Али Хусайни Рази по этому поводу пишет так. После смерти Мамаш (Камаш) хана в Казахском ханстве началось “большое несогласие: султаны Дешт-и Кипчака, известные как казаки, много воевали друг с другом”. В конце концов ханом был провозглашен Тахир-султан (Тарих-и Хайдар, л. 415а). В “Тарих-и бихан” (л. 141 а) говорится о том, что в 929/1522-23 гг. правитель Ташкента Суюнджи-Ходжа-хан выступил в сторону Дешт-и Кипчака на войну с казаками и одержал победу. Однако в источнике не приводится имя противника Шибанида. При описании событий 930/1523-24 гг. Тахир уже именуется ханом (МИКХ, с. 227-229; Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 515).

Оглядываясь на прошлое, на правление хана Тахира, нельзя не обратить внимание, что он не сумел найти общий язык со степной знатью и своим народом: по свидетельству Мирзы Хайдара Дуглата, казахские султаны и бии неоднократно покидали своего верховного предводителя и в ряде случаев кыргызы оставались бо-

лее верными подданными Тахира, чем сами казахи. Что бы Тахир-хан ни делал, все давалось с трудом и все его начинания кончались неудачно. Он не обладал ни дипломатическими, ни военными талантами, о чем свидетельствуют его неоднократные военные поражения и дипломатические неудачи. Так, в начале своего ханствования Тахир под напором мангытов, с которыми он порвал прежние мирные отношения, откочевал с 200 тысяч своих подданных, пошедших за ним, из Восточного Дешт-и Кипчака в Мо-голистан; в начале зимы 1525-26 гг. он потерпел поражение от Шибанида Келди-Мухаммада, правителя Ташкента, в районе современного г. Туркестана; несколько лет он угрожал войной моголам, но так ни разу и не вступил с ними в открытый бой (МИКХ, с. 214, 227-231; Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3, л. 218а-219б; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 277-280).

Тиран по своей природе, Тахир стал виновником смерти своего брата Абу-л-Касима. Вот ход событий, приведший к этой трагедии. Сделавшись ханом – первым лицом страны, – Тахир дал волю своим природным склонностям и продолжал жить наугад. Результаты не преминули сказаться тут же. Еще зимой 1523-24 гг. его покинула часть казахов. К середине 1526г. дела Тахир-хана стали совсем худыми, а его жестокость и подозрительность усилились. “По этой причине, – пишет Мирза Хайдар Дуглат, – просвещенные сердца султанов отвратились от него; у него был брат по имени Абу-л-Касим-султан, народ считал, что жестокости Тахир-хана исходят от него. Сразу же рукой победоносной умертвили его. И затем весь этот народ разом отделился и покинул его” (МИКХ, с. 230-231; Тарих-и Рашиди, В 648, л. 202а).

Покинутый (уже в который раз!) большинством своего народа, Тахир-хан с некоторым числом прибли-

женных удалился к кыргызам. В 936/1529-1530 гг. Тахир опять стоял во главе небольшой части казахов.

Как передает автор “Тарих-и Рашиди”, в сентябре 1529 г. хан моголов Саид предпринял поход на Андижан, а своего старшего сына Абд ар-Рашид-султана оставил в Яркенде и поручил ему следить за действиями Тахир-хана, около которого собралось уже тысяч до двадцати казахов и который “бросался с ними из стороны в сторону” (Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 219-220).

Самое значительное событие в истории Казахстана периода правления Тахир-хана – это переход в 1526 г. всего Семиречья во власть казахских владельцев (Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 93-94; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 279-280). Судя по источникам, Тахир-хан первым из казахских властителей вступил в войну с калмаками: по словам Васифи, автора “Бадаи ал-вакаи” и современника Тахира, казахский хан построил у подножия одной горы “крепость Джатан” для отражения войск калмаков. Замечательно, что в 944/1537-38 гг., когда хан моголов Абд ар-Рашид в союзе с Шибанидами выступил на войну против казахов, казахское войско укрепились именно в крепости Джатан (МИКХ, с. 181-182). Точное местоположение укрепления Джатан неизвестно.

Судьба Тахир-хана трагична и в то же время поучительна: она подтверждает установленное в науке положение о том, что судьбу монарха кочевого (и некоего) общества определяет не столько “законность” его прав на престол, сколько его политика. В источниках мы находим немало примеров, указывающих на то, что прочность ханской власти зависела от того, насколько его текущая политика отвечала интересам представителей кочевой верхушки. В тех случаях, когда власть хана шла вразрез с устремле-

ниями степной аристократии или сильно ущемляла ее права, вассалы покидали или свергали своего предводителя, безразлично – “законный” он или нет.

Прочность власти каждого отдельного монарха в обществе определялась не только характером правления. В политической жизни предводителя кочевников, еще не утративших своего военного быта, не последнее место занимали его признававшиеся традицией положительными личностные качества. Как уже говорилось выше (глава 1, раздел 4), средневековые историки особенно восхваляют такие свойства государей, как храбрость, щедрость, справедливость и милость, “ум, который помогает раскрывать вероломство врагов”, и “дальновидность, чтобы считать удобный случай за добычу”. Напротив, чрезмерное увлечение усадями жизни в ущерб государственным делам, пьянство, жестокость и высокомерие могли отратить от хана сердца подданных.

Тахир-хан, отличавшийся крайней жестокостью и несправедливостью и не обладавший в то же время способностями государственного мужа, как и следовало ожидать, вызвал своим правлением всеобщую ненависть, был покинут своим народом и, по словам Мирзы Хайдара Дуглата, умер среди кыргызов в бедственном положении. Это случилось не раньше 938/1531-32 гг., что явствует из сообщения, содержащегося в “Тарих-и Хайдари” (л. 415а).

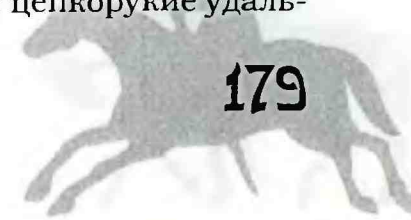
У Тахир-хана был сын; но в источнике имя его не называется. В 1526 г., когда Тахир-хан был покинут большинством султанов и воинов, его сын не оставил отца, а вместе с ним подался в район Ат-Баши и примкнул к кыргызам (Тарих-и Рашиди, В 648, л. 2026). О дальнейшей судьбе сына Тахир-хана сведений нет.

Буйдаш (Буйлаш) – сын Адик-султана, четвертого сына Джанибек-хана. По словам Мирзы Хайдара

Дуглата, после смерти Тахира “ханом стал его брат Буйдаш” (Тарих-и Рашиди, В 648, л.44а).

Из-за отсутствия соответствующего материала невозможно дать историко-психологическую характеристику этого хана. Хотя Буйдаш пребывал в ханском достоинстве более 20 лет, о событиях его правления мало что известно. В мусульманских источниках содержатся лишь два сообщения, в которых главным действующим лицом выступает Буйдаш-хан.

Сообщение первое. В сочинении Махмуда ибн Вали, очень надежного историка первой половины XVII в., есть такой рассказ. При правлении яркендского хана Абд ар-Рашида (1533-1560) его старший сын Абд ал-Латиф-султан из Аксу, где он был наместником отца, совершил набег на казахов, кыргызов и калмаков “и развеял ветром грабежа и разорения имущество и скот того народа”. Поскольку действия могольского султана “перешли все границы”, то казахи и кыргызы объединились и, когда Абд ал-Латиф в пятый раз совершил набег на их йурты и, добившись успеха, возвращался к себе в Аксу, пустились преследовать султана. Объединенные силы казахов и кыргызов во главе с Буйдаш-ханом обрушились на Абд ал-Латифа внезапно: могольское войско было разбито наголову, а Абд ал-Латиф-султан погиб. Абд ар-Рашид-хан, получив эту прискорбную весть, столь стремительно выступил в поход, что авангард его войска скоро догнал арьергард объединенных сил Буйдаш-хана в окрестностях Иссык-Куля. Казахский хан “обратил лицо в долину бегства”, и Абд ар-Рашид с главными силами преследовал его дней двадцать, пока, наконец, настиг в местности Килма-Каджура. Военачальники выстроили ряды и оба жаждущих битвы войска приблизились друг к другу, подняли боевой клич; цепкорукие удаль-

цы и славные бахадурсы бросились вперед, и воспылал огонь битвы. Пыл сражения затянулся; с обеих сторон полегли сотни смельчаков; в конце концов Абд ар-Рашид одержал победу: а Буйдаш-хан с остатками разбитого войска “спасся благодаря быстроте ног скакуна” (Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 2, л. 81; МИКХ, с. 330-331).

Дата сражения у Махмуда ибн Вали не указывается; но из его обстоятельного рассказа видно, что только Абд ал-Латиф-султан предпринял против казахов и кыргызов пять грабительских походов. Неоднократно водил войска против казахских владетелей и сам хан моголов Абд ар-Рашид (правил в 1533-1560 гг.). После специальных исследований В.П. Юдина и О.Ф. Акимушкина совершенно ясно, что Абд ар-Рашид-хан имел с казахами не менее трех крупных сражений; причем, в одном случае предводителю моголов противостоял Буйдаш-хан, в другом – Тугум-хан, а в третьем – Хакк-Назар-хан (МИКХ, с. 176, 235-236, 379-380, 405-408, 412, 518; Акимушкин, 1970, с. 235-241; Акимушкин, 1976, с. 264-269]. Судя по источникам, при каждом из этих военных столкновений хан моголов Абд ар-Рашид брал верх над казахами. Но его победы на поле брани не привели к восстановлению власти моголов в Семиречье, в лучшем случае Рашид-хану удалось превратить в сферу своего влияния лишь районы, непосредственно прилегающие к территории современного Кыргызстана, которые, однако, впоследствии также были потеряны, и там окончательно укрепились кыргызские племена, продолжавшие выступать совместно с казахами.

Сообщение второе. Оно содержится в сочинении Убайдуллы Самарканди “Сирадж ас-саликин ва латаиф ал-арифин”, посвященном биографии святого Лутфуллы Чусты, умершего в 979/1571-72гг. Автор этого агиографического

сочинения, ссылаясь на рассказ зятя Лутфуллы Чусты, Низам ад-Дина Ахмада, передает, что в 967/1559-60 гг. казахские султаны, в числе двадцати человек или даже больше, с Буйдаш-ханом во главе, выступили с многочисленным войском с намерением овладеть Мавераннахром (Среднеазиатским междуречьем) и дошли до Сайрама. Все население тех мест пришло в сильное смятение и впадо в панику, так как не имело возможности оказать сопротивление врагам. Шейх Лутфулла был в то время болен, но, услышав об общей беде и народном волнении, он, несмотря на тяжкий недуг, стремился успокоить народ. “Дайте мне мои четки, – сказал святой старец, – я хочу поставить преграду, чтобы насильники и враги были побеждены и не смогли бы прийти в страну мусульман”. И шейх в течение нескольких дней был занят молитвами. И тут пришла весть о том, что между казахскими и узбекскими султанами произошло кровопролитное сражение. Сначала перевес склонился на сторону казахов, и войско Шибанидов готово было обратиться в бегство, но поднявшийся вдруг сильнейший ветер с пылью подул в сторону казахов “и столь сильно одел их тучами пыли, что они обратили тыл и доставили полную победу оседлому населению”. В этой кровавой сече, говорится в источнике, благодаря молитвам шейха, около 20 казахских султанов, в том числе и сам Буйдаш-хан, сложили свои головы [Бартольд, т. 8, с. 378-380; Семенов, 1941, с. 47].

По словам Кадырали-бека, автора начала XVII в., Буйдаш-хан погиб в битве с правителем Ташкента Дервиш-ханом, сыном Науруз-Ахмад-хана; вместе с ним погибли и все “Биш-Огулы” – потомки Адика – числом 24 султана; “Биш-Огулам царствовать больше не довелось” (Кадырали-бек, с. 164).

Итак, Буйдаш погиб на войне с Шибанидами, встретив свой последний час с мужеством воина и достоинством хана. Это случилось в 967 году хиджры, ко-

торый по европейскому летоисчислению начался в октябре 1559 года и закончился в августе 1560 года.

Принимая во внимание тот факт, что кочевники-скотоводы Великой Степи совершали свои военные походы на соседей-земледельцев обычно осенью, когда их боевые кони в теле и способны выдержать быстрые и большие перегоны, а дехкане собрали весь свой урожай, смерть Буйдаш-хана можно уверенно датировать концом 1559г.

Были ли у Буйдаш-хана дети или нет, неизвестно. Утверждение В.В. Вельяминова-Зернова (1864, ч. 2, с. 274) о том, что "у Буйдаша был сын Бауш", на поверку оказалось неточным. Как выяснилось, в действительности Бауш-султан был единоутробным братом Буйдаш-хана; именно Бауш-султан (а не Буйдаш-хан) был женат на сестре Абд ар-Рашида, хана моголов, Бади ал-Джамал-ханым; именно этот брак был расторгнут по требованию могольского хана, в одночасье ставшего недругом казахских султанов (сведения из соответствующих источников приведены выше, в разделе о детях Адик-султана, сына Джанибек-хана).

Буйдаш почитался, видимо, верховным повелителем казахов (*улуг хан*), хотя он, судя по всему, был не единственным властелином казахов. Например, Кадырали-бек, автор начала XVII в., утверждает, что кроме Буйдаша "были в стране той и другие, мелкие ханы (*келте ханлар*), которых даже имена с точностью неизвестны" (Кадырали-бек, с. 164).

Из казахских султанов тех лет, носивших приблизительно в одно и то же время титул хана, можно указать здесь на Ахмат-хана и Тугум-хана.

Ахмат-хан (его родословная неизвестна) правил недолго и погиб на войне с ногайским Сейдак-беком (Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 275,325; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 281-282).

Тугум-хан – сын Джадик (Йадик)-султана, девятого сына Джанибек-хана; считается, что он погиб в 944/1537-38 гг. в местности Чагат на войне с ханом моголов Абд ар-Рашидом; вместе с ним пали 37 казахских султанов – все потомство Тугум-хана и его племянник Башибек-султан, сын Малик-султана [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 274; Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 94, 516; т. 5, с. 215; Акимушкин, 1970, с. 236-237; Акимушкин, 1976, с. 266-269].

Таким образом, в 30-50-х годах XVI века в результате внутренних неурядиц и борьбы с внешними врагами погибли тысячи и тысячи кочевников, исчезло несколько султанских фамилий (общим числом более 60 султанов), но, несмотря на все это основная масса населения Казахского ханства продолжала заниматься своим любимейшим занятием – пастбищным скотоводством и кочевать по традиционным маршрутам.

5. Вожди дружин и покорители Туркестана

Хакк-Назар-хан. Шигай-хан. Таваккул-хан.

Трудности внутри-и внешнеполитического положения Казахского ханства смутного времени привели к тому, что политические лидеры казахов начала второй половины XVI в. вынуждены были искать сильного покровителя и союзника среди соседних правителей. Ими стали Шибаниды Мавераннахра. Выбор был не случаен – его predeterminedли тогдашняя политическая обстановка в Средней Азии и Казахстане.

После смерти могольского хана Абд ар-Рашида на престоле в Яркенде утвердился его сын Абд ал-Карим

(правил в 1560-1591 гг.). Он до конца своего правления, следовал в могольско-казахских отношениях традициям своего отца – поддерживал дружеские отношения с узбекскими правителями Мавераннахра, водил войска в Семиречье и сражался с казахскими султанами и кыргызскими предводителями [Акимушкин, 1970, с. 242-243].

В начале второй половины XVI в. Ногайская Орда пережила ряд серьезных потрясений. В течение нескольких лет в йурте мангытов происходила междоусобная война между сторонниками двух братьев, Исмаила и Юсуфа. В 1555 г. Юсуф был убит. Но междоусобицы не прекратились, и борьба за власть в Ногайской Орде разыгралась между сыновьями Юсуфа и Исмаилом. В 1556 году Россия завоевала Астрахань, а вслед за этим началась московская экспансия в ногайские кочевья. Исмаил, представлявший интересы западной части йурта мангытов, тяготел к Москве. Часть мурз, недовольная политикой Исмаила, покинула Орду и откочевала на крымскую сторону, а другая – за Яик, к казахам. Единство Ногайской Орды было окончательно нарушено, и как военно-политическая сила она потеряла свое бывшее значение.

Сильным соседом казахов во второй половине XVI в. оставались Шибаниды Мавераннахра. После смерти Абд ал-Латиф-хана в 959/1551-52 гг. главой узбеков Мавераннахра был объявлен владетель Ташкента Барак-султан, который и стал править в Мавераннахре под именем Науруз-Ахмад-хана. Барак-хан, предававшийся безудержному пьянству и утехам Венеры, умер осенью 1556 г. во время очередного кутежа близ Самарканда, в местности Рабат-Ходжа. Создавшейся политической ситуацией в стране выгодно воспользовался молодой Абдулла (Абдаллах), сын Искандар-султана. Он восстановил власть свое-

го отца в Кермине и Шахрисябзе, а в начале 1557 г. выступил походом на Бухару и захватил ее. Там же он в 968/1560-61 гг. при содействии Ходжи Ислама провозгласил своего отца ханом всех узбеков Мавераннахра, чтобы править страной от его имени; в 1583 г., после смерти своего отца, Абдулла занимает ханский престол, остававшийся за ним до самой его смерти в начале 1598 г.

Все правление Абдулла-хана прошло в борьбе за объединение отдельных уделов Шибанидов и за усиление в стране центральной власти. Особой непокорностью отличались сыновья Барак-хана (ум. в 1556 г.), Баба-султан и Дервиш-султан, властвовавшие более двух десятилетий в Ташкенте и степных пространствах вилайета Туркестан. Но все же Абдулла-хану удалось объединить под своей властью не только узбекские владения в Мавераннахре, но также в Хорезме и Хорасане, а также создать сильную ханскую власть. Централизация государственной власти достигалась при этом крайне жестокими мерами: все непокорные члены династии и вассалы "отсылались по пути небытия". Политика физического изведения султанов, успешно продолженная сыном и преемником Абдуллы, Абд ал-Мумином, привела к тому, что после гибели Абд ал-Мумина летом 1598 г. и кратковременного правления Пир-Мухаммада династия Шибанидов в Мавераннахре пресеклась. Возникшей в 1598 г. неурядицей в Бухарском ханстве воспользовались соседи: шах Ирана Аббас (правил в 1587-1628 гг.) отвоевал Себзевар, Мешхед, Герат; Шибаниды Хорезма вернули себе власть над близлежащими туркменскими районами; казахский хан Таваккул захватил Ташкент, Самарканд и осадил Бухару [Вельяминов-Зернов, 1859, с. 376-402; Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 269; т. 2, ч. 2, с. 487-488; Вяткин, 1927, с. 11-17; Абусейтова, 1985, с. 83-93].

Обстоятельства жизни Таваккул-хана будут приведены потом, а сейчас обратимся к его предшественникам на троне – Хакк-Назар-хану и Шигай-хану.

Хакк-Назар. Он был сыном Касим-хана от Ханык-Султан-ханым (Кадырали-бек, с.163). Согласно Мирза Хайдару Дуглату, Касим-хан умер в 1518 г.; следовательно, Хакк-Назар родился не позднее 1519 года. Относительно даты его вступления на престол существуют разные точки зрения. В ряде источников, преимущественно иранского происхождения, отмечается, что Касим-хан умер в 930 г.х. (1523-24) и Хакк-Назар заступил на место отца [Тахир Мухаммад, л. 293а; Хасан-бек Румлу, с.183]. Указанный год принят некоторыми исследователями как дата начала правления Хакк-Назар-хана [Акимушкин, 1976, с. 264]. Между тем эта дата не может считаться достоверной, поскольку Хакк-Назар в действительности не наследовал ханский престол непосредственно после отца (см. выше: Мамаш-хан). Другие авторы относят восшествие Хакк-Назара на престол к концу 50-х годов [Миллер, 1942, с. 52] или к 1538 г. [МИКХ, с. 536]. при этом не приводят никаких аргументаций.

Между тем для датировки начала правления Хакк-Назара могут быть привлечены следующие материалы. В сочинении Хасан-бека Румлу “Ахсан аттаварих” имеется сообщение о том, что в 955/1548-49 гг. Хакк-Назар-оглан имел сражение с туркменами под Пул-и Хатун. На этот факт впервые обратила внимание М.Х. Абусейтова и отметила, что это самое раннее известие о Хакк-Назаре и что оно “является оригинальным, так как не упомянуто ни в одном из известных нам сочинений” [Абусейтова, 1977, с. 96-99; Абусейтова, 1985, с. 25, 49]. В этой связи замечу, что подробный рассказ о сражении Хакк-Назар-оглана (так!) с сыновьями Мухаммад-хана, Казак-султаном

и Увайс-султаном, в “окрестностях Пул-и Хатун” содержится и в сочинении среднеазиатского историка первой половины XVII в. Махмуда ибн Вали “Бахр ал-асрар” (т. 6, ч. 3, л. 232а-233а). Для нашей темы важно отметить здесь то, что в обоих сочинениях Хакк-Назар назван огланом, то есть царевичем-Чингизидом. Во всеобщей истории ал-Гаффари “Джаханара”, законченной в 972/1564-65 гг., говорится, что в “настоящее время повелителем Дешта” является сын Касим-хана Хакк-Назар-хан [СМИЗО, т. 2, с. 212, 271]. Из этих сообщений можно прийти к заключению, что Хакк-Назар стал ханом после 1549 года, но до 1564 года, вероятнее всего, в 967/1559-60 гг., после гибели Буйдаш-хана.

Хакк-Назар, видимо, обладал качествами, которые давали основание полагать, что он, как и его отец, отличавшийся политической дальнорзоркостью и удачливостью, будет славным ханом, при котором не повторятся невзгоды, пережитые кочевниками Дешта при Тахир-хане и Буйдаш-хане. Он действительно стал правителем умным и гибким, умеющим соединять государственные интересы с реальностями будничной жизни кочевников Великой Степи. Все правление хана Хакк-Назара прошло в стремлении консолидировать свой народ, обезопасить свою страну от внешнего вторжения. Он тонко чувствовал политическую ситуацию и умело использовал преимущества своего времени. Отношения Хакк-Назара с ногаями определялись стечением обстоятельств: он то принимал часть мангытов в свое подданство, то ходил воевать с ногайскими мурзами. С кыргызами, южными соседями казахов, он водил дружбу: в “Хафт иклим” и “Бахр ал-асрар” Хакк-Назар назван “ханом казахским и кыргызским”. С Россией, которая после завоевания ею Астрахани в 1556 г. и экспансии в

ногайские кочевья оказалась в непосредственном соседстве с Казахским ханством, он начал более или менее регулярные дипломатические сношения. Коль скоро Шибаниду Абдулле (владел Бухарой и фактически был главой узбеков с 1557г., был провозглашен ханом в 1583 г., умер в 1598 г.) удалось объединить под своей властью узбекские владения в Мавераннахре и создать сильное государство, Хакк-Назар-хан заключает с ним "клятвенный договор" о дружбе и военном союзе. В силу этого договора, по рассказу Хафиз-и Таниша, Хакк-Назар принял участие в войне Абдуллы с Баба-султаном; в борьбе с Баба-султаном Хакк-Назар и погиб в 1580 г. [МИКХ, с. 246-254]. "Потомство его более не царствует", – отмечает историк начала XVII века Кадырали-бек (с. 163).

Подробная генеалогия Хакк-Назар-хана неизвестна. Два его сына, имена которых не приводятся, были убиты в 1580 г. людьми Шибанида Баба-султана [МИКХ, с. 254]. Двое других его сыновей, Мунгатай и Дин-Мухаммад, принимали активное участие в мятеже, вспыхнувшем в 1588 г. в Ташкентском вилайете и направленном против Абдулла-хана [Хафиз-и Таныш, л. 93а-94а; Абусейтова, 1985, с. 77-80]. По сообщению Мухаммад-Йара ибн Араб Катагана, во времена правления Аштарханида Баки-Мухаммада (1600-1605) сын Хакк-Назара по имени Тыным-султан был валием Ташкента [Юдин, 1971, с. 156]. По мнению М.Х. Абусейтовой, вполне вероятно, что Тыным-султан Мухаммад-Йара и есть Дин-Мухаммад-султан Хафиз-и Таныш [Абусейтова, 1985, с. 95, прим. 35]. Такое допущение действительно "вполне вероятно", но до его подтверждения материалами из других источников воздержимся от отождествления этих двух имен сыновей Хакк-Назар-хана.

В народных преданиях имя Хакк-Назар-хана окружено славой. Память о нем сохранилась не только у самих казахов, которые относят образование трех казахских жузов ко времени его правления [Левшин, ч. 2, с. 29; Нестеров, 1900, с. 0104-0105], но даже у башкир и ногаев [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 334-336; Абусейтова, 1983, с. 168].

Шига́й. Он был сыном Джадик (Йадик)-султана, девятого сына Джанибек-хана. Его матерью была Абайкан-бикем [Кадырали-бек, с. 163]. Шига́й стал ханом в 1580 г. после гибели Хакк-Назар-хана. В.В. Вельяминов-Зернов в своем "Исследовании о Касимовских царях и царевичах", опубликованном в 1864 г. (с. 324) писал так: "Шига́й, сын Ядиков, жил очень долго, лет, по крайней мере, около восьмидесяти. На это имеем указания положительные". Хафиз-и Таныш упоминает о Шигае в последний раз под 1582 г.; Мухаммед-Хайдар же в Тарих-и Рашиди пишет, что Ядик умер около 1503 г.". Эти утверждения повторяются едва ли не во всех последующих работах, посвященных истории Казахского ханства [Howorth, 1880, р. 634; Вяткин, 1941, с. 01; Миллер, 1942, с. 53; Абусейтова, 1985, с. 71-72]. Между тем у В.В. Вельяминова-Зернова здесь допущена ошибка: согласно Мухаммаду Хайдару (Мирза Хайдару Дуглату) около 1503 г. умер не Ядик (Джадик)-султан, отец Шигая, а Адик (Атик)-султан, четвертый сын Джанибек-хана, дядя Шигая [Тарих-и Рашиди, В 648, л. 154а; МИКХ, с. 222]. Так что в действительности мы не знаем, ни того, когда умер отец Шигая, Джадик (Йадик)-султан, ни того, сколько было лет преемнику Хакк-Назар-хана на троне.

Шига́й, так сказать, хан по случаю. Владелец большого гарема, глава многочисленного рода он оказался на вершине пирамиды власти на склоне лет

и, видимо, не без содействия Шибанида Абдулла-хана. По словам Хафиз-и Таныша, Шигай “вырос в степи и пустыне”, он был человек опытный в делах и много переживший на своем веку [МИКХ, с. 275]. Шигай действовал до воцарения совместно с Хакк-Назар-ханом и был из числа султанов-джигитов, “видавших битвы и рубивших мечом”. В 1569 г. посланный русским царем в Ногайскую Орду Семен Мальцев сообщал, что “казатцкие орды Акназара царя и Шигая царевича, Челыма царевича, а с ними 20 царевичей приход был на Нагаи и бой писал” [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 323]. По словам автора начала XVII в. Кадырали-бека (с. 164), предание о Шигай-хане и его храбрости “до сих пор живо в памяти народной”.

Шигай-хан, его сыновья и младший брат Йанги-Бахадур принимали активное участие в борьбе Шибанида Абдулла-хана с Баба-султаном (погиб в 1582 г.). За существенную помощь, оказанную Шигай-ханом в этой борьбе, в июне 1581 г. Абдулла пожаловал ему в удел “земли Ходжента” [МИКХ, с. 257]. Причины удаления Шигай-хана с казахской территории в Мавераннахр не ясны [см. Юдин, 1969, с. 243; Абусейтова, 1985, с. 73-75]. Последний раз имя Шигай-хана упоминается в источниках под 1582 г. По словам Кадырали-бека, хан умер в одиночестве, его похоронили под сенью Али-Аты, гробница его находится в Кумушкенте, недалеко от Бухары [Кадырали-бек, с. 164; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 276].

Шигай-хан оставил большое потомство. Самые подробные сведения о генеалогии Шигай-хана приводятся у Кадырали-бека. Он пишет, что у Шигай-хана было много жен, но из них наиболее известных было три – это Баим-бикем, Йахшим-бикем, родом из Джата, и Дадым-ханым, дочь Бурундук-хана.

От первой из них у Шигая было трое детей: Сайид-Кул-султан, Ондан-султан и дочь Алтын-ханым; от второй – Тукай (Таваккул)-хан, Ишим-хан и дочь Султан-Сабирбик-ханым; от третьей – Али-султан, Сулум-султан, Ибрахим-султан, Шахим-султан [Кадырали-бек, с. 164; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 362-365].

В “Бахр ал-асрар” отмечается, что у Ишим-хана, сына Шигая, был брат по имени Кучук (Кучик)-султан, дочь которого была замужем за могольским ханом Абд ар-Рахимом [МИКХ, с. 339]. В другой части “Бахр ал-асрар” (т. 6, ч. 4, л. 100б) говорится о том, что у Кучука (Кучунка) был брат по имени Абулай-султан. Согласно Искандеру Мунши (с. 677), другого брата Ишим-хана звали Бу-Саид. По сообщению посла хана Таваккула, сына Шигая, у хана был брат “по имени Шахмагмет” (очевидно, Шах-Мухаммад), которого он посадил на калмаках” [Казахско-русские отношения, с. 3]. По преданию, приводимому Г.Ф. Миллером, одна из дочерей Шигай-хана (имя ее не приводится) была замужем за братом сибирского Кучум-хана, Ахмад-Гиреем [Миллер, 1937, с. 200-201].

По словам автора “Шараф-наме-йи шахи”, в 996/1588 г. в Ташкентском вилайете вспыхнул мятеж, направленный против Абдулла-хана и его двоюродного брата Узбек-султана, назначенного им правителем этого вилайета. Жители Ташкентского округа и ближайших регионов провозгласили ханом казахского султана по имени Джан-Али, который внешне был похож на шибанида Баба-султана, убитого в 1582 г. [Хафиз-и Таныш, л. 93а-94а; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 341]. В четвертой части “Бахр ал-асрар” при описании событий середины 1020/1611 г. говорится о том, что в междоусобной войне Аштарханидов Вали-Мухаммад-хана и Имамкули-хана принимали учас-

тие Ишим-хан, Абулай-султан, его брат Джанг-султан и другие казахские султаны [Бахр ал-асрар", т. 6, ч. 4, л. 99аб; Ахмедов, 1982, с. 107]. Не есть ли Али-султан Кадырали-бека, Джанг-султан Махмуда ибн Вали, Джан-Али-султан Хафиз-и Таныша одно и то же лицо?

С восшествием на престол Шигай-хана, сына Джадик-султана, его многочисленный род возвысился, и история сложилась так, что представители этой фамилии царствовали в Казахских степях более двух столетий (см.: Таблица 4). Два его сына – Таваккул и Ишим – были старшими ханами казахов; обстоятельства их жизни будут приведены отдельно. Из других сыновей Шигай-хана особо отмечу здесь Абулай-султана, Кучук-султана и Ондан-султана.

Абулай. Сведения об этом султানে содержатся как в русских источниках, так и в хрониках мусульманских историков; причем самые подробные известия о нем сообщает автор "Бахр ал-асрар". Абулай был очень деятельным и воинственным султаном. Он принимал активное участие в междоусобной войне Аштарханидов Вали-Мухаммад-хана и Имам-Кули-хана, а после участвовал во многих делах и походах Имам-Кули-хана; во главе объединенных сил казахов и кыргызов воевал с Тимур-султаном, сыном могольского хана Шуджа ад-Дин Ахмад-хана (1609-1618); в одно время был владетелем (дарайи) Ферганы и Саурана; в 1628 г. он захватил Ташкент с округом и какое-то время правил там. В 1640/1630-31 гг. Абулай-султан вновь овладел Андижаном, убил Пир-Мухаммад-султана, сына Имам-Кули-хана. Разгневанный Имам-Кули велел непременно изловить казахского султана. Абулай бежал, но в конце концов погиб от руки Али-Мурад-есаула [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 82а-114б; МИРМО, с. 45, 46, 49, 307; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 297-303]. Дочь Абулай-сул-

тана (имя ее не называется) была замужем за бухарским ханом Имам-Кули. Были ли у него сыновья или нет, не известно.

Кучук (Кучик, Кучунк, Кичинек)-султан. В 1611 г. он со своим войском выступил на стороне Аштарханида Имам-Кули-хана в его борьбе с Вали-Мухаммадом [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 99а-100а]. Впоследствии Кучук-султан действовал совместно со своим братом Ишим-ханом в Кашгарии на стороне Чагатаида Абд ар-Рахима, своего зятя [МИКХ, с. 339, 341, 345, 414]. У Кучук-султана был сын, но имя его не известно.

Ондан (Андак)-султан был храбрым воином и отменным стрелком, всегда ходил в передовом войске и не происходило битвы, где бы он не отличился. Ондан погиб на войне с калмаками и покоем под сенью Ахмада Ясави в г. Туркестане. Согласно расчету, произведенному еще В.В. Вельяминовым-Зерновым на основании известий Кадырали-бека, он умер в 1585 г. Ондан имел много жен и наложниц, говорится в источнике, взятых им как со стороны из разных мест, так и среди своих же, но наиболее известны две главные жены его: Алтын-ханым, дочь Булат-султана, сына Усек-султана, сына Джанибек-хана, и Чуйум-ханым, дочь Кимсин-султана, сына Бурундук-хана. От первой из них у Ондана было двое детей: сын Ораз-Мухаммад и дочь Татлы-ханым; от второй – Кучук-султан [Кадырали-бек, с. 165; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 365, 399].

Кучук-султан постоянно находился при своем дяде Таваккул-хане, участвовал во всех его делах и походах, трудился и терпел за родину как мог. Совсем по-иному сложилась судьба его брата, Ораз-Мухаммада. Ораз-Мухаммад – единственный из казахских султанов, кто был ханом в Касимове, т.е. на террито-

рии самой России; единственный из казахских владетелей, воцарение которого подробно описано в особом сочинении, которое в свою очередь – единственный известный пока исторический труд эпохи средневековья, созданный представителем казахского народа в традициях мусульманской историографии. Поэтому обстоятельства жизни Ораз-Мухаммада будут изложены подробно.

В.В. Вельяминов-Зернов в своем капитальном труде “Исследования о Касимовских царях и царевичах” (ч. 2, с. 97 и сл.) собрал почти все, что можно найти в восточных и европейских источниках об Ораз-Мухаммаде. Ораз-Мухаммад родился в 1572 г. Когда ему исполнилось 13 лет, умер его отец Ондан-султан, сын Шигай-хана. Мы не знаем имени ни одного из его воспитателей и учителей: источники, к сожалению, не оставили сведений о воспитании и обучении Ораз-Мухаммад-султана. В 1588 г. в Западной Сибири воеводою Д.Чулковым был захвачен в плен со свитой князь Сайид-Ахмад (Сейдяк), сын Бекбулата, соперника сибирского хана Шибанида Кучума. Среди пленных был и казахский султан Ораз-Мухаммад. Каким образом и почему он оказался в свите Сайид-Ахмада, неизвестно. Тогда же знатный пленник был доставлен в Москву. Таким вот неожиданным образом в свои 16 лет Ораз-Мухаммад въехал в Россию, и калейдоскоп событий завертелся для него по-иному.

В 1590 г. Ораз-Мухаммад принимал участие в походе царя Федора Иоанновича против шведов.

Его имя упоминается при переговорах посла казахского хана Таваккула, Кул-Мухаммада, с царем Федором Иоанновичем в 1594 г. в Москве.

В 1597 г. Ораз-Мухаммад вместе с другими служилыми тюркскими царевичами присутствовал в

Москве, в Большой Грановитой подписной палате, при торжественном приеме посла Римского императора, бургграфа Донавского.

В 1598 г. Ораз-Мухаммад наравне с прочими царевичами-аманатами, жившими в России, участвовал в походе против крымцев, объявленном Борисом Федоровичем Годуновым, вновь избранным царем России.

В 1600 г. государь Борис Федорович пожаловал казахскому султану Ораз-Мухаммаду город Касимов с волостями и со всеми доходами и даровал ему вместе с тем титул хана Касимовского.

Воцарение Ораз-Мухаммада в Касимове (город расположен на Оке в Рязанской области) подробно описано в сочинении Кадырали-бека; автор был очевидцем этого события и даже участвовал в обряде возведения султана в ханы. Ниже вниманию читателей предлагается перевод этого любопытного во многих отношениях рассказа; но сначала несколько слов о Кадырали-беке и его сочинении [подробные сведения об этом историке и его труде приведены в работе В.В. Вельяминова-Зернова (1864, ч. 2, с. 121-124, 434-435), М.А. Усманова (1972, с. 33-52) и Р.Г. Сыздыковой (1989, с. 6-26)].

О Кадырали-беке известно только то, что он сам сообщает о себе в своем труде, законченном в 1602 г. в России. По его собственным словам, он происходил из племени джалаир, раньше состоял на службе у предков Ораз-Мухаммада, а теперь служит ему самому. Когда и при каких обстоятельствах Кадырали-бек оказался в центре России рядом с плененным в Западной Сибири казахским царевичем, не известно. Когда Борис Федорович Годунов в 1600 г. пожаловал Ораз-Мухаммаду город Касимов с округами и даровал ему титул хана, неотлучно находившийся при султানে Ка-

дырали-бек решил своеобразно отблагодарить русского царя за внимание к его господину и в 1602 г. написал сочинение, известное ныне под условным названием "Джами ат-таварих" ("Сборник летописей"). Это небольшое по объему произведение представляет собой сокращенный пересказ-перевод на тюрки труда знаменитого персидского историка начала XIV в. Рашид ад-Дина, дополненное изложением некоторых событий, происходивших в последующие времена в Восточном Дешт-и Кипчаке. Особую ценность представляют сведения Кадырали-бека о генеалогии казахских ханов и султанов. Крупным недостатком сочинения является отсутствие датировки описываемых событий, а несколько дат, которые приводятся на последних страницах книги, на проверку оказываются неточными; последнее объясняется, видимо, плохим качеством дошедших до нас списков сочинения Кадырали-бека.

Теперь вернемся к обещанному рассказу Кадырали-бека. Вот каким образом он описывает воцарение Ораз-Мухаммад-султана в Касимове.

"Лета 1000 [в изданном И. Березиным тексте здесь описка; надо 1008 год хиджры, т.е. 1600 год по Р.Х.; см. Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 450] по окончании года Свиньи, в марте, при наступлении года Мыши, 15-го числа великого месяца рамазана, по повелению и указу государя всея Руси Бориса Федоровича, вельможи и знать заняли места свои по правую и левую руку государя; вместе с тем по улицам стали войска в стройном порядке. В этот день по царскому указу представлялся и Ораз-Мухаммад-хан, сын Ондан-султана. Государь, сидя на золотом престоле (*алтын тахт*) и имея рядом с собою сына своего царевича, обратился к Ораз-Мухаммад-хану с приветствием. Престол имел следующий вид:

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРЕСТОЛА

ПРАВАЯ СТОРОНА
ИЛИ РУКАИсбай Мангыт.
Саманбай-бек.
Джалаир
Кадырали-бекЛЕВАЯ СТОРОНА
ИЛИ РУКААргун Чеш-бек.
Кипчак
Тукай-бек.

Государь в этот день роздал много поместий и наград: Ораз-Мухаммад-хану он пожаловал город Кирман [т.е. Касимов: см. Вельяминов-Зернов, 1863, ч. 1, с. 34]. Затем еще несколько дней хан пробыл при особе государя. В ту пору в столице находилось человек двести кирманских беков, мурз и простых людей. Наконец государь отпустил хана, и Ораз-Мухаммад, вместе с приданными к нему сыном боярским и толмачом, в четверг в месяце шаввале, отправился в город Кирман. Хана сопровождали и находились в его услужении кирманские вельможи. Через неделю, а именно 24-го числа месяца шаввала 1000 года [читай: 1008 г.х.] в четверг [8 мая 1600 г. по грегорианскому календарю], хан благополучно прибыл в город Кирман. До благосклонного месяца зу-л-хидджа он прожил спокойно. Лета 1000 [читай: 1008 г.х.], в год Мыши, 10-го числа благословенного месяца зу-л-хидджа в четверг [23 мая 1600 г. по грегорианскому календарю] был совершен обряд возведения на ханство Ораз-Мухаммад-хана, сына Ондан-султана. Все от мала до велика, русские и татары, присутствовали при этом торжестве. Толпа народа была огромная. Муллы, данишменды, хафизы, беки, мурзы, словом, все мусульмане собрались в каменной мечети, построенной Шейх-Али-ханом, и стали поздравлять с торжеством. Внесли вызолоченное

кресло (*алтунлыг сандалини*) и установили внутри мечети. При этом находился, по указу Бориса Федоровича, и сын боярский. Проповедник из старого йурта Булак-сайид начал провозглашать хутбу. Затем четыре человека с четырех сторон подняли хана и возвели его на золоченный престол. Ораз-Мухаммаду при возведении его на ханство было 20 лет [согласно расчетам В.В. Вельяминова-Зернова, 28 лет]. Да помилует его Аллах, и да продлит жизнь его.

Все мусульмане от малого до великого, знать, муллы и старшие лица в городе, находившиеся при совершении обряда, стали возносить хвалу. Потом карачии, аталыки и имил-даши совершили нисар (т.е. осыпали хана деньгами) и все присутствовавшие принесли ему поздравления. До самого конца месяца, в продолжение нескольких суток, днем и ночью, хан предавался забавам и удовольствиям. В эти дни им были даны большие пиры: на них мед и водка лились без меры; лошадей, баранов и коров было зарезано великое множество. На пирах толпились приглашенные: каждому из них, сообразно его званию и положению, было назначено особое место. Мулл и хафизов, вдов и сирот, бедных и несчастных хан осыпал милостями: по этому же радостному случаю он отпустил на волю многих невольников. Так он ознаменовал себя добрыми и богоугодными делами" [Кадырали-бек, с. 166-169; Вельяминов-Зернов. 1864, ч. 2, с. 400-404].

Самые подробные сведения о событиях жизни Ораз-Мухаммада после его воцарения в Касимове содержатся, как уже говорилось, в фундаментальном исследовании академика В.В. Вельяминова-Зернова (1830-1904), посвященном Касимовским царям и царевичам (ч. 2, с. 452-489). Ниже дается краткое изложение собранного им материала.

Весной 1601 г. Ораз-Мухаммад-хан посетил Москву. Через несколько дней после своего представления государю Ораз-Мухаммад присутствовал в Грановитой палате при торжественном отпуске польского посла Льва Сапегги. В Москве Ораз-Мухаммад оставался недолго. Уже в апреле он был наряжен на службу и назначен оберегать крымскую границу. Осенью того же года Ораз-Мухаммад снова посетил Москву, вероятно, чтобы присутствовать при приеме датского принца Иоанна, которого государь Борис Федорович прочил тогда в мужа своей дочери Ксении.

Вскоре в Московском государстве настало время неурядиц и беспорядков. Что делал Ораз-Мухаммад в последние годы жизни Бориса Годунова и при первом самозванце (Лже-Дмитрии I), В.В. Вельяминову-Зернову выяснить не удалось. При появлении второго Лже-Дмитрия Ораз-Мухаммад и жители Касимова уже в конце 1606 г. открыто приняли его сторону. В декабре 1608 г. он прибыл в стан самозванца в Тушино и некоторое время даже жил там. В конце декабря 1609 г. Лже-Дмитрий II, опасаясь измены, ночью скрылся из Тушинского стана и бежал в Калугу. Польский король Сигизмунд в ту пору стоял под Смоленском. После побега самозванца в Тушино возникло большое смятение: поляки и русские решили вступить в переговоры с представителями короля, находившимися в лагере. Собрались для обсуждения ситуации. Тут был и Ораз-Мухаммад со своей свитой. Вместе с другими касимовский хан явился к Сигизмунду под Смоленск. Но в очень скором времени Ораз-Мухаммад снова перебрался к Лже-Дмитрию II.

Жизнь Ораз-Мухаммада оборвалась на исходе 1610 г. Согласно русским летописным сообщениям, его смерть, насильственная, повлекла за собою важ-

нейшее событие – гибель Лже-Дмитрия II. А все это произошло вот как.

Самозванец, после своей неудачной попытки взять летом 1610 г. Москву, жил в Калуге. В ту пору при нем, в числе прочих приверженцев, находились хан Касимовский Ораз-Мухаммад, его сын (имя не приводится) и крещеный ногаец князь Петр Урусов, сын мурзы Йан-Арслана, сына мурзы Уруса, сына мурзы Исмаила. В Калуге дела шли своим чередом, как вдруг сын Ораз-Мухаммада донес на отца, что-де он хочет убить самозванца. Лже-Дмитрий II поверил и решил предупредить беду. Он пригласил Ораз-Мухаммада на охоту. Хан, не подозревавший опасности, принял приглашение и отправился с самозванцем, взяв с собою не более двух человек. Заехали за реку Оку и начали охотиться с собаками. В это время самозванец незаметно отбил от свиты, удержав при себе только Ораз-Мухаммада с его людьми, да своих двух самых надежных приверженцев, Михаила Бутурлина и Игнатия Михнева. Тогда Лже-Дмитрий II, Бутурлин и Михнев разом напали на Ораз-Мухаммада, убили его и находившихся при нем людей, а тела их бросили в Оку. Затем, чтобы скрыть преступление, самозванец поскакал назад, крича, что, мол, хан Касимовский хотел убить его, что он, Дмитрий, едва успел спастись и что хан бежал в Москву. Для виду тотчас же он послал погоню по дороге в столицу. Через несколько времени князь Петр Урусов проведал, что Ораз-Мухаммада убил самозванец. В нем пробудилось желание мести. Как-то раз, когда Лже-Дмитрий II выехал гулять в поле, князь Петр Урусов пустился за ним вслед с многочисленной толпой вооруженных людей, нагнал его за версту от Калуги и отрубил ему голову. Из людей, бывших при самозванце, одни полегли на месте, другие бежали в город.

Ораз-Мухаммад был погребен в Касимове. Свидетельством тому служит его надгробный памятник, найденный в 1860 г. муллою Х. Файзхановым на Старопосадском кладбище. “Я сам, – пишет В.В. Вельяминов-Зернов, – в бытность мою в Касимове в 1863 г. видел этот памятник. Он лежал посреди кладбища, разбитый на два куска.

Каким образом тело хана, умерщвленного в Калуге, попало в Касимов, в особенности, если оно было утоплено в Оке, как утверждают некоторые летописцы – не знаем.

Вот текст и составленные мною русский перевод надписи лицевой стороны Ораз-Мухаммадова памятника”.

По словам В.В. Вельяминова-Зернова, надпись начиналась стихами из Корана и хадисами и завершалась такими словами: “В 1019 году, месяца рамазана в 16-й день (22-го ноября 1610 г.), скончался сын Ондан-султана, Ораз-Мухаммад-хан. Господь всевышний да помилует его” [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 486-487].

Так султан Казахских степей Ораз-Мухаммад волею случая оказался в Москве и, сделавшись ханом Касимова, сполна разделил судьбу России в трудные годы ее истории; там же, в Средне-Русской равнине, в возрасте 38-ми лет от роду он нашел свой конец и последний приют.

Таваккул (Тевеккель, Тевкель, Тауке, Тукай). Таковы встречающиеся в источниках и литературе варианты написания имени сына Шигаи-хана от Йахшим-бикем “из Джагата”. Из них автор настоящих строк выбирает написание – Таваккул. Кстати, слово таваккул (от арабского глагола *таваккала* – “уповать, полагаться на кого-либо”) – коранического происхождения и обозначает предание себя божественной воле [Ислам, с. 217].

Путь Таваккул-султана к вершине власти был тернистым. В начале 80-х годов XVI в. он со своей личной дружиной состоял при свите бухарского хана Абдуллы и принимал активное участие в его борьбе с Баба-султаном и сыновьями Дервиш-султана. Рассказы об этом содержатся в “Шараф-наме-йи шахи” (“Абдулла-наме”), “Мусаххир ал-билад”, “Бахр ал-ас-рар” и других мусульманских источниках. По словам Хафиз-и Таныша, Таваккул-султан прибыл к Абдулле в июне 1581 г., когда тот находился в местности Кара-Тал; удалой казахский султан пришелся по душе узбекскому хану, и он его “оставил в своей свите” [МИКХ, с. 257-262]. При дворе Шибанидов Таваккула любили, сам Абдулла взирал на него “взором уважения и почтения”, и не единожды одаривал казахского султана за боевую доблесть и воинскую смекалку “халатом, вышитым золотыми нитками, шапкой и поясом, украшенным драгоценными камнями”. Летом 1582 г. Таваккулу удалось выйти, наконец, на Баба-султана, сына Барак-хана, одного из главных политических противников Абдуллы, теперешнего покровителя казахского султана. Произошла стычка, Таваккул одержал верх, убил Баба-султана, прибыл к Абдулле и, бросив голову поверженного им Шибанида к подножию трона, сказал:

*Я поднял огонь против неприятеля
За счастье шаха и пролил его кровь.*

Хан “обласкал государевой милостью Таваккул-султана, дав ему всякого рода дары, повысил его в чине и сане, сделал его предметом зависти своих приближенных. Он украсил его стан почетным халатом и подарил много денег. Вдобавок ко всему этому хан пожаловал ему в виде вознаграждения Африкентский

вилайет – прекраснейшие места Согда и Самарканда” [МИКХ, с. 309-311].

Летом 1583 г. Таваккул принял участие в походе Абдуллы на Андижан и Фергану. Казахскому султану и на этот раз улыбнулась военная удача: ему удалось пленить и умертвить Шибанида Махди-султана и сына Баба-султана, Абд ал-Гаффара. По этому случаю в стане воинов Таваккула “веселью, радости и ликованием не было предела”. Но во время возвращения из похода в Бухару, Таваккул, по словам Хафиз-и Таныша, вдруг заподозрил Абдулла-хана в недоброжелательстве, покинул его и удалился к себе “в Дешт-и Кипчак” [МИСиЦА, с. 232-236, 249-252; Вельяминов-Зернов, 1864, с. 339].

Итак, летом 1583 г. Таваккул-султан, покинув Мавераннахр, ушел в Великую Степь, которая жила своей особой жизнью. Причины такого шага Таваккула вполне понятны. Будучи весьма энергичным, честолюбивым и предприимчивым, Таваккул не мог питать надежды стать независимым правителем своего народа, оставаясь под покровительством Абдуллы. С другой стороны, с завершением победоносной войны с Баба-султаном и сыновьями его брата Дервиш-султана уже не существовало более общей цели: близлежащие к кочевьям казахов районы правобережья Сыр-Дарьи окончательно признали власть Бухары, и вместе с этим отпала и необходимость в поддержке казахских владетелей, которых Абдулла рассматривал лишь как полезных военных союзников; в свою очередь казахские султаны, издавна стремившиеся к обладанию Присырдарьинскими городами и Ташкентом, видели теперь в лице Абдуллы не покровителя, а соперника. Словом, чувствуя себя при дворе бухарского хана бесправным, Таваккул ищет новых путей к власти и покидает Ма-

вераннахр для того, чтобы, собрав силы в Великой Степи, повести борьбу против самого Абдуллы.

Бог весть, какие превратности судьбы испытал Таваккул-султан в родных степях, прежде чем он сделался ханом. Когда именно и как это все произошло — мы не знаем. В сочинении османского автора Сейфи Челеби, законченном в апреле 1590 г., Таваккул называется ханом: “У них (казахов) есть хан по имени Таваккул” [Сейфи Челеби, л. 146]. По сообщению Искандара Мунши, Таваккул “присвоил себе титул хана” [Искандар Мунши, с. 237, Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 242-243]. Однако подробности узурпации им ханской власти в степи автор “Тарихи аламарай-и Аббаси” не сообщает.

Таваккул вступил на ханствование в трудные времена. С одной стороны, казахские султаны покинули Шибанида Абдуллу и вместо сильного союзника и патрона приобрели грозного недруга: с другой — отношения казахов с могольскими и джунгарскими владетелями продолжали оставаться напряженными. Но Таваккул показал, что он не только знаток войны, но и умелый политик. И действительно, ему удалось не просто упрочить свою власть в степи, но также расширить пределы владений казахов и поднять значение ханства в международных делах. Всего этого Таваккул достиг удачными военными походами, искусной дипломатией. Одного из своих сыновей он назначил правителем сорока каракалпакских родов, а своего брата

“Шагмагметя-царевича посадил на калмаках” [Материалы, 1955, с. 105; Казахско-русские отношения, 1961, с. 3]. Судя по “Хронике” Чураса (с. 176), Таваккул принимал самое активное участие в политических делах Могольского государства в Чалыше и Турфане; там, по оценке В.П. Юдина, позиция Тавак-

кул-хана “была определяющей в решении вопроса, кому быть на троне этого владения” [МИКХ, с. 377]. На севере внешнеполитические связи Таваккула простирались до Москвы. В 1594 г. он отправил в Москву посольство во главе с Кул-Мухаммадом [Казахско-русские отношения, 1961, с. 3-5; Басин, 1971, с. 91-95; Абусейтова, 1985, с. 81-82]. Целью посольства было: освободить из плена султана Ораз-Мухаммада, сына Ондан-султана; заключить военный союз с Московским государством; добиться того, чтобы русский царь дал казахскому хану “огненного бою”.

Как сообщал в 1594 г. казахский посол Кул-Мухаммад в беседе с царевичем Ораз-Мухаммадом в Москве, Таваккул “с бухарским царем теперь в миру на время”. Но отношения с Абдуллой были натянуты и “огненный бой” нужен был казахскому хану, чтобы “воевать с бухарским царем”. Борьба Таваккула с ханом Абдуллой за Присырдарьинские области по сути никогда не прекращалась. Как передает Хафиз-и Таныш, Таваккул, удалившись в 1583 году в степь, сделался врагом Абдуллы и отныне не упускал случая, чтобы напасть на его владения. В частности, в 1586 г., когда основная часть войска Абдуллы была оттянута на юг, Таваккул вторгся во владения бухарского хана, угрожая овладеть вилайетом Туркестан, Ташкентом и даже Самаркандом. В Ташкенте наспех собрали ополчение. Оба войска сошлись в Шарабхане, в Ташкентском округе. Казахи были плохо вооружены: “шубы и ергаки служили им вместо панцырей и куйаков”. Увидев такое зрелище, ташкентцы бросились на дештцев без всякой предосторожности, но были смяты и разбиты наголову. Из Ташкента немедленно дали знать об опасности в Самарканд, правителю этого города Ибадулле-султану, брату Абдуллы. Ибадулла наскоро созвал войско со всей Самаркандской

земли, перешел Сыр-Дарью и явился в Ташкентский округ. Таваккул стоял тогда около Сайрама. Услышав о приближении противника, он не стал испытывать судьбу во второй раз и удалился в степь [Вельяминов-Зернов, 1864, ч.2, с. 339-340].

Но казахский хан проявил исключительную настойчивость в достижении главной цели своей внешней политики – овладение Присырдарьинскими городами. Благоприятная обстановка сложилась для этого лишь в 1006/1597-98 годах. Династия Шибанидов в Мавераннахре вступила в это время в полосу острого политического кризиса: против хана Абдуллы выступил его единственный сын и наследник Абд ал-Мумин, поддержанный группой племенных вождей – биев. Раздоры внутри самой ханской семьи послужили сигналом к началу похода на Мавераннахр. “Когда известие о ссоре и вражде между отцом и сыном распространилось в Туркестане”, пишет Искандар Мунши, то казахские султаны во главе с Таваккулом подступили к Ташкенту с многочисленным войском. Абдулла, не придав большого значения этому нападению, выслал против Таваккула сравнительно небольшие силы. Противники сошлись на дороге между Ташкентом и Самаркандом. Войска бухарского хана потерпели жестокое поражение: “большая часть эмиров и военачальников и несколько султанов погибли; те же из воинов, которые остались в живых, бежали в Бухару в самом жалком и несчастном виде”. Встревоженный этим событием, Абдулла мобилизовал все свое наличное воинство и сам, встав во главе его, двинулся к Самарканду. Но, прибыв туда, он заболел и в марте 1598 г. скончался [Искандар Мунши, с. 343-344; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 342-345]. На престол вступил его сын Абд ал-Мумин. Но правление его было недолгим: летом 1598 г. он был убит мятежными эмирами. Тогда в раз-

личных частях обширного государства Абдуллы появились разные властители.

Таваккул решил воспользоваться благоприятной ситуацией для повторного вторжения во владения Шибанидов Мавераннахра. Получив весть об убийстве Абд ал-Мумина и видя, что в Мавераннахре нет достаточно сильного государя, Таваккул-хан собрал многотысячное войско и вместе с Ишим-султаном, Бахадур-султаном и другими казахскими султанами осенью 1598 г. вступил на путь покорения среднеазиатских городов. В короткий срок он овладел Сайрамом, Ташкентом, Ясой (г. Туркестан), Ахси, Андижаном, Самаркандом и, оставив своего брата Ишима с 20 тысячами человек в Самарканде, направился с 70-80-тью тысячами человек в сторону Бухары. Однако стремительное движение кочевников Великой Степи в глубинные оазисы Средней Азии было приостановлено под стенами древней Бухары. Незначительный по численности гарнизон этого города выдержал одиннадцатидневный натиск неприятеля, а на двенадцатый произвел удачную вылазку и нанес казахам поражение. Таваккул, пользуясь покровом ночи, отступил. Но война продолжалась. В одном из очередных сражений казахский хан Таваккул был тяжело ранен, отошел к Ташкенту и там через сорок дней умер в том же 1598 г. Через некоторое время при посредстве шейхов ордена Накшбендия был достигнут мир: казахи отказались от Самарканды, но сохранили за собой Ташкент, Сайрам, Туркестан и некоторые другие крепости [Искандер Мунши, с. 289-292; Мухаммад Аваз, л. 366-376; Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 3; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 347-352; Абусейтова, 1981, с.133-136].

Таваккул ушел из жизни в мир иной, загадочный в расцвете сил и в кульминационный момент своего

политического торжества. О его детях мало что известно. Казахский посол Кул-Мухаммад в свою бытность в Москве в 1594 г. на вопрос царевича-пленника Ораз-Мухаммада о детях Таваккул-хана отвечал так: “Большой царев сын Хозяусеин-царевич 10-и лет, другой царевич 8-и лет, третий 4-х лет” [Казахско-русские отношения, 1961, с. 4]. Об обстоятельствах жизни сыновей Таваккул-хана сведений нет.

Таваккул был хорош собой, выделялся своим “красивым станом” и гордой осанкой. Его военный и дипломатический талант был таким же, как и его телесная статья. Одаренный природой и умом, и внешним изяществом, и поэтическим даром, он в то же время “по храбрости, смелости и мужеству являлся единственным во всем мире и славился в Дешт-и Кипчаке”. Так пишет о Таваккуле Хафиз-и Таныш, современник казахского хана и придворный историк Шибанида Абдуллы. Таваккул и впрямь прекрасно владел оружием, был очень сведущ в военном деле и удачлив на войне. Здесь можно привести следующие рассказы из “Шараф-наме-йи шахи”. В октябре 1581 г. Таваккул находился в Бухаре, в компании Абд ал-Мумина, сына и наследника Абдуллы. По случаю новолуния Абдулла устроил празднество с традиционным развлечением: стрельбой из лука по золотым и серебряным шарам, привязанным на верху высокого шеста. В состязании принимали участие многие султаны и эмиры, а вот победителем вышел Таваккул. Весной 1582 г. Абдулла в очередной раз выступил на войну с Шибанидом Баба-султаном, который со своими приверженцами на этот раз подался в Центральный Казахстан. Прибыв в район Улуг-Тага, Абдулла решил развлечься охотой, а Асфандий-ар-султана с войском отправил в погоню за врагом. При шибанидском султানে находился и Таваккул со своей “личной дружи-

ной (хассе)”. Казахский султан первым обнаружил отряд неприятеля и “при первом же нападении уничтожил людей противника”. В другой раз Таваккул легко захватил в плен “неуловимого Та-хир-султана”, сына Науруз-Ахмада, брата Баба-султана, за которым люди Ибадулла-султана, брата Абдуллы, “тщетно охотились” в течение долгого времени. Летом 1582 г. Таваккул пленил самого Баба-султана и “отсек спесивую голову” тому, кто был главным политическим соперником Абдуллы на протяжении двадцати с лишним лет. Доблестным и удачливым был воином сын Шитая – Таваккул-султан.

И еще, Таваккул был хорошим сыном. Своего отца, пока тот был жив, он почитал с присущим ему уважением к старшим. Не искал в его деяниях какие-либо недостатки, не покидал отца в години испытаний. Лишь похоронив его под сенью Али-Аты, Таваккул пошел своим собственным путем. Путь этот, как мы уже знаем, привел его сначала к трону, а затем к славе покорителя Туркестана и главных городов Мавераннахра. Отцепочтительным сыном и целеустремленным султаном был хан казахов Таваккул.

Какие качества присущи Таваккулу еще?

У Таваккула развитое чувство долга: находясь при свите Шибанида Абдуллы, он служит ему честно, “не щадя живота своего”;

Таваккул способен на решительные поступки: коль возникло подозрение о недоброжелательстве патрона, он, презрев все блага жизни при бухарском дворе и Африкентском вилайете, тут же покидает Мавераннахр и уходит в степь.

Таваккул умеет подчинить обстоятельства: брата он “посадил на калмаках”, сына – на каракалпаках, а сам ведет мирные переговоры с Московским царем и заодно готовится к войне с бухарским ханом.

Таваккул способен увлечь за собой людей: в смутное время и в течение последующих нескольких десятилетий, до воцарения Таваккула, об единодушии казахских султанов и мечтать не приходилось, а тут в 1598 году Таваккул-хан выступает в поход на Мавераннахр во главе 120-ти казахских султанов и огромной 90-тысячной армии, и это просто поразительно – в местности Кан-и Гил под Самаркандом все 120 казахских султанов, следуя личному примеру хана, разом вступают в число мюридов (последователей) суфийского шейха Ходжа Исхака [Мухаммад Аваз, л. 366; Юдин, 1966, с. 75]. Яркой, сильной личностью был предводитель казахов Таваккул-хан.

Итак, потомки Абу-л-Хайр-хана и потомки Урус-хана пришли к завершению шестнадцатого столетия по-разному: династия Шибанидов в Мавераннахре дожила свой век, а предводитель казахов Таваккул дожил до своего триумфа и славы.

6. Ханы-узурпаторы, ханы-воители и ханы-реформаторы

Ишим-хан. Турсун-хан.

Джахангир-хан. Тауке-хан.

В XVII столетии международное положение Казахстана значительно изменилось. На восточных границах казахских владений образовалось Джунгарское ханство (1635-1758) – последнее в истории Центральной Азии сильное кочевое государство. Казахам пришлось вести упорную и тяжелую борьбу с ойратами (калмаками-джунгарами) из-за обладания кочевьями в Семиречье.

Крупные изменения произошли и на юго-западе страны. После смерти бухарского хана Абдуллы в 1598 г. созданное им государство распалось, вскоре прекратилось и господство династии Шибанидов в Мавераннахре; к власти в Бухаре пришла новая династия – Джанидов, или Аштарханидов. Вопрос о том, кто был первым государем новой, Джанидской, династии – Джани-Мухаммад-султан или его сын Баки-Мухаммад-султан – дискутировался на страницах научной печати многократно, но до сих пор остается не совсем ясным [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 345-362; Абдураимов, 1966, с. 56-57; Гафуров, 1972, с. 560-561; Ахмедов, 1994, с. 161-171; Burton, 1988, р. 482-488]. Для нашей темы достаточно отметить следующие факты.

Основатель новой династии Джани-Мухаммад-султан (Джанибек-султан) был из потомков Тука(й)-Тимура, сына Джучи-хана, сына Чингизхана, которые правили в Астрахани (Хаджи-Тархан, Аштархан – мусульманских источников). Когда в начале второй половины XVI в. Астраханское ханство (образовано в середине XV в.) было присоединено к России, Джани-Мухаммад бежал к Шибанидам Мавераннахра и нашел убежище у отца Абдуллы, Искандара, который радушно принял султана-Джучида и даже выдал замуж за него свою дочь; от этого брака у Джани-Мухаммада родился сын; младенцу нарекли имя Баки-Мухаммад. Когда в Бухаре произошла смена династии, то новая династия получила название Джанидов (по имени династа Джани-Мухаммад-султана), или Аштарханидов (по месту происхождения – из Астрахани-Аштархана). Династия Джанидов правила в Мавераннахре до 1200/1785-86 г.

В связи с падением династии Шибанидов и приходом Джанидов значительно сократились пределы

Бухарского ханства. Согласно автору "Бахр ал-асрар", при воцарении Джанидов государство было разделено всего лишь на шесть уделов: Бухара, Самарканд, Сагардж, Ура-Тюбе, Шахрисябз и Хузар. В XVII в. Ташкент, город Туркестан, Сайрам, Андижан и ряд других культурных областей Средней Азии большей частью находились под властью казахских ханов и султанов. Власть первых Аштарханидов, не имевших в государстве прочной опоры на узбекские племена, была незначительна, к тому же она ослаблялась борьбой представителей этой династии между собой, отличавшейся большим ожесточением. Казахские ханы и султаны, пользуясь упадком политической мощи Бухары, не упускали случая извлечь для себя из этого выгоду. Они вторгались во владения Джанидов, опустошая своими набегами пограничные и центральные районы Средней Азии, а иногда принимали участие в борьбе партий, то выступая против "бунтовщиков", то примыкая к последним и идя против "законного правителя". Порою ханы Казахских степей и ханы Бухары заключали союз между собой и, объединив военные силы, выступали против общего врага – ойратов, экспансия которых на запад несла уже серьезную угрозу суверенитету и Казахского ханства, и государства Джанидов в Мавераннахре.

В первые три десятилетия XVII века политическая обстановка внутри Казахского ханства была не стабильной: в стране соперничали между собой различные султанские фамилии, борясь за власть. Но междоусобицы не привели к упадку ханства. Преемникам враждовавших между собой казахских ханов Ишима и Турсуна удалось не только сохранить политическое единство Казахского государства, но провести целый ряд реформ и достичь значительного внутреннего укрепления.

Необходимо отметить здесь одно важное для нашей темы изменение в общественно-политической жизни Казахского ханства XVII в. Есть прямые свидетельства источников, где говорится о том, что владелица степей всегда окружала многочисленная группа советников, помощников, военачальников, а также личная дружина (обеспечивавшая охрану его самого, его семьи и имущества) и челядь (прислуживавшая хану в повседневном быту). Но в то же время в источниках ничего не говорится ни о ханских дворах, ни о постоянном местопребывании казахских ханов до XVIII в. Правление казахских ханов в XV-XVI вв. протекало в разъездах по степи среди кочевий. То было время, когда столицей ханов служило их седло. Положение изменилось на рубеже XVI-XVII вв., когда в руки казахских владетелей перешли Ташкент и Туркестан с прилегающими областями. В XVII - первой половине XVIII вв. эти города попеременно являлись местом пребывания казахских ханов и политическими центрами ханства. Там ханы имели "особые дворы", а когда они отправлялись с ордой кочевать в степь, в столице оставалось управлять их доверенное лицо.

А теперь познакомлю читателей с родословием и жизнью казахских ханов XVII в. в той последовательности, в какой они правили. Поскольку Ишим-хан правил дважды, сначала только упомяну его имя, а рассказы о нем изложу после приведения обстоятельств жизни Турсун-хана.

Ишим. Его отцом был Шигаи-хан, а матерью – Йахшим-бикем "из Джагата" [Кадырали-бек, с. 164]. Имя Ишим представляет собой сокращение от двусоставного имени Иш-Мухаммад. Оно образовано по типу: Достум – собственно Дост-Мухаммад, Хаджжим – собственно Хаджжи-Мухаммад, Нурум – собственно Нур-

Мухаммад. Как отмечал еще Н.И. Веселовский (1877, с. 106), такое сокращение довольно частое явление в практике среднеазиатских народов. Образование сокращенного имени, подобного названным, обычно происходит так: имя Мухаммад при произношении превращается в одну букву мим, которая прибавляется к предыдущей части имени. Сына Шигая мы будем называть в дальнейшем не его полным именем – Иш-Мухаммад, а его сокращенным именем – Ишим, под которым он вошел в историю.

Ишим стал ханом осенью 1598 г., после смерти своего единоутробного брата Таваккула. Напомню, жизнь Таваккула унесла война: он погиб смертью воина во время похода казахских султанов на Мавераннахр от полученных в ходе боев ран. Кто мог занять место хана Таваккула, как не Ишим-султан? Сыновья умершего хана были еще несовершеннолетними (см. выше), а их дядя по отцу Ишим был в тот момент правителем (вали) Ташкента и одновременно являлся главой (ра'с ва ра'ис) многотысячной действующей армии казахов, по случаю войны сосредоточенной в вилайете Туркестан и по первому призыву своего ра'и-са готовой к новым свершениям. К тому же Ишим был славным султаном и отважным воином, испытанным в государственных делах мужем и привычным к военному образу жизни полководцем. Так или иначе, большинство султанов и воинов сошлись в одном – быть ханом казахов Ишим-султану, сыну Шитая.

У Шигай-хана было не менее двенадцати сыновей, а в осеннем походе 1598 г. на Мавераннахр участвовали более 120-ти казахских султанов. Надо ли удивляться, что у новоизбранного хана Ишима были и недоброжелатели в среде казахских султанов. Вспомним Мольера: “Завистники умрут, но зависть – никогда!”.

Среди политических соперников Ишим-хана историчники особо выделяют двух султанов – Лже-Абд ал-Гаффар и Турсун-Мухаммад. Рассказ о первом из них содержится в “Мусаххир ал-билад” Мухаммад-Йара ибн Араба Катагана. Описываемые Мухаммад-Йаром события имели место после смерти Шибанида Абдуллы и его преемника Абд ал-Мумина, когда в Мавераннахре правил Джанид Баки-Мухаммад, а в Казахстане – Ишим-хан. Осень 1012/1603 г., соответствующему году Барса, каракалпакский народ в Туркестане некоего человека нарек Абд ал-Гаффар-султаном (т.е. сыном Шибанида Баба-султана; см. выше, раздел “Таваккул”) и посадил на трон. Тогда из Ташкента и Сайрама прибыли Ишим-хан, Бахадур-султан и другие казахские султаны с войском и двенадцать дней сражались с Лже-Абд ал-Гаффар-султаном. Тринадцатый день оказался роковым для казахов – они потерпели поражение и Лже-Абд ал-Гаффар-султан овладел вилайетом Туркестана, Сайрамом, Ташкентом, Ахсикентом, Андуганом и сделал столицей Ташкент. В 1013 году, соответствующему году Зайца, весной (1605 г.), он вышел из Ташкента и разбил лагерь на поляне Кара-Камыш, что в полуфарсах (около 3-3,5 км) от ворот города. Так случилось, что в это самое время Ишим и Бахадур, выступившие с войском из Ала-Тага на войну с Лже-Абд ал-Гаффаром, подошли к окрестностям Ташкента. Им удалось захватить “языка”, и тот рассказал все что знал. Осведомленные об обстоятельствах Лже-Абд ал-Гаффар-султана, Ишим и Бахадур на рассвете нагрянули на лагерь в Кара-Камыш. Лже-Абд ал-Гаффар-султан еще спал. От конского топота он проснулся и в испуге выбежал из шатра. “В этот миг появился Ишим-хан и громадной саблей пронзил ему брюхо” [Юдин, 1971, с. 156-157; Абусейтова, 1985, с. 61-62].

Другой политический соперник Ишим-хана – Турсун-султан – оказался более удачливым: он узурпировал ханскую власть в 1022/1613-14 г. и правил около 13-ти лет. Поэтому ниже о нем дается отдельное повествование.

Турсун. Его полное имя было Турсун-Мухаммад-султан. Родовое происхождение Турсун-Мухаммада до настоящего времени остается не вполне выясненным. В некоторых русских источниках Турсун-хан назван братом Ишим-хана [МИРМО, 1959, с. 136]; так считали М.А.Абдураимов (1966, с. 114-115). Между тем в четвертой части шестого тома “Бахр ал-асрар”, которая хранится в Англии и стала доступной нашим ориенталистам лишь недавно, он назван сыном Джалим-султана [Султанов, 1982, с. 119].

Имя Джалим-султана упоминается как в русских, так и в мусульманских источниках. В частности, в донесении Семена Мальцева, посла русского царя к ногайскому Урус-мурзе, сообщается о том, что в 1569 г. казахский Хакк-Назар-хан и вместе с ним 20 казахских султанов, в том числе “Шигай-царевич и Челым-царевич”, приходили в Ногайскую Орду и устроили там погромы [Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 323]. Джалим-султан погиб весной 1580 г. Смерть его была такова.

В апреле 1580 г., рассказывает Хафиз-и Таныш, владетель Ташкента Шибанид Баба-султан направил к предводителям казахов посла по имени Джан-Кули-бий с предложением объединить военные силы и совместно выступить против бухарского хана Абдуллы. Хакк-Назар-хан, Джалим-султан и некоторые другие казахские султаны составили заговор с целью убить Джан-Кули-бия, а затем покончить и с Баба-султаном. Однако, случайно, заговор был раскрыт. Человек, который должен был убить Джан-

Кули-бия, из жалости отпустил его, и тот успел предупредить Баба-султана о заговоре. Тем временем Джалим-султан, которому было поручено покончить с владетелем Ташкента, “ничего не зная обо всем этом, вместе с двумя своими сыновьями и двумя сыновьями Хакк-Назар-хана с огромной толпой людей пошел к Баба-султану. Встреча произошла на берегу реки Шараб-хане. Посоветовавшись, они пришли к такому решению. Баба-султан вместе с ними пойдет к Хакк-Назар-хану и как прикажет Хакк-Назар, так они и поступят. Когда, договорившись об этом, они вложили ноги в стремя и сели на коней, Баба-султан взялся рукой за поводья коня Джалим-султана и приказал, чтобы храбрецы, подобные крокодилам, воители-леопарды войны, которые были в его войске, тронув своих коней, напали на Джалим-султана и на четырех юношей.

Не успели еще люди этого отряда, страшного, как бедствие, вытащить руки из ножен смелости, как их уже убили беспощадным мечом. Поверхность степи окрасилась кровью их, точно была усеяна тюльпанами” [МИКХ, с. 253-254].

Родословная Джалим-султана неизвестна. В примечаниях к переводу отрывков из “Шараф-наме-йи шахи” Хафиз-и Таныша [МИКХ, с. 536, прим. 9] и в “Истории Казахской ССР (1979, т. 2, с. 275) он, без указания источников, назван братом Хакк-Назара, то есть – сыном Касим-хана. У Джалим-султана была дочь, которая, между прочим, была замужем за Баба-султаном [МИКХ, с. 253]. Два его сына, как мы уже знаем из рассказа Хафиз-и Таныша, еще в юношеском возрасте погибли вместе с отцом от руки Баба-султана. А вот третьему сыну Джалим-султана – Турсун-Мухаммаду – суждено было пережить своих братьев на 47 лет и умереть в ханском достоинстве.

Подробности узурпации Турсун-султаном ханской власти в Казахских степях не освещаются ни в одном из известных нам источников. Ясно одно, что в своей борьбе за верховную власть в Казахском ханстве Турсун-султан пользовался поддержкой Джанида Имам-Кули-хана (правил в 1611-1642 гг.), который был заинтересован в том, чтобы у власти в бывших восточных областях Бухарского ханства находился, если и не член его семьи, то хотя бы его надежный ставленник из числа казахских султанов. По сообщению Махмуда ибн Вали, в 1021/1612 г. Турсун-султан отправил гонца в Бухару с жалобой на то, что-де некоторые "казахские султаны, заключив договор об единстве с племенами кыргызов и калмаков, наводят ужас и грабят улусы Турсун-султана на берегах Сыр-Дарьи" [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 1046]. В 1022/1613-14 г. Имам-Кули-хан выступил в поход на Ташкент и "другие восточные вилайеты". После переправы через Сыр-Дарью в "высочайший лагерь" с небольшой свитой приближенных прибыл Турсун-султан, сын Джалим-султана, который "забрал в свои руки бразды правления Ташкентом и прочими вилайетами тех пределов". После того как бухарский хан одобрил захват им власти, возвратился к себе [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 101а-106а; Султанов, 1982, с. 119]. В русских документах, датированных 1616 и 1620 гг., Турсун-хан прямо называется "посаженником" (ставленником) "бухарского царя Имямкули" [МИРМО, 1959, с. 49, 105; МОЦА, 1989, с. 40].

Улусный султан Турсун-Мухаммад, сделавшись верховным ханом казахов, обосновался в Ташкенте, и в знак самостоятельности своего правления, по сообщению информированных среднеазиатских авторов XVII в., стал чеканить там собственную монету и собирал с населения "бадж и харадж", т.е. пошлину и по-

земельный налог [МИКХ, с. 315]. При Турсун-хане власть казахов в оседлых районах Туркестана распространялась на Ташкент, Бискент, город Туркестан, Сыгнак, Сузак, Сауран, Шахрухия, Андижан и т.д., за которые происходили постоянные войны между бухарским ханом и казахскими султанами. Но огромная и многолюдная страна не только воевала. Согласно русским источникам, при Турсун-хане "торговые люди" ханства вели успешную торговлю с Казанью и сибирскими городами [МИРМО, 1959, с. 140; МОЦА, 1989, с. 69].

Турсун-Мухаммад-хан был властелином могучим и внушающим страх соседним правителям. Ойратские властители, по свидетельству самих ойратов, побаивались Турсун-хана: "потому что им Турсун-царь силен" [МИРМО, 1959, с. 136]. Он неоднократно разбивал наголову бухарского хана. Турсун-хан, по свидетельству его современника Махмуда ибн Вали, в случае необходимости мог выставить армию численностью до 100 тысяч человек, как это было, например, в 1623 г. во время его победоносного похода на Мавераннахр против объединенных сил Имам-Кули-хана [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 300].

Как уже говорилось, улусный султан Турсун-Мухаммад возвысился до положения старшего хана казахов в результате интриг и благоприятного стечения обстоятельств. Он и впрямь, судя по материалам источников, был человеком надменным и честолюбивым, вместе с тем хитрым и коварным. Власть усилила честолюбивые стремления хана-узурпатора. Узурпатор, как известно, всегда испытывает страх за свою власть и жизнь. Чтобы сохранить свою власть и жизнь, Турсун-Мухаммад, презрев обычай и моральные устои, совершил немало дерзких и даже низменных поступков. Но в эти лично-удачные годы, когда

его честолюбивые желания довольно легко исполнялись, в эти блаженные дни упоения властью он и предположить не мог, что через некоторое время все его козни и интриги возвернутся бумерангом и на него обрушится величайшее несчастье, какое только может разразиться над государями: его предадут и казнят собственные нукеры.

Отношения Турсун-Мухаммада с прежним ханом, Ишимом, складывались по-разному: порою они обострялись и доходили до военных столкновений, но затем ханы "прощали друг друга и снова завязывали узы дружбы". Однако угли вражды тлели постоянно, и, в конце концов, в 1036/1626-27 г. между ними вспыхнул пожар большой войны и дела обернулись таким образом, что "гумно жизни" хана-узурпатора сторело в пламени той войны.

Междоусобная война казахских султанов и гибель Турсун-хана подробно описывается в четвертой части шестого тома "Бахр ал-асрар" [Султанов, 1982, с. 119-120; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 301-302; МИСиЦА, 1988, с. 248-249]. Для полноты сюжета приведу краткий пересказ этого длинного описания историка первой половины XVII в. Махмуда ибн Вали.

В указанный год (1036/1626-27 г.), пишет Махмуд ибн Вали, Ишим решил устроить набег на *йурты* калмаков. Он собрал под свои знамена "все войско алачинов" и других подвластных племен улуса, а также часть катаганов, двинулся "в один из пределов Могилистана", напал на становища калмаков и подверг их разграблению. Тем временем Турсун-хан идет на коварство, решается на насилие: пренебрегая законами родства и кодексом чести, он отправляет войско на орду (ставку) Ишим-хана, которая располагалась "в одной местности Туркестана", для захвата и истребления оставшихся там без защиты людей. Воины от-

ряда прибыли в орду, перебили множество людей, а рыдающих жен и детей Ишим-хана со всей челядью доставили в Ташкент. Турсун-хан, окрыленный успехом, решил покончить и с самим Ишим-ханом, своим популярным и влиятельным политическим противником: "застать его врасплох и схватить его в пути". С этой коварной мыслью он отправился со своим войском навстречу Ишиму.

Стороны встретились в окрестностях Сайрама, обе рати сошлись и "растопили печь сражения". Воинство Турсун-хана потерпело поражение и отступило к Ташкенту. Однако же, когда Турсун-хан с остатками разбитого войска добрался до Ташкента, узнал, что "невестка царства уже находится в объятиях другого". Тогда он вновь выступил в степь на войну против Ишим-хана. Повторное сражение воинов двух казахских владетелей состоялось в окрестностях Ташкента. В разгар боя разыгралась трагедия: приближенные Турсун-хана, люди, которые должны защитить его жизнь, вдруг "вышли из круга повиновения", разом напали на него и умертвили хана. Его голова была отделена от туловища и доставлена Ишим-хану, который в свою очередь отправил голову поверженного соперника "в чертог Имамкули-хана". Так трагически погиб, став жертвой собственной интриги, один из могущественных казахских владетелей XVII в.

Наши сведения о генеалогии Турсун-хана фрагментарны. После гибели хана, по сообщению Шах-Махмуда Чураса, его сын (имя его в источнике не приводится) бежал из Ташкента в Яркенд. Абд ал-Латиф-хан могол отобрал у Мирзы Курбана должность хакима (правителя) Кашгара и отдал сыну Турсун-хана. Но жители Кашгара прогнали казахского султана [Хроника, с.205]. В "Бахр ал-асрар" называются имена трех сыновей Турсун-хана: Мухаммад-султан, Шах-Саид-

султан, Баки-султан [Султанов, 1982, с. 120]. Последний был убит людьми Имам-Кули-хана в начале 1048/1638 г. Известно имя одного из его внуков – Мухаммад-Йар-султан; в 1635 г. он принимал участие в осаде Ташкента казахскими султанами [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 121а]. В “Хронике” Шах-Махмуда Чураса (с. 201) отмечается, что матерью Абд ал-Латиф-хана могола была Ханым-падишах, сестра Турсун-хана казаха, “умнейшая женщина своего времени”.

Ишим. (продолжение). После гибели Турсун-хана Ишим во второй раз стал старшим казахским ханом. Именно в это время Ишим-хан, очевидно, истребил значительную часть племени катаган, которые, по словам Абу-л-Гази, являлись опорой Турсун-хана. Уцелевшие катаганы частью ушли в Афганистан, частью остались в Кыргызстане и впоследствии вошли в состав кыргызской народности [История Кыргызской ССР, 1984, т.1, с. 451]. Однако Ишим-хан ненадолго пережил своего соперника: согласно известиям Махму-да ибн Вали, современника хана и историка Аштарханидов, он умер естественной смертью в самом начале 1038 г.х. (сентябрь-октябрь 1628 г.). Ишим-хан похоронен в городе Туркестане, подле мечети Ходжа Ахмада Ясави; тогда же над могилой хана был построен “особый, небольшой, ныне совершенно разрушившийся мавзолей” [Массон, 1930, с. 8].

Ишим был правителем, который и в частной и общественной жизни действовал открыто и честно, не прибегая, как его именитый недруг Турсун-хан, к интригам, тайным сговорам и коварным поступкам. Он был свободный от гордости и честолюбия, приветливый и простой человек. Иными словами, Ишим был достойным ханом, славным и необходимым государству султаном. Но обстоятельства его жизни, как уже говорилось, сложились таким образом, что он лет на

двенадцать фактически был отстранен от участия в управлении страной. Едва ли не добрую половину этих мучительно долгих двенадцати лет Ишим-хан провел среди калмаков, кыргызов и моголов. Замечательно, что и там, на чужбине, в положении изгоя, он показал себя достойнейшим султаном и заслужил уважение людей. Вот подлинные слова источников.

В документе, датированном декабрем 1616 г., говорится так: “Ишим-царевич живет ныне в Колматцкой земле и кочует с колмаки. А колматцкие люди его почитают. А людей его с ним только де 15 человек” [Русско-китайские отношения, 1969, с. 49-50; Ва (Meley, р. ССХVII-ССХVIII)].

Около 1028/1618-19 г. Ишим-хан со своими ближайшими родственниками удалился в Восточный Туркестан. Там, по словам автора “Тарих-и Кашгар”, его призвал на службу могольский Абд ар-Рахим-хан. Но Ишим-хан заявил: “Я пришел на служение. У меня есть друзья и враги. Они скажут: “Ишим-хан поступил к Абд ар-Рахим-хану нукером”. Я надеюсь, что вы возвеличите этого раба и сделаете его зятем”. Это заявление Ишим-хана понравилось Абд ар-Рахим-хану, и он отдал ему свою дочь Ай-Ханым-падишах и сделал его зятем” [МИКХ, с. 417-418]. Абд ар-Рахим могол и в дальнейшем оказывал Ишим-хану “должный почет и уважение”, как выражается Шах-Махмуд Чурас.

Согласно сообщению автора “Бахр ал-асрар”, Ишим-хан покинул Восточный Туркестан и вернулся в Ташкент около 1033/1623-24 г. В 1624 году он принимал участие в походе Турсун-хана на Андижан. Валием (управителем) Андижана тогда был Ханзаде-султан, сын казахского султана Келди-Мухаммада. Вали запросил помощи у Имам-Кули-хана; хан откликнулся и отрядил войско. Вспомогательный отряд прибыл

как раз тогда, когда казахские султаны осаждали крепость Ахси. Произошло сражение. Войско бухарского ханства потерпело поражение и отступило. Казахские султаны захватили несколько крепостей, разграбили их и ушли в сторону Ташкента и Туркестана [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 1086-109а].

Местом пребывания Ишима в эти годы являлся г. Туркестан – так, видимо, определил Турсун-хан. Он жил себе, прежний старший хан, в отведенном ему городке и не давал себе воли, по-прежнему был прост в общении, гостеприимен и учтив. Тут я сошлюсь на свидетельство Абу-л-Гази. В 1625 г. этот Шибанид бежал из Хорезма от своих политических соперников, прибыл в г. Туркестан и прожил там, у Ишим-хана, три месяца. Вот рассказ самого Абу-л-Гази. “Я отправился, – пишет будущий хивинский хан и историк, – к казахам. В Туркестане, у Ишим-хана, я провел три месяца. В то время [старшим] ханом казахов был Турсун-хан. Он приехал в Туркестан из Ташкента. Ишим-хан отправился повидаться с ним; меня же оставил дома. Возвратившись после свидания с Турсун-ханом, Ишим взял меня с собою, повел к хану, представил ему и сказал: “Это Абу-л-Гази из рода Ядгар-хана. До сих пор еще никто из членов этого дома не приезжал гостить к нам; наших же пребывало у них много. Было бы желательно, чтобы он находился при Вас”. “Хорошо, – сказал Турсун-хан, – пусть будет посему”. Он взял меня с собою и привез в Ташкент. В Ташкенте, у Турсун-хана, я провел два года” [Абу-л-Гази, т. 1, с. 306-307].

Замечу, что в 1625 г. Абу-л-Гази было 22 года (он родился в августе 1603 г.), а Ишим-хану – лет под шестьдесят, не меньше. Но он устраивает, хлопочет о молодом султানে перед старшим казахским ханом, заботится о госте как может. Добрая душа этого замечатель-

ного человека всегда была начеку и тотчас являлась на помощь в трудных случаях.

С ханом Турсуном он держится в границах благопристойности, следит за тем, чтобы не переступить черты придворных условностей. При всей своей незаурядной храбрости и отваге владелец “громальной сабли” Ишим-хан был, видимо, человеком мягкого характера, склонным к всепрощению. Иначе как еще можно интерпретировать рассказ Абу-л-Гази и другие приведенные выше материалы о взаимоотношении Ишима с Турсун-ханом?

Так бы ни шатко, ни валко все, вероятно, и продолжалось, если бы не шальный характер Турсун-хана. Он по многим причинам очень боялся Ишима и поэтому постоянно злоумышлял против него. А в 1036/1626-27 г., как уже говорилось, он вдруг вовсе решил лишиться Ишим-хана жизни и, когда тот возвращался с похода на йурты калмаков, напал на него. Но опытный в военном деле Ишим-хан, зная норы Турсун-Мухаммада, не дал застать себя врасплох. Завязалось побоище. Турсун-Мухаммад потерпел поражение и бежал в Ташкент, но только для того, чтобы спустя несколько дней найти смерть от рук своих же приближенных. Ишим во второй раз взошел на трон.

Человек многих достоинств, Ишим-хан оставил о себе добрую память. По словам российского ученого начала XIX в. Г.И. Спасского (1820, с. 168-169), к Ишим-хану казахи “дныне имеют особенное уважение”. Народное предание связывает с его именем создание Уложения, известного как “Есим ханнын ески жолы” (“Древняя дорога хана Есима”) [Гродеков, 1889, с. 24-26].

У Ишим-хана, очевидно, было много жен. Одна из них была дочерью могольского Абд ар-Рахим-хана, другая – дочерью ойратского владетеля Хо-Урлюка [МИКХ, с. 418; МОЦА, с. 53]. Сколько было детей у

Ишим-хана, в точности неизвестно. По словам Махмуда ибн Вали, у него было “дорогое дитя” по имени Джанибек-султан. Около 1611 г., когда Ишим-хану на время удалось сделать обширные завоевания в Средней Азии, Джанибек-султан был назначен управителем области Сагардж [Бахр ал-асрар, т. 6, ч. 4, л. 986-1026]. Другого сына Ишим-хана звали Джахангир-султан. Он был ханом; о нем будет отдельное повествование. По сведениям А. Левшина, у Джахангира был брат по имени Сырдак-султан; у него был сын, которого также звали Сырдаком, его сын Керев-султан (очевидно, Хосроу-султан. – Т.С.), его сын “Каип-хан, писавший в 1718 году к Петру Великому” [Левшин, 1832, ч. 2, таблица I].

Джахангир (Джангир, Янгир). Он был сыном Ишим-хана. Судя по сведениям Махмуда ибн Вали, Джахангир-султан не наследовал престол непосредственно после отца. Точная дата начала его правления неизвестна. Осенью 1634 г., согласно рассказу автора “Бахр ал-асрар” (т. 6, ч. 4, л. 121а), казахские владетели – Джахангир-султан, Назар-султан и Махмуд-Йар-султан – пришли с войском и осадили Ташкент, но успеха не имели и отступили. В 1635 году во время войны с ойратами Джахангир попал в плен и провел у калмаков некоторое время. Вот копия текста “Из распросных речей послов князя Абака в Тобольской приказной избе о столкновении калмыков с казахами”, датированного 19 июля 1635 года. Ссылаясь на рассказ калмаков, прибывших к ним из Джунгарии, они сообщали, “что черные колмаки тайши, Талай-тайша, да Контайша, да Кужи-тайша, да Тоургача-тайша со всеми черными колмаки сее зимы ходили на Казачью орду, а Казачьи орды люди пошли было на черных колмаков. И как де черные колмаки сошлись Казачьи орды с людьми, и был де у них бой великой. И

черные де колмаки Казачьи орды людей побили и взяли у них царевича Янгира Ишимова сына, а Ишим в Казачьей орде был царь, и тот де царевич в черных колмаках” [МИРМО, 1959, с. 278].

Освободившись от унижительного плена по какой-то счастливой случайности, Джахангир остался на всю жизнь непримиримым врагом ойратов и не переставал беспокоить их частыми набегами. В борьбе с калмаками казахский хан пользовался, видимо, какой-то поддержкой моголов Кашгарии. Во всяком случае, Джахангир и могольский хан Абдаллах поддерживали добрососедские отношения и обменивались посольствами. По сообщению Шах-Махмуда Чураса, во главе одного казахского посольства стоял сью Джахангира Тауке-султан, а другого – старший его сын Апак-султан [“Хроника”, с. 226; МИКХ, с. 385].

Источники, относящиеся к этому периоду, упоминают помимо мелких столкновений несколько крупных сражений между казахами и ойратами. Одно из них имело место в 1643 г. На исходе зимы указанного года многотысячное войско джунгар вторглось в пределы Казахского ханства. Нападение было столь неожиданным и стремительным, что Джахангир-хан успел собрать лишь 600 человек. Но он умело воспользовался гористой местностью и так искусно распорядился своим небольшим отрядом, что одержал блистательную победу. Половине своих людей “с огненным боем” он велел окопаться в узком проходе между горами, а “сам с тремястами стал в прикрытой за камнем”. Когда ойратские воины напали на окопы, их встретил шквальный ружейный огонь, а Джахангир ударил с тыла. Калмаки были смяты и, потеряв “на тех двух боях людей тысяч здесять”, отступили. Вскоре подоспел на помощь казахам известный узбекский военачальник Ялан-

пуш-бий алчин с 20 тыс. человек. Хун-тайши, “увидя тех воинских людей, пошел назад, а тех людей, которых он, Контайша, взял у Янгира, увел с собою” [МОЦА, 1989, с. 103-104; Фишер, 1774, с. 444-445].

За личную храбрость и военные победы, согласно фольклорным материалам, казахи прозвали Джахангира – Салкам [Моисеев, 1991, с. 46].

Отношения между Казахским ханством и Бухарой при Джахангире в целом, видимо, были мирными. В источниках отмечаются лишь мелкие столкновения; но они иногда имели важные последствия. В частности, на третьем году правления преемника Аштарханида Имам-Кули-хана, его брата Надир-Мухаммада (1642-1745), казахи в своем набеге на Мавераннахр дошли до Ходжента и явились косвенной причиной возведения на престол Абд ал-Азиз-султана. Согласно автору “Тарих-и Муким-хани”, все это произошло так.

В 1645 году казахи овладели областью Ходжента и самой одноименной крепостью. Этим обстоятельством своеобразно воспользовались некоторые влиятельные люди данного вилайета, недовольные политикой Надир-Мухаммада. Они составили заговор против бухарского хана и выдвинули Абд ал-Азиз-султана, старшего сына Надир-Мухаммада, в качестве начальника военных сил, действующих против казахов. Когда казахи покинули Ходжент, заговорщики ввели в крепость султана Абд ал-Азиза и провозгласили ханом. “Этот же царевич, принимая во внимание права отца по отношению к сыну, не соглашался стать ханом. Когда же стало ему известно, что если он не послушается слов этого народа (т.е. заговорщиков), то ему угрожает гибель, тогда он по необходимости предоставил в их руки поводья своей воли” [Мукимханская история, с. 94].

Год смерти Джахангир-хана обычно датируется 1680 годом. Между тем, как это видно из сообщения,

содержащегося в описании биографии ойратского ученого XVII в. Зая-Пандиты, он погиб в 1652 году. “В эту зиму [год Дракона – 1652 г.] , – читаем в биографии, – Цяцян хан покорил Бурутов. В этом походе 17-летний Галдан убил Янгар хана” [“Биография Заяпандиты”, л. 24б; “Лунный свет”, с. 37; Султанов, 1982, с. 121].

Сколько было детей у Джахангира, в точности неизвестно. По сведениям Шах-Махмуда Чураса, одна дочь Джахангир-хана (имя ее в источнике не приводится) еще при жизни отца была выдана замуж за сына могольского хана Абдаллаха, Юлбарс-султана [Акимовский, 1970, с. 248].

Согласно “Силсалат ас-салатин” другая дочь Джахангира по имени (или прозвищу) Казак-ханым в начале 40-х годов XVII в. была выдана замуж за Аштарханида Абд ал-Азиза, впоследствии хана Бухары [Машрапов, 1991, с. 70-71].

Известны имена двух его сыновей. Старшего звали Апак, а точнее – Аппак-султан; имя Аппак представляет собой усиленную форму тюркского прилагательного ак (“белый”) и означает “белый-пребелый”, что, видимо, указывает на внешнюю особенность носителя такого имени. Аппак-султан между 1638-1652 гг., то есть при жизни отца, ходил послом к могольскому хану Абдаллаху [“Хроника”, с. 226]. Были ли у него дети или нет, не известно.

Второй сын Джахангира – Тауке-султан. Он был ханом; о нем будет отдельное повествование.

Тауке (Тевке, Тявка, Текей, Таваккул). Время Тауке-хана очень слабо освещено в письменных источниках: в сочинениях мусульманских авторов содержатся лишь отрывочные сведения об отдельных событиях его правления; заключенные в китайских источниках сведения о Казахском ханстве XVII в. имеют случайный или фрагментарный характер; в русских архи-

вных фондах имеются лишь несколько документов, связанных с именем Тауке-хана. Зато имя Тауке-хана часто встречается в памятниках устного народного творчества казахов. В народных преданиях казахов время царствования Тауке-хана ассоциируется с “Золотым веком” Казахского государства, когда “народ жил в покое; существовал порядок; были законы и правосудие” [см.: Левшин, 1832, ч. 3, с. 169-170].

Вот краткий свод сведений о Тауке-хане и его времени, которые содержатся в доступных автору настоящих строк источниках и литературе.

Полное имя Тауке, согласно легенде, содержащейся на его личной печати, было – Таваккул-Мухаммад-батырхан [МОЦА, 1989, с. 219]. Наследовал ли Тауке престол непосредственно после отца, неизвестно. Он правил очень долго, прожил богатую событиями жизнь и умер глубоким стариком в 1718 году [Известия о песошном золоте, 1760, с. 116; Левшин, 1832, ч. 2, с. 67]. В XVII веке ханская власть Тауке была достаточно сильной и территориально распространялась на все три казахские жузы. При правлении Тауке-хана число подвластных казахам “городков” в Присырдарье достигало 32 [Материалы, 1933, с. 263, 266; Султанов, 1986, с. 345]. Основным местом его пребывания был город Туркестан.

Тауке был государем умным и окружил себя умными людьми. Здесь достаточно сказать, что членами совета при этом хане были такие чрезвычайно сведущие в обычном праве люди и известные ораторы своего времени, как, например, Толе-бий, Казбек-бий, Айтек-бий. Тауке-хан был трезвым политиком, действующим решительно, но наверняка. Так, условия времени требовали реформ, и он собирает в урочище Куль-Тобе (Сурдарьинская область) своих мудрых биев, и они вместе создают законодательный акт, который известен под названием “*Жети-Жаргы*”, а в научной литературе еще и как

“Законы” хана Тауке, или “Уложение” хана Тауке” [Султанов, 1980, с. 252-262; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 315-324]. Не вдаваясь в подробности состава памятника, отмечу только, что в “Уложение” хана Тауке вошли в основном установления, отвечавшие потребностям военнополитической и социальной жизни казахского общества XVII столетия. Санкционированная в нем совокупность правовых норм действовала в пределах всего Казахского государства. Так путем законодательного урегулирования расшатавшихся было общественных устоев Тауке-хану удалось укрепить хозяйственно-политические связи между жузами, преодолеть политический распад казахского ханства и мобилизовать все наличные силы страны для общей обороны от сильного внешнего врага – ойратов.

Всю свою долгую жизнь Тауке вел активную внешнюю политику. Он уже в молодости, еще при правлении своего отца Джахангир-хана (ум. в 1652 г.), возглавлял посольство к моголам Кашгарии, а в 90-х годах XVII столетия, будучи ханом, участвовал в политических делах Могольского государства в Чалыше и Турфане и решал вопрос, кому быть на троне этого владения [“Хроника”, с. 226; Акимушкин, 1970, с. 245].

При Тауке происходили столкновения с Аштарханидами из-за господства над Присырдарьинскими городами, но большой войны между Бухарским ханством и Казахским ханством не было [Статейный список, с. 381-382; Вельяминов-Зернов, 1864, ч. 2, с. 380]. Зато военные действия между казахами и ойратами уже носили характер организованных и “непрестанных” войн [Бартольд, т. 2, ч. 1, с. 98-101; Златкин, 1983, с. 135-252; Моисеев, 1991, с. 47-76; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 305-312]. В этой долгой войне Тауке-хан умело руководил своим “восьмидесяти тысячным” войском (такое число называет сам хан; см.: Статей-

ный список, с.379), приобрел славу знатока военного дела, человека отважного в сражениях, неустрашимого в опасностях, и за все эти военные заслуги, судя по легенде на личной ханской печати, был удостоен своими подданными почетного титула *батыр* (“герой”, “храбрец”, “витязь”) [МОЦА, 1989, с. 219].

Напомню, что почетный титул батыр (бахадур, багатур) присваивался отдельным лицам за личную храбрость в сражении и за умелое руководство военными действиями. Особо выдающиеся рубаки, многократные герои поля брани получали, как свидетельствует источник XV в., титул или прозвание *толыба-тыр* (*толубахадур*) – собственно “полный герой”, т.е. человек безмерной отваги, стойкости, силы. Как титул слово батыр (бахадур) прибавлялось к собственному имени храбреца. Этот почетный титул мог получить за свои личные воинские качества любой свободный член кочевого общества, будь он рядовым воином или принцем крови [Кляшторный, Султанов, 1992, с. 339-345].

Упорная и многолетняя борьба с Джунгарией создала тяжелую политическую и экономическую обстановку в стране и способствовала сближению Казахского ханства с Россией. Только в 1686-1693 гг. Таукехан отправил в Россию пять посольств с важными дипломатическими поручениями. Сохранилось письмо Тауке-хана Петру I, составленное в октябре 1694 г., с предложением о поддержании дружественных отношений с Россией. В первые десятилетия XVIII в. сношения казахов с Россией оживились. В 1717 году Тауке-хан возбудил просьбу о подданстве казахов России. Но переговоры о подданстве были прерваны смертью Тауке-хана в 1718 г. [Известия о песошном золоте, с. 117; Левшин, 1832, с. 2, с. 66-67; Басин, 1971, с. 104-119; История Казахской ССР, 1979, т. 2, с. 296-297].

Тауке был последним казахским ханом, власть которого признавалась во всем государстве. После его смерти подняли голову *келте ханы* (“мелкие ханы”) и во всех трех жузах казахов появились свои властелины. С тех пор каждый казахский жуз имел свою историю.

Значение роли Тауке-хана в истории Казахстана определяется многим; особо отмечу здесь два момента, как представляется, весьма важных: 1) он был главным инициатором и создателем “Жети-Жаргы” – единственно дошедшего до нас памятника права казахов ханского периода; 2) решительные действия, умная политика хана и его ближайшего окружения, умение соединять верность традиции с новшествами, принципиальность с гибкостью, идеал с реальностями жизни обеспечили в трудные годы борьбы с ойратами сохранение единства Казахского ханства, его политического суверенитета, целостности основных территорий государства.

Тауке-султан был государем от природы: он превосходил всех окружающих умом, отвагой, мудростью и в то же время отличался мягким нравом и справедливостью. Все это создало Тауке-хану огромное уважение при жизни, великую славу в потомстве. В документе, датированном 1748 годом, М. Тевкелев, российский дипломат и переводчик, следующим образом характеризует его: “Тевке-хан был человек умной и у киргисцов (т.е. казахов. - Т.С.) в великом почтении” [Казахско-русские отношения, 1961, с. 406].

Так уж было суждено первому Казахскому государству, чтобы его последний правитель оказался выдающейся личностью; Тауке – единственный из казахских ханов, которого представители старшей плеяды российских ученых поставили в ряд с “Солонами и Ликургами” [см. Левшин, 1832, ч. 3, с. 170].

ЭПИЛОГ

Итак, в 1718 году Тауке-хан умрет во время переговоров с представителями царского правительства, но вопрос о подданстве казахских жузов России не будет снят. Напротив, осенью 1730 г. бии Киши (Младшего) жуза соберутся в одно место, "в середине степи, для рассуждения о делах народных". Абу-л-Хайр-хан, воспользовавшись настроением биев, отправит грамоту в Санкт-Петербург с просьбой о подданстве России казахских жузов. С этого времени судьба Казахстана будет решаться в иных геополитических условиях, в составе Российской империи. Спустя примерно сто лет после начала присоединения Казахстана к России будет ликвидирована ханская власть в Казахских степях. Затем к Северной империи будет присоединена Средняя Азия, так что и народы этой огромной страны разделят сполна судьбу России и Казахстана. Потом грянет октябрьский залп легендарной "Авроры": ударная волна сметет многое из самобытной культуры казахов-кочевников, погубит немалую часть самой нации. Но наступит другой октябрь – октябрь 1991 года, и Казахстан после долгого ожидания наконец провозгласит свой государственный суверенитет.

Не все в историческом прошлом Казахстана было гладко; разрывается сердце, когда читаешь в источнике о деяниях того или иного властелина Казахских степей. Тем не менее, однако, мне хочется завершить свое исследование о "поднятых на белой кошме", ханах Казахских степей, памятными словами великого русского поэта А.С. Пушкина: "Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал".

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абд ал-Карим Бухари, – Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) depuis les dernieres anneés du regne de Nadir Chan (1153), jusquen 1233 de l'Hegire (1740-1818) par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiee, traduite et annotee par Charles Schefer, tome I, Texte Persan. Boulaq, 1290/1873-74.

Абу-л-Гази, – Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan. Publiee, traduite et annotee par Le Baron Desmaisons. Tome 1. Texte. St.-Petersbourg, 1871.

Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI - первой половине XIX века. Том 1. Ташкент, 1966.

Абусейтова, 1977, – Абусейтова М.Х. “Ахсан ат-таварих” Хасан-бека Румлу как источник по истории Казахских ханств. – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1. М., 1977.

Абусейтова, 1981, – Абусейтова М.Х. Из истории казахско-среднеазиатских отношений: события 1598-1599 годов. – Казахстан в эпоху феодализма. (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

Абусейтова, 1983, – Абусейтова М.Х. Из истории внешнеполитических связей Казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. – Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI-XVII вв. Алма-Ата, 1983.

Абусейтова, 1985, – Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.

Акимушкин, 1970, – Акимушкин О.Ф. К вопросу о внешнеполитических связях Могольского государства с узбеками и казахами в 30-х годах XVI в. - 60-х годах XVII в. – Палестинский сборник. Том 21. М.-Л., 1970.

Акимушкин, 1976, – Акимушкин О.Ф. Комментарии к книге: Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976.

Акимушкин, 1984, – Акимушкин О.Ф. Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана), – Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.

Алтан тобчи, – Лубсан Данзан. Алтан тобчи (“Золотое сказание”). Перевод с монгольского, введение, комментарии и приложения Н.П. Шастиной. М., 1973.

Ал-Ахари, – Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и Шейх Увейс (История шейха Увейса). Баку, 1984.

Ахмедов, 1965, – Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов, 1982, – Ахмедов Б.А. История Балха (XVI - первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982.

Ахмедов, 1994, – Ахмедов Б.А. О времени и обстоятельствах смены на рубеже XVI-XVII вв. династии Шейбанидов Аштарханидами. – Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994.

Бабур-наме. Записки Бабур. Ташкент, 1958.

Бартольд, т. 1-9, – Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Том 1-9. М., 1963-1977.

Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971.

Бахр ал-асрар, – Махмуд ибн Вали. Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахийар, т.6, ч.2-3. Фотокопия рукописи Джуррабека (СПб. филиал Института востоковедения РАН, ФВ 82); т. 6, ч. 4, ксерокопия рукописи библиотеки “Индия Оффис”, № 1496, Англия.

Бернье Франсуа. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. Предисловие А. Пронина. Перевод с французского Б. Жуховецкого и М. Томара. М.-Л., 1936.

“Биография Заяпондиты”. Перевод с калмыцкого. Архив востоковедов. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Р. 2, оп. 1, ед. хр. 345.

Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П.А. Грязневича. М., 1971.

Вельяминов-Зернов, 1859, – Вельяминов-Зернов В.В. Монеты бухарские и хивинские. СПб., 1859.

Вельяминов-Зернов, 1864, – Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Часть 1-2. СПб., 1963-1964.

Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. Брюссель, 1939.

Веселовский, 1877, – Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. С.-Петербург, 1877.

Веселовский, 1897, – Веселовский Н. Подробности смерти узбекского хана Мухаммеда Шейбани. М., 1897.

Вяткин, 1927, – Вяткин В.Л. Шейхи Джуибари. I. Ходжа Ислам. – В.В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.

Вяткин, 1941, – Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Том первый. С древнейших времен по 1870 г. Л., 1941.

Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Л., 1972.

Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Том первый. Юридический быт. Ташкент, 1889.

Джувайни, изд. – The Tarikh-i-Jahan-gusha of Ala-ud-Din Ata Malik-i-Juwaini... edited by Mirza Muhammad ibn Abdul-Wahhab-i-Qazwini. Part 1-2. Leyden-London, 1912-1916.

Джувайни, перев., – The History of the World-Conqueror by Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Translated from the text of Mirza Muhammad Qazwini by John Andrew Boyle. Vol. 1-2. Manchester, 1958.

Джусуджани, – Tabakat-i-Nasiri: A general History of the Muhammadan dynasties of Asia, including Hindustan, from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) by the Maulana Minhaj-ud-Din Abu-Umar-i-Uzman. Translated from original Persian manuscripts by H.G. Raverty. Volume 1-2. London, 1881.

Д’Оссон К. История монголов от Чингз-хана до Тамерлана. Том I. Чингизхан. Перевод и предисловие проф. Н. Козьмина. Иркутск, 1937.

Зайончковский А. “Летопись Кипчакской Степи” (Таварих-и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма. – Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 2. М., 1969.

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958.

Зимин Л. Подробности смерти Тимура. – Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992.

Златкин И.Л. История Джунгарского ханства. 1635-1758. М., 1983.

Зубдат ал-асрар, – Абдаллах ибн Мухаммад ибн Али Насраллахи. Зубдат ал-асрар. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, D 104.

Ибн Арабшах, – Ahmed ibn Arabshah. Tamerlane or Timur The Great Amir. Translated by J.H. Sanders. London, 1936.

Ибн Баттута, – Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

Ибн Рузбихан (см. Михман-наме).

Ибрагимов С.К. Еще раз о термине казах. – Сб. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Известие о песошном золоте в Бухарии. – Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. Февраль, 1760 года.

Искандар Мунши. Тарих-и аламарай-и Аббаси. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, С 444.

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

История дома Чингисова. – История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.

История Ирана. – Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.

История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Том 2. Алма-Ата, 1979.

История Казахстана, 1993. – История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы, 1993.

История Киргизской ССР. Том первый. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984.

Кадьрали-бек. – Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Березиным. Том 2, часть 1. Казань, 1854.

Кадьрбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиоров, найманов и киреитов, Алматы, 1993.

Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

Кляшторный, Султанов, 1992. – Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. Изд. второе. М., 1986.

Кочекаев Б. – А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

Кычанов Е.И. Жизнь Темучина, думавшего покорить мир. Чингизхан: личность и эпоха. Бишкек, 1991.

Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. Часть 1-3. СПб., 1832.

“Лунный свет”. – Румянцев Г.Н. “Лунный свет” – история Раб-Джам Зая-Пандиты (перевод с ойратского). Часть 2, – Архив востоковедов. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. Р.1, оп. 3, № 44.

Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. С.-Петербург, 1899.

Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.

Материалы, 1933. – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть 1. Л., 1933.

Материалы, 1955. – Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Махмуд ибн Вали (см. Бахр ал-асрар).

Машрапов Т.Т. Сведения о кыргызах в “Силсалат ас-салатин” Мир Мухаммад Салима. – Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской научной конференции, посвященной памяти В.А. Ромодина. Бишкек, 1991.

МИКК. – Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973.

МИКХ. – Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

Миллер, 1937. – Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 1. М., - Л., 1937.

Миллер, 1942. – Миллер А. Международное положение Казахстана во второй половине XVI века. – Исторический журнал. Книга 8. М., 1942.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Перевод с таджикского с примечаниями А.А. Семенова. Ташкент, 1957.

МИРМО, 1959, – Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения. 1607-1636. Сборник документов. М., 1959.

МИСиЦА, – Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент, 1988.

МИТТ, – Материалы по истории туркмен и Туркмении. Том 2. XVI-XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М., -Л., 1938.

Михман-наме, изд., – *Mehman-name-ye Bokhara* by Fazlollah ibn Ruzbehān Khonji. Ed. by Manooshehr Sotoodeh. Tehran, 1962.

Михман-наме, перев., – Фазлаллах ибн Рузбихан Исфахани. *Михман-наме-йи Бухара.* (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. М., 1976.

Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата. 1991.

МОЦА, 1989, – Международные отношения в Центральной Азии. XVI-XVIII вв. Документы и материалы. Книга I. М., 1989.

Муизз ал-ансаб. Рукопись, Париж, Национальная библиотека, Р. 67.

Мукимханская история, – Мухаммед Юсуф Мунши. *Мукимханская история.* Перевод с таджикского, предисловие, примечания и указатели профессора А.А. Семенова. Ташкент, 1956.

Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам “Вакф-наме”. Ташкент, 1966.

Мункуев, 1965, – Минкуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. Перевод и исследование. М., 1965.

Мункуев, 1970, – Минкуев Н.Ц. Заметки о древних монголах. – Таттаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М., 1970.

Мункуев, 1975, – Минкуев Н.Ц. Введение, комментарий к книге: Мэн-да бэй-лу (“Полное описание монголо-татар”). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и примечания Н.Ц. Мункуева. М., 1975.

Мунтахаб ат-таварих, изд. – *Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Muini* (Anonyme diskandar). Publies par Jean Aubin. Tehefan, 1957.

Мусаххир ал-билад, – Мухаммад-Йар ибн Араб Катаган. *Мусаххир ал-билад.* Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, С 465.

Мухаммад Аваз. Зийа ал-кулуб. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, А 1615.

Мухамамад ибн Хиндушах Нахчивани. *Дастур ал-ка-тиб фи тайн ал-маратиб.* – Архив востоковедов, Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, ф. 52, оп. № 14, тетрадь 10.

Мухаммед Юсуф Мунши (см. *Муким-ханская история*).

Мэн-да бэй-лу (“Полное описание монголо-татар”). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц. Мункуева. М., 1975.

Нестеров Ал. Прошлое Приаральских степей в преданиях киргиз Казалинского уезда. – Записки Восточного отделения археологического общества. Том 12. Вып. 4. СПб., 1900.

Ногайцы, 1988, – Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.

Нусрат-наме, – Таварих-и гузида-йи нусрат-наме. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. В 745.

Даллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть I. СПб., 1773.

Панкратов, 1989, – Панкратов Б.И. Об этимологии титула “Чингис”. – Страны и народы Востока. Вып. 26. М., 1989.

Паноженко Е.А. Политический строй ногайцев в XV-середине XVII в., – Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. № 6, 1987.

Петрушевский, 1980, – Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XVI веков. М.-Л., 1970.

Пищулина К.А. Юго-восточный Казахстан в середине XIV-начале XVI веков. (Вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.

Плана Карпини (см. Путешествия в восточные страны...)

Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М., 1957.

Рашид ад-Дин, – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1-3. М.-Л., 1946-1960.

РКО, 1969, – Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Том 1. 1608-1683. М., 1969.

Рубрук (см. Путешествия в восточные страны...).

Сабырханов А. Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в Казахстане. (На материалах Младшего и Среднего жузов). – Казахстан в эпоху феодализма. (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

Сахаиф ал-ахбар, т. 1-3, – Мунаджжим-баши Дервиш Ахмат. Сахаиф ал-ахбар. Том 1-3. Стамбул, 1295/1868-69.

Сейфи Челеби. Таварих. Рукопись Лейденского университета. № 917.

Семенов, 1941, – Семенов А.А. Уникальный памятник агиографической литературы XVI века. – Известия Узбекского филиала АН СССР, № 3, 1941.

Семенов, 1954, – Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. – Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Семенов, 1954, – Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание империи Тимуридов. – Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Семенов, 1954 г. – Семенов А.А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр. – Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад, 1954.

Скрынникова, 1989. – Скрынникова Т.Д. Сакральность правителя в представлениях монголов XIII в. – Народы Азии и Африки, № 1, 1989.

Скрынникова, 1992, – Скрынникова Т.Д. Представления монголов о сакральности правителя. Тюркские и монгольские письменные памятники. Текстологические и культуроведческие аспекты исследования. М., 1992.

СМИЗО, – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В.Тизенгаузена. Том 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; том 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузом и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.-Л., 1941.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Сокровенное сказание, – С.А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Том 1. М.-Л., 1941.

Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. – Сибирский вестник. Часть 9. Санкт-Петербург, 1820.

Статейный список пребывания в Туркестане, в Хиве и в Бухаре казаков Федора Скибина и Матвея Трошина. – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Том 10. Санкт-Петербург, 1867.

Султанов, 1971, – Султанов Т.И. Некоторые замечания о начале казахской государственности. Известия АН КазССР, серия общественная, № 1, 1971.

Султанов, 1980, – Султанов Т.И. “Семь установленных” – памятник права казахов XVII в. – Страны и народы Востока. Вып. 22. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. Книга 2. М., 1980.

Султанов, 1981, – Султанов Т.И. Сословие султанов в Казахском ханстве XV-XVII веков. – Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981.

Султанов, 1982, – Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. М., 1982.

Султанов, 1986, – Султанов Т.И. О невольниках в казахском ханстве в XV-XVII вв. – Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

Султанов, 1986 г. – Султанов Т.И. Позднесредневековая мусульманская историография. – Народы Азии и Африки, № 3, 1986.

Султанов, 1989, – Султанов Т.И. Известия “Шейбани-наме” Мухаммада Салиха о моголах (XVI в.). – Страны и народы Востока, Вып. 26. М., 1989.

Султанов, 1994, – Султанов Т.И. “Муизз ал-ансаб” и Чингизиды “Кижэ”. – Восток, № 1, 1994.

Сыздыкова Р.Г. Язык “Жамиат-тауарих” Жалаири. Алма-Ата, 1989.

Тамерлан. Эпоха. Личность деяния. М., 1992.

Тарих-и бихан, анонимного автора. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, С 458.

Тарих-и джахан-ара муаллиф Казии Ахмад Гаффари Казвини. Тегеран, 1342/1963.

Тарих-и Рашиди, – Мирза (Мухаммад) Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, В 648, С 394, С 395, В 71.

Тарих-и Рашиди, перев., – The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat. The translation by E. Denison Ross. London, 1895.

Тарих-и Хайдари. – Хайдар ибн Али Хусайн Рази. Тарих-и Хайдари. Рукопись Государственной публичной библиотеки, Санкт-Петербург. ПНС 230.

Тахир Мухаммад. Раузат ат-тахири. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, С. 400.

Трепавлов, 1991, – Трепавлов В.В. Соправительство в Монгольской империи (XIII в.). – Archivum Eurasiae Medii Aevi, VII. 1987-1991. Wiesbaden.

Трепавлов, 1993, – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Умдат ат-таварих, – ал-Хаджж Абд ал-Гаффар Кирими. Умдат ат-таварих. Стамбул, 1343/1924-25.

Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань, 1972.

Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. – Записки Института востоковедения АН СССР. Том 2. Л., 1933.

Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774.

Хабиб ас-сийар, – Хондамир. Хабиб ас-сийар фи ахбар афрад ал-башар. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, D 78.

Хамдаллах Мустауфи Казвини. Зайл-и Тарих-и гузида (Дополнение к “Избранной истории”). Вступительная статья, перевод с персидского, примечания и указатели М.Д. Кязимова и В.З. Пириева. Баку, 1986.

Хара-Даван, 1992, – Эренжен Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Алма-Ата, 1992.

Хасан-бек Румлу, – A Chronicle of the Early Safawis being the Ahsanut-Tawarikh of Hasan-i Rumlu. Vol. I. Persian Text. Baroda, 1931.

Хафиз-и Таныш. Шараф-наме-йи шахи. Рукопись Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, В 88.

Хафиз-и Таныш, перев., – Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-наме-йи шахи. (Книга шахской славы). Перевод с персидского, введение, примеч. и указ. М.А.Салахетдиновой. Часть I. М., 1983; часть 2. М., 1989.

Хроника, – Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина. М., 1976.

Чингиз-наме, – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В.П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Часть первая. Древнее время и средние века. Оренбург, 1924.

Шаджарат ал-атрак, – The Shajrat ul Atrak, or Genealogical tree of the Turks and Tatars. Translated and abridged by Col. Miles. London, 1838.

Шастина, 1957, – Шастана Н.П. Вступительная статья и примечания к книге: Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957.

Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным. – Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Том 1. Казань, 1849.

Юдин, 1966, – Юдин В.П. Известия “Зийа ал-кулуб” Мухаммад Аваза о казахах XVI века. – Вестник АН КазССР, № 5, 1966.

Юдин, 1971, – Юдин В.П. “Тарих-и Шайбани” как источник по истории казахского и каракалпакского народов XVI-XVII вв. – Тезисы докладов научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ. Гуманитарные науки. Алма-Ата, 1971.

Якубовский, 1965, – Якубовский А.Ю. Тимур. (Опыт краткой характеристики). – Вопросы истории, № 8-9, 1946.

Ando Shiro. Timuridische Emire nach dem Muizz al-ansab. Berlin, 1992.

Aubin J. Le Khanate de Cagatai et le Khorassan (1334-1380). – Turcica, 8 (1976). Paris - Strasbourg.

Baddeley John F. Russia, Mongolia, China being some Record of the relations between them from the beginning of the XVII-th Century. Vol. I. London, 1919 (Appendix).

Burton A. Who were the first Ashtarkhanid rulers of Bukhara? – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. Vol.51, Pt.3, 1988.

Haider Mansura. The sovereign in the Timurid State (XIV-XV-th Centuries). – Turcica. Revue d'etudes turques. Tome 8/2, 1976. Paris-Strasbourg.

Holmgren J. Observation on marriage and inheritances practices in Early Mongol and Yuan society, with particular reference to the levirate. – Journal of Asian history. Vol. 20, No.2. Wiesbaden, 1986.

Ismail Aka Timur ve devleti. Ankara, 1991.

Manz Beatrice Forbes. The rise and rule of Tamerlane. Cambridge, 1989.

Morgan David. The Mongols. New York, 1986.

Russell G. Kempiners Jr. Vassaf's Tajziyat al-amsar wa tazjiyat al-asar as a Source for the history of the Chaghadayid Khanate. – Journal of Asian History. Volume 22, No. 2. Wiesbaden, 1988.

The Successors of Genghis Khan. Translated from the persian of Rashid al-Din by John Andrew Boyle. New York and London. Columbia University Press. 1971.

Woods John E. The Timurid dynasty. Bloomington, Indiana, 1990 (Papers on Inner Asia. No. 14).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

От редактора

Со времен тюрков, создавших первую евразийскую империю в Великой Степи (VI-VII вв.), политическая организация кочевого населения на пространствах от Волги до Енисея перестала быть только местным, узкорегинальным фактором. Государство тюрков, созданное кочевым народом и включившееся в систему отношений крупнейших держав тогдашнего мира, не только изменило геополитическую конфигурацию территорий между Китаем и Византией, но и, приспособившись к новой роли, само стремительно менялось. Появились новые властные элиты, уже не связанные с каким-либо одним племенем. Их политическое самосознание диктовалось имперскими нуждами и имперскими амбициями, далеко не всегда связанными с первоначальной землей тюркского эля.

В XIII веке Великий Монгольский улус, созданный Чингизханом и его потомками в еще более обширных пределах, чем Тюркский каганат, не только повторил ситуацию рождения новой властной элиты ("золотой род" Чингизхана и его окружение), но и создал в Великой Степи на много веков вперед устойчивую политическую традицию, определявшую и регулировавшую систему властных отношений внутри государств – наследников Монгольской империи. Гарантом сохранявшейся однородности этих государств стала идеология казалось бы безвозвратно ушедших имперских времен, которая иерархически организовала постплеменное сообщество, возглавленное Чингизидами. Вновь складывающиеся племена и новая племенная аристократия переместились в нижние слои политической организации кочевого общества, а на самом верху оказа-

лись те группы военной знати, которые были генеалогически связаны с “золотым родом”.

Имперская эпоха в истории Великой Степи стала временем рождения новых этнополитических сообществ с новыми элитными группами, новой структурой власти и новыми формами политической организации кочевого мира. Одним из этих новых этнополитических сообществ стали казаки (казахи), чье рождение как народа неразрывно связано с эпохой создания и распада степной империи. Сохранив многие принципы политической организации и политической идеологии империи, новое сообщество развивалось тем не менее под воздействием иных импульсов, порожденных изменившимися условиями геополитической среды.

История этого решающего этапа, когда из массы раздробленных империей древних кипчакских племен конденсировался казахский этнос и первое Казахское государство, эта история не может быть познана, понята и оценена без знания состава и структуры того властного ядра, вокруг которого и усилиями которого осуществлялись интеграционные процессы. Таким ядром была постимперская властная элита, сложившаяся в Великой Степи в XIII-XIV вв., генеалогически связанная с Чингизидами, а политически – с новыми этнотерриториальными группировками.

Стремясь реализовать свои собственные запросы и интересы, силой исторической необходимости степная элита тех времен стала мощным фактором консолидации раздробленного кочевого мира, сопровождавшейся разделом и переделом Центральной Азии, определившим на столетия этническую и политическую судьбу слагающих ее регионов.

★ Турсун Икрамович Султанов впервые осуществил систематическое исследование принципов функционирования и исторической судьбы одной из таких вла-

стных элитарных групп постимперского времени – той из них, без которой было бы немыслимо формирование казахского народа и казахского государства. На основе полного и глубокого изучения тюркских и персидских источников, длившегося более двадцати лет, он воссоздал “во плоти и крови” историю той части казахского этноса, которую мы называем политической элитой и которая в течение нескольких столетий своими действиями и решениями, разумными или неразумными, удачными или трагически ошибочными, во многом определяла не только свою личную судьбу, но и судьбу всего казахского народа. Без тех исследований, которые осуществил Т.И. Султанов, без тех знаний, которые он нам дарует в этой книге, познание прошлого казахского народа оставалось бы неполным и схематичным, лишенным полнокровного жизненного проявления. Будем надеяться, что вслед за этой книгой, Т.И. Султанов подарит нам свои новые труды, посвященные столь непростой и столь значительной теме, которая им избрана.

Профессор
С. Кляшторный.

Для заметок

Султанов Т. И.

ПОДНЯТЫЕ НА БЕЛОЙ КОШМЕ
ХАНЫ КАЗАХСКИХ СТЕПЕЙ

Руководитель проекта Евгения Бережная
Редактор Сергей Кляшторный
Художественный редактор Ольга Бережная
Художник Гульнара Темиралшинова
Верстка Марина Коренева
Корректор Валентина Попиневская

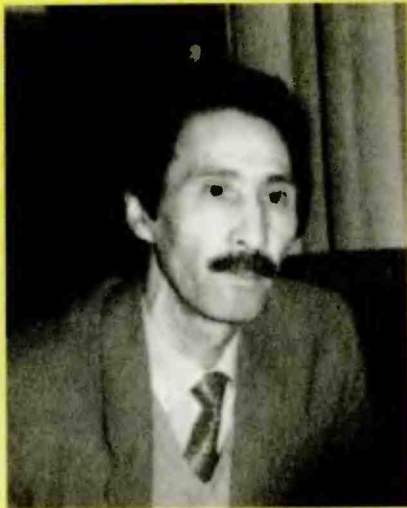
Перевод стихов Г. Алиев, Н. Османов

Издание осуществлено ТОО «Астана Даму-21»
Республика Казахстан,
г. Астана, ул. Ауэзова, 48, оф. 36
тел./факс: (3172) 32 86 54,
e-mail: astanadamu@mail.ru

Подписано в печать 31.10.06.

Формат 60x84 ¹/₁₆ Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Гарнитура Bookman Old Style. Объем 16 п.л. Заказ № 3673.

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация Атамұра» Республики
Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. Макагасева, 41.

Турсун Икрамович Султанов – уроженец Алматинской области, в 1967 году окончил кафедру истории Ближнего Востока Восточного факультета Ленинградского государственного университета, в 1970 году окончил с защитой диссертации аспирантуру при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР.

Т.И. Султанов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения в Санкт-Петербурге: с февраля 1996г. он одновременно заведующий кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, владеет турецким, персидским, чагатайским и английским языками.

Основная специализация Т.И. Султанова – средневековая история и источниковедение Казахстана и Средней Азии. Он автор более 100 научных публикаций, в их числе несколько монографий – “Кочевые племена Приаралья в XV-XVII в.в.”, “Казахстан. Летопись трех тысячелетий” и др.

